



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА
ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Том 15 № 2 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Абрамов В.П. — член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета

Бальшихина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов

Красильникова Л.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мамонтов А.С. — действительный член Российской академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Чеснокова О.С. — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Хавронина С.А. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Эбзеева Ю.Н. — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Дэн Дэвидсон — президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь)

Млечко Т.П. — доктор педагогических наук, доктор хабилитат филологии, иностранный Член российской Академии образования, член правления Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), профессор, ректор Славянского университета Республики Молдова (Молдова)

Рафаэль Гусман Тирадо — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания)

Моника Перотто — профессор, кандидат педагогических наук, научный сотрудник и доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия)

Урия Лауджес — кандидат филологических наук, профессор Центра интенсивного изучения языков Университета Алжир 1 (Алжир)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Facebook, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов» был создан в 1993 году. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания» вышла в свет в 2003 году. На протяжении двадцати лет журнал публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии, методики преподавания языкам и т.д.

В настоящее время тематика журнала охватывает актуальные вопросы филологии: лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, текстоведение, лингводидактика, этнометодика, методика обучения иностранным языкам и их преподавания). Увеличено количество тематических рубрик. Публикуются результаты научных исследований по вопросам изучения русского языка (как родного, неродного, иностранного), иностранных языков.

Цель журнала — создание научно-методической площадки для обмена мнениями российских и зарубежных ученых в области изучения и преподавания русского и иностранных языков по актуальным вопросам формирования межкультурного, языкового, образовательного пространства.

Основные задачи журнала:

- актуализация проблем изучения русского языка и методики его преподавания в школе и вузе;
- рассмотрение вопросов современной зарубежной лингвистики и методики преподавания языков;
- презентация медиадидактических и электронных средств обучения в межкультурном пространстве;
- знакомство с новыми лингводидактическими и педагогическими технологиями
- представление методических проектов.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Молдовы, Испании, Алжира, Италии).

К сотрудничеству приглашаются российские и зарубежные ученые в области русского и иностранных языков.

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»:
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-07-45; e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.05.2017. Выход в свет 30.05.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 9,67. Тираж 500 экз. Заказ № 600. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university



**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUGES RESEARCH
AND TEACHING**

VOLUME 15 NUMBER 2 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia), Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Strelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

EDITORIAL BOARD

Abramov V.P. — Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian as a Foreign Language (Kuban State University)

Alefirenko N.F. — Full Member of the Academy of Social Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language (Belgorod State University)

Batykhina T.M. — Member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of Advanced Training Faculty for Teachers of Russian as a Foreign Language (Peoples' Friendship University of Russia)

Krasilnikova L.V. — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair of Russian for Foreign Students (M.V. Lomonosov Moscow State University)

Mamontov A.S. — Full Member of the Academy of Natural Sciences, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Literature and Intercultural Communication (A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language)

Chesnokova O.S. — Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Khavronina S.A. — Candidate of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

Ebzeeva Y.N. — Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Davidson Dan — President of American Council of Teachers of Russian (ACTR) and American Council for International Education (ACCELS), Director of Russian Language Institute, Foreign Member of Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Foreign Language Teaching of Bryn Mawr College

Maslova V.A. — Member of the Presidential Board Of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics of Vitebsk State University (Belarus)

Mlechko T.P. — Doctor of Pedagogy, Doctor Habilitat of Philology, Foreign Member of Russian Academy of Education, Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), professor, Rector of Slavonic University of Moldova

Rafael Guzman Tirado — Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology of Granada University (Spain)

Monica Perotto — professor, Candidate of Pedagogy, research assistant and associate professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy)

Houria Laouedj — Candidate of Philology, Professor of the Centre of Intensive Language Teaching (University Algeria — 1) (Algeria)

**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES
RESEARCH AND TEACHING.**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

The scientific journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia" has been published since 1993. The first issue of the series "RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching" came in 2003. The journal has published the results of fundamental and applied research in linguistics, text analysis, cultural studies, methods of teaching languages, etc. for 20 years.

Now the themes of the journal include actual problems of philology: linguistics, psycholinguistics, cultural studies, country studying, intercultural communication, text studying, linguodidactics, ethnomethodics, methods of teaching learning foreign languages. The number of the journal columns has increased. The journal publishes the results of scientific research in teaching Russian (as a native, non-native and foreign language) and other languages.

The aim of the journal is to create a scientific and methodical forum where Russian and foreign scientists could exchange their views on learning and teaching Russian and foreign languages, on actual problems of intercultural, linguistic and educative environment.

The main tasks of the journal are as follows:

- to point out the problems of learning and teaching Russian at school and university;
- to discuss the questions of modern foreign linguistics and methods of teaching languages;
- to present electronic means of education in intercultural environment;
- to get acquainted with new linguodidactic and pedagogic technologies;
- to show methodical projects.

The authors can present scientific articles (theoretical, academic and research, scientific and methodical), reviews, critical reviews, annotations, reports about Russian and foreign scientists.

The journal is on the list of journals reviewed by Higher Attestation Commission for presenting the results of doctorate thesis. Young scientists can publish their articles in the column "The page of a young researcher".

The journal has an international status which is provided by the editorial board and reviewers (famous scientists from international academies and universities in Russia, the USA, Belarus, Moldova, Spain, Algeria, Italy).

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Russian and foreign languages.

Methods of its teaching":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-07-45;
e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Лаптева М.Л.** Особенности восприятия инокультурных образов носителями русского языка (на фразеологическом материале) 137
- Маркова Е.М.** Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты 152
- Фаткуллина Ф.Г.** Базовые понятия лингвокультурологического анализа 175

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

- Белова М.А.** Лингвокультурологический и лингвоперсонологический анализ реализации религиозных концептов в русской креализованной карикатуре 189

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Стернин И.А.** Лексикографическое представление психолингвистического значения слова 204

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

- Загоровская О.В., Бирюкова Е.Д.** Учебный нормативно-стилистический словарь русского языка как иностранного: концепция и структура 215
- Московкин Л.В.** Прологомены к теории методов обучения неродному языку 231

РЕЦЕНЗИЯ

- Азимов Э.Г.** Рец. на кн.: Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / *А.Н. Шукин* 246

CONTENTS

CULTURAL LINGUISTIC

Lapteva M.L. Peculiarity of perception of foreign image by native Russian speakers (based on set expressions)	137
Markova E.M. Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects	152
Fatkullina F.G. Basic notions of linguocultural analysis	175

THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST

Belova M.A. Linguocultural and linguapersonal analysis of religious concepts implementations in Russians creolised cartoons	189
--	-----

ACTUAL PROBLEMS OF LEARNING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Sternin I.A. Lexicographic representation of psycholinguistic meaning of the word.....	204
---	-----

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Zagorovskaya O.V., Biryukova E.D. Learning standart stylistic dictionary of Russian as a foreign language: concept and structure	215
Moskovkin L. Prolegomena to the theory of methods of teaching non-native language	231

REVIEWS, ANNOTATIONS, ETC.

Azimov E.G. Shchukin A.N. Methods of teaching Russian as a foreign language	246
--	-----

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед Вами номер журнала, который посвящен как теоретическим, так и практическим вопросам лингвокультурологии, представляющей собой научную парадигму с концептуальной основой и дефинированным категориальным аппаратом.

В статьях известных российских ученых рассматриваются лингвистические, социокультурные тенденции формирования языковой личности в процессе межкультурной коммуникации на основе базовых понятий лингвокультурологического анализа, рассматриваются аспекты вторичной номинации, транслирующие коды, в которых отражается культурологическая информация. На основе кросскультурного анализа восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национально-языковой картины мира представлены особенности восприятия инокультурных образов носителями русского языка.

В рубрике «Страничка молодого исследователя» продолжается названная тематика. В статье М.А. Беловой сделан лингвокультурологический и лингвоперсонологический анализ реализации религиозных концептов в русской креолизованной карикатуре.

Приглашаем к дальнейшему сотрудничеству коллег, которых интересуют проблемы лингвокультурологии.

Главный редактор журнала
«Вестник РУДН.

Серия: Русский и иностранные языки
и методика их преподавания»
Виктор Михайлович Шаклеин

DEAR READERS!

We are very pleased to introduce this issue of the PFUR journal, which covers both theoretical and practical questions within the sphere of cultural linguistics. This sphere constitutes a scientific paradigm with a conceptual basis and a defined categorical framework.

In their articles, highly regarded Russian scientists study the linguistic and sociocultural tendencies of the formation of a linguistic personality over the course of cross-cultural communication based on key concepts of the cultural linguistic analysis. In addition they analyse aspects of secondary nomination and semiotic codes, which are used to convey cultural information. In the articles, they present the ways in which Russian native speakers interpret images of foreign cultures based on a cross-cultural analysis of the perception of a “stranger” in phrasal fragment reflecting a national-linguistic image of the world.

“Page of a Young scientist” discusses the above mentioned topic. In her article, M.A. Belova makes a linguo-cultural and -personal analysis of the implementation of religious concepts as portrayed in Russian creolised cartoons.

We would like to invite the future participation of any colleagues, interested in cultural linguistics.

Editor-in-chief of the magazine
“Vestnik RUDN.
Series Russian and foreign languages
their teaching technique”
Victor Mikhaylovich Shaklein



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-137-151

УДК 81:39-81'373

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

М.Л. Лаптева

Федеральное государственное общеобразовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью на современном этапе развития лингвистической мысли инокультурных образов, репрезентативных для языкового осознания носителей русского языка. Цель статьи — определить лингвокультурологический потенциал различных групп инокультурных фразеологических единиц и провести кросскультурный анализ восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира. В качестве материала исследования выступают инокультурные фразеологические единицы, отличающиеся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащие на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент (*пролететь как фанера над Парижем, в Греции все есть, Восток — дело тонкое* и др.). Однако представленный во фразеографических источниках материал с точки зрения активности и частотности употребления не всегда соответствует реальной коммуникативно-прагматической ситуации. Проведенный кросскультурный анализ позволил выявить тенденции аккультурации «чужого» в русском языковом сознании. Фразеологическая вербализация тех или иных культурных образов зависит от степени ценности и значимости данного образа для картины мира членов лингвокультурного сообщества. Не все инокультурные образы адекватно воспринимаются носителями русского языка, а потому не всегда отмечается активная реализация в речи некоторых кодифицированных фразеологических единиц.

Ключевые слова: инокультурная фразеологическая единица, инокультурный образ, кросскультурный анализ, категория «Свое / Чужое»

Введение

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью на современном этапе развития лингвистической мысли инокультурных образов, репрезентативных для языкового осознания носителей русского языка, в то время как наблюдаются тенденции активного взаимодействия различных национальных лингвокультур, что, в свою очередь, стимулирует проведение исследований по выявлению особенностей языкового сознания, обнаружению национально-специфических черт в процессе концептуализации и категоризации человеческого опыта постижения окружающей действительности.

Несмотря на то что история вопроса, касающегося языка как средства выражения культуры, берет начало еще в трудах Я. Гримма и В. Гримма, идеи которых развивались Й.Л. Вайсгербером, В. фон Гумбольдтом, Э. Сепиром, а также отечественными лингвистами А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потемной и др., до сих пор находятся неизученные грани, которые заставляют исследователей в очередной раз обращаться к данной проблеме. Интерес к исследованию феномена «язык и культура» объясняется стремлением проникнуть в тайну языкового сознания и показать языковую систему в целом и фразеологическую в частности в виде проекции экстралингвистической реальности.

В лингвистике XXI века язык по-прежнему воспринимается в качестве специфического способа существования культуры. Многочисленные исследования взаимосвязи языка и культуры нации позволяют определить основную бинарную оппозицию мировой и русской культуры — «Свое / Чужое» — как языковой феномен.

Рассмотрение категории «Свое / Чужое», понимаемой автором как «национально специфическое / инокультурное», безусловно, находится в плоскости интересов современной лингвистики, где давно произошла переориентация с формально-грамматического подхода на антропоцентрический. Обозначенная категория является фундаментальным противопоставлением, бытующим как в сознании отдельного члена лингвокультурного сообщества, так и в национальном сознании, и составляет часть языковой картины мира посредством вербализации многочисленными языковыми единицами, в том числе знаками косвенно-производной номинации.

Лингвистическое осмысление оппозиции «Свое / Чужое» в предшествующих исследованиях (М.М. Бахтина [1], В.В. Красных [2], А.Б. Пеньковского [3], А.Н. Серебренниковой [4], М.Н. Петроченко [5], И.С. Выходцевой [6], М.Х. Рахимбергеновой [7], А.Ю. Скрыльниковой [8] и др.) позволило выявить семантические особенности свойственности / чуждости, языковые средства ее репрезентации в различных формах речи, категориальную и лингвокультурологическую сущность данной оппозиции; определить ее роль в межъязыковой (А.А. Брагина [9]) и межкультурной коммуникации (В.Б. Кашкин [10], Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова [11]). Следовательно, настоящая статья оказывается включенной в круг современных концепций описания фразеологического материала на стыке когнитивной лингвокультурологии и этнолингвистики.

Авторитетные работы отечественных и зарубежных фразеологов (Н.Ф. Алевиренко, Д.О. Добровольского, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, З.Д. Поповой, В.Н. Телия, Стефки Георгиевой, Wojciech Chlebda, Željka Fink, Harry Walter др.) позволили наметить проблемы дальнейшего изучения фразеологических единиц как единиц, репрезентирующих «социальную и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов» [12]. Так, лакунарными зонами фразеологических исследований по-прежнему остаются проблемы: 1) логического обоснования процесса трансляции элементов инокультурного фонда в знаки косвенно-производной номинации русского языка; 2) реконструкции диахронии инокультурных образов во фразеоло-

логическом корпусе языка; 3) обоснования критерия культурно значимого отбора информации для фразеологического кодирования.

Изучение роли фразеологии в формировании языкового сознания, языкового образа мира и концептосферы того или иного языка определило актуальность и необходимость рассмотрения культурно маркированных как «национально специфическое» или «инокультурное» компонентов фразеологического фрагмента национальной языковой картины мира. При этом учитываются в качестве взаимодополняющих такие параметры, как семантический, этимологический, лингвокультурологический, когнитивный и дискурсивный.

Практическое значение статьи связано с возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, теории международной и межкультурной коммуникации, контрастивной лингвистики, фразеологии, а также в практическом курсе преподавания русского языка как иностранного и как неродного. Выработанные методики анализа могут быть применимы в общей фразеологии (в частности, в практике составления лингвокультурологических и когнитивно ориентированных словарей).

Цель

Целью статьи является определение лингвокультурологического потенциала различных групп инокультурных фразеологических единиц и проведение кросс-культурного анализа восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира.

Косвенно-производные знаки могут рассматриваться в аспекте *кросскультурности*, т.е. с учетом синтеза двух наук — лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. «Лингвокультурология — это наука, которая занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира. Однако она не занимается вопросами взаимовлияния и взаимопроникновения *различных* языков и культур. Межкультурная коммуникация — это наука, определяющая процессы взаимодействия разных культур и этносов в условиях поликультурного мира. Однако она не затрагивает вопроса их *взаимовлияния и взаимопроникновения*» [13]. Следовательно, обогащать языковую культуру носителя всем этническим спектром отражения мира в языке призвана *кросскультурность*, которая оперирует категориями общего и различного.

Материалы и методы

В качестве материала исследования автором выбраны **инокультурные фразеологические единицы**, под которыми понимаются единицы косвенно-производной номинации, отличающиеся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащие на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент. Например, *британский лев* (публ.) — ‘о Великобритании, о британской нации’. Предположительно, впервые в переносном значении это выражение использовано в поэме Д. Драйдена «Лань и барс» (1787). Лев с 1603 года является геральдическим символом британской

монархии, национальной эмблемой Великобритании [14]. Фразеологическая единица есть репрезентант инокультурного концепта «Англия». Языковая память носителя русского языка поддерживается знанием английской национальной символики.

Исследовательский фразеологический материал показывает, что критерий избирательности объектов мыслительного отражения и их языковой репрезентации играет большую роль в процессе фразеомобразования, например, единиц с топонимическим компонентом. К тому же, представленный во фразеографических источниках материал с точки зрения активности и частотности употребления не всегда соответствует реальной коммуникативно-прагматической ситуации. Данное предположение можно подтвердить результатами проведенного автором социолингвистического эксперимента.

Цели проверки: 1) определить набор фразеологических единиц, которые служат реактивными репликами носителей русского языка на стимул — инокультурный образ; 2) выявить те из них, которые отличаются устойчивостью; 3) сравнить полученные единицы с фразеологическими единицами, отраженными во фразеологических словарях. Испытуемыми стали 300 студентов филологического, исторического и юридического факультетов Астраханского государственного университета, получившие следующее задание: *Вспомните идиомы, крылатые выражения, афоризмы со словами Рио-де-Жанейро, Чикаго, Нью-Йорк, Париж, Рим, Греция, Польша, Европа, Восток, Запад*. Уточним, что эксперимент носил частичный характер в плане отбора языкового материала, поскольку инокультурные фразеологические единицы составляют достаточно емкий класс единиц косвенно-производной номинации.

Результаты

Проведенный эксперимент выявил, что успешное протекание процесса восприятия инокультурных образов в языковом сознании носителей русского языка определяет фразеологическую репрезентацию одних образов и неактуальность других.

Таблица

**Результаты социолингвистического эксперимента
(The results of the sociolinguistic experiment)**

Инокультурный топонимический образ	Кодифицированные фразеологические единицы	Актуализация реципиентами фразеологических единиц	Кол-во употреблений	% употреблений
Рио-де-Жанейро	<i>Это не Рио-де-Жанейро</i>	Отсутствует	0	0
Чикаго	<i>Ты не в Чикаго, моя дорогая</i>	Отсутствует	0	0
Нью-Йорк	<i>Нью-Йорк — город контрастов</i>	+	3	1
Париж	<i>Увидеть Париж и умереть</i>	+	75	25
	<i>Пролететь как фанера над Парижем</i>	+	39	13
	<i>Париж стоит мессы (обедни)</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Хорош Париж, а живет и Курмыш</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Чрево Парижа</i>	Отсутствует	0	0
Рим	<i>Все дороги ведут в Рим</i>	+	144	48
	<i>Москва — третий Рим</i>	+	42	14

Окончание таблицы

Инокультурный топонимический образ	Кодифицированные фразеологические единицы	Актуализация реципиентами фразеологических единиц	Кол-во употреблений	% употреблений
Рим	<i>Быть в Риме и не видеть Папы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Наши предки Рим спасли</i>	Отсутствует	0	0
Греция	<i>В Греции все есть</i>	+	51	17
	<i>В греческом зале</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Греческий огонь</i>	Отсутствует	0	0
Польша	<i>Дела как в Польше</i>	+	3	1
Европа	<i>Окно в Европу</i>	+	15	5
	<i>Галопом по Европам</i>	+	6	2
	<i>Европа может подождать</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Священные камни Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Жандарм Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Мягкое подбрюшье Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Пустите Дуньку в Европу</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Пол-Европы прошагали, полземли</i>	Отсутствует	0	0
Восток	<i>Восток — дело тонкое</i>	+	126	42
Запад	<i>Гнилой Запад</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись</i>	Отсутствует	0	0

В процессе межкультурного диалога фразеологические единицы, функционируя для выражения определенных интенций, характеризуют процесс вхождения национальной языковой культуры в единое лингвокультурное пространство.

Из бесконечного множества потенциально существующих топонимических образов вербализуются только те, что способны заполнить речемыслительные лакуны, занять определенное звено в ценностно-смысловом пространстве данного этноязыкового сообщества и могут быть использованы в определенных актах номинации.

В результате эксперимента получены ответы реципиентов (таблица) и данные, которые зафиксированы во фразеологических словарях.

Обсуждение

Эксперимент показал, что из десяти предложенных испытуемым стимулов (инокультурных образов) два (*Рио-де-Жанейро* и *Чикаго*) не получили фразеологической объективации. Тем не менее, в Большом словаре крылатых слов (В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулешкова, 2000 [15]) зафиксированы единицы *это не Рио-де-Жанейро* и *ты не в Чикаго, моя дорогая*. Когнитивным основанием формирования фразеологического значения данных выражений, как говорилось ранее, становится своеобразный «идеализированный» западный топонимический образ.

Например, фразеологическая единица *ты не в Чикаго, моя дорогая* функционирует в шутливо-ироническом контексте в качестве предложения умерить свои требования, считаться с реальностью, в которой далеко не все желания (даже разумные, оправданные) могут быть удовлетворены. Образ географически дале-

кого от России, «чужого» Чикаго выступает символом места, где возможно исполнение всех желаний. Такое восприятие образа Чикаго объясняется на уровне когнитивно-дискурсивного анализа формирования значения фразеологической единицы. Источником появления единицы *ты не в Чикаго, моя дорогая* является дискурсивное пространство советского художественного текста С.Я. Маршака «Мистер Твистер» (1933), в котором американский миллионер Твистер приезжает со своей дочерью в советский Ленинград. В данной ситуации происходит столкновение «своей» (русской, советской) действительности с «чужой» (американской). Первоначально фраза *ты не в Чикаго, моя дорогая* принадлежит Твистеру и отражает его видение советского культурного пространства. Однако, получив широкое распространение, выражение потенциально может использоваться в любой речевой ситуации, где необходимо указать на несовпадение желаний с возможностями. Например: — *Может, мы с моим коллегой что-то напутали в маршруте? Ехали в российский город Н-ск, а попали в Чикаго времен гангстерских войн?...* — *Да, моя дорогая, ты не в Чикаго,* — медленным тоном сказал он. — *Ты в аккурат там, где ты сейчас находишься...аналогию можешь продолжить сама, грамотная наша...* (С.В. Соболев. Титановая гильотина — НКРЯ).

На остальные стимулы реакции были получены, тем не менее, круг фразеологических единиц, которые актуализировались в сознании носителей языка, намного уже того, который мы имеем в результате выборки из фразеологических словарей. Наиболее употребительными фразеологическими единицами являются следующие:

Все дороги ведут в Рим (назвали 144 реципиента из 300);

Восток — дело тонкое (126 употреблений);

увидеть Париж и умереть (75 употреблений).

Немного ниже показатели употребительности у следующих фразеологических единиц:

в Греции все есть (51 употребление);

Москва — третий Рим (42 употребления),

пролететь как фанера над Парижем (39 употреблений).

Анализируя лингвокультурологическую основу фразеологической единицы *пролететь как фанера над Парижем*, необходимо учитывать, что принято считать: юмор и находчивость — неотъемлемые черты французского национального характера. Умение привлечь внимание, убедить либо дать отпор основывается у французов не столько на солидности и основательности, сколько на остроумии и юморе. Так, ни без доли иронии была создана ФЕ *пролететь как фанера над Парижем*, семантика которой определяется как ‘оказаться не у дел, потерпеть неудачу, провалиться’.

Стоит отметить, что попытки установить этимологию единицы *пролететь как фанера над Парижем* приводят к противоречивости версий. Нельзя назвать точную дату возникновения единицы: одни исследователи называют 20-е годы XX века, другие указывают, что широкую известность в русском языке данная единица получила позднее — в 60—70-е годы XX столетия. На сегодняшний день данное выражение является загадкой с историко-этимологической точки зрения.

В сети Интернет часто встречается история о том, что в 1908 году французский авиатор Огюст Фаньер, совершая показательный полет над Парижем, столкнулся с Эйфелевой башней и погиб. После этого инцидента меньшевик Юлий Мартов сделал заметку в газете «Искра» о том, что «царский режим летит к своей гибели так же быстро, как господин Фаньер над Парижем». Позднее фонетика оборота была невольно искажена массами, что привело к современному выражению ***пролететь как фанера над Парижем***.

Вторая версия происхождения этой единицы также связана со случаем катастрофы, однако она не привязана к имени пилота, а отсылает к названию дирижабля — «Фленер». На взгляд автора, существует основание поставить достоверность данной версии под сомнение по причине недостаточной схожести фонетического облика слов «фленер» и «фанера».

Другие источники говорят, что фамилией одного из первых французских авиаторов была Фонье. Именно его полет на картонном аппарате, ставший сенсацией для парижан, послужил поводом для создания этого выражения, а в дальнейшем и название самого аппарата — «Фанера» — дало наименование материалу, из которого он был сделан: слоеный плотный деревянный картон стали называть фанерой.

Перечисленные версии, несмотря на частую цитируемость, не имеют основательного подтверждения и, вероятно, должны рассматриваться как народная этимология.

Единичная «узнаваемость» у следующих единиц:

(прорубить) окно в Европу (15 употреблений);

галопом по Европам (6 употреблений);

дела как в Польше (3 употребления);

Нью-Йорк — город контрастов (3 употребления).

Из общего количества инокультурных образов значимость для русского лингвокультурного пространства приобретают *Рим*, *Париж* и *Европа*, поскольку только на данные стимулы было отмечено более одной реакции. Абсолютно неизвестными для испытуемых оказались 18 фразеологических единиц.

В ходе лингвистического эксперимента автором зафиксированы единицы, не имеющие фразеографической закреплённости, но, возможно, по степени устойчивости, воспроизводимости и идиоматичности способные пополнить фразеологический корпус. Это касается, прежде всего, выражения ***дикий Запад***, которое было названо 36 реципиентами, в то время как кодифицированная фразеологическая единица ***гнилой Запад*** не была отмечена ни одним реципиентом. Этот факт, на взгляд автора, имеет достаточно логичное объяснение. Фразеологических единиц ***гнилой Запад*** указывает на разницу в развитии России и западных стран, что было характерно для советского сознания. Однако для современной российской действительности такой взгляд на отношения между Россией и Западом нельзя признать актуальным, отсюда и отсутствие функционирования рассматриваемой единицы, особенно в речи представителей молодого поколения, а испытуемые — это студенческая аудитория. Наоборот, репрезентативность выражения ***дикий Запад*** связана со знанием американских фильмов в жанре вестерн, которые рассказывают о реалиях Дикого Запада.

Невостребованными на современном этапе развития языка оказываются фразеологических единицы, появившиеся в эпоху, когда взаимовлияние западной и русской культур имело иную идеологическую основу. Словарная статья подразделяется на три основные части.

Первая часть содержит словарную дефиницию фраземы и ее стилистическую квалификацию.

Вторая часть включает новый иллюстративный материал, показывающий функционирование фраземы в современном публицистическом или художественном дискурсе, в интернет-коммуникации. Иллюстративная часть раскрывает типовую сочетаемость фраземы, речевое варьирование ее структуры и смыслового содержания — знак ¶.

Третья часть содержит взаимодополняющие рубрики: (1) указывает на дискурсивное пространство, которое явилось когнитивным стимулом возникновения косвенно-производной номинации, — знак ☰; (2) называет лежащий в основе фразеологического значения концепт — знак ↗; (3) определяет ассоциативно-смысловые средства сохранения данной фраземы в активной зоне языкового сознания — знак ☸.

К таким единицам относятся выражения с компонентом *Европа*:¹

Жандарм Европы Характеристика российского царизма.

¶ 1) *Русская интеллигенция век рыдала, что бесчеловечный деспот Николай Палкин способствовал подавлению европейских революций 1848 года. За это Россию презрительно обзывали «жандарм Европы». Мол, передовые народы стремились к свободе и демократии, а реакционный царизм стоял на пути исторического прогресса. Это нам и в советской школе преподавали* (<http://pioneer-lj.livejournal.com>).

2) *Действовать, таким образом, польские власти решились под угрозой Кремля ввести в Польшу войска, если они не решатся или не смогут сами разгромить «Солидарность». На польской границе заблаговременно была сконцентрирована огромная советская армия. Россия вновь, как и в XIX веке, выступала в качестве «жандарма Европы», в данном периоде — Европы восточной* (<http://vestnikcivitas.ru>).

☰ Дискурсивное пространство зарубежной литературы (иностранной публицистики).

Выражение пришло в русский язык из западноевропейской прессы, писавшей о русском царизме в середине XIX века.

↗ Концепт «Россия».

☸ Языковая память поддерживается знанием истории.

Мягкое подбрюшье Европы Уязвимое место.

¶ 1) *Так почему же в Гааге возник такой обвинительный перекоп в «сербскую» сторону? Неужели получается, что в гражданскую войну только сербы творили бесчинства, а хорваты, боснийцы и албанцы — за исключением отдельных демонических личностей — были ангелами во плоти? Разумеется, нет! Просто Запад заинтересован «топить» сербов и выгораживать других участников последних балканских войн*

¹ Далее приводятся словарные материалы «Чужое» в «Своем» фразеологическом пространстве // Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2013.

по чисто геополитическим причинам. Еще Уинстон Черчилль мечтал о том, чтобы Балканы — это «**мягкое подбрюшье Европы**» — стали прозападными, несмотря на традиционно прорусские настроения населявших их славян (<http://nvspb.ru>).

2) Одним из главных козырей оппозиции в этой кампании стала как раз поддержка правительством Станишева российско-болгарских проектов в сфере энергетики, о которых правые уже не первый год говорят как о саботаже единой энергетической политики Евросоюза и о средстве скрытого проникновения влияния «русской империи» в **мягкое подбрюшье Европы** (<http://www.regnum.ru>).

📖 Дискурсивное пространство речи зарубежных исторических личностей.

Выражение сложилось на основе ряда заявлений премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В выступлении в палате общин (11 ноября 1942) У. Черчилль назвал Балканы «подбрюшьем держав Оси» (оси «Берлин-Рим»). Эпитет *мягкое* прозвучал в беседе У. Черчилля с И.В. Сталиным в Москве (август 1942), где британский лидер сказал: «Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы. <...> Мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила...». Перевод с англ. *Soft underbelly of Europe*.

↪ Концепт «Уязвимость».

📖 Устойчивое словосочетание **мягкое подбрюшье Европы** окончательно сложилось в материалах британских публицистов. Предполагают, что впервые его употребил английский журналист Джеффри Краудер [16].

Пустите Дуньку в Европу! Восторженное отношение к внешней стороне жизни западных стран.

📌 1) «**Пустите Дуньку в Европу!**» Россия де-факто осталась на карте мира в гордом одиночестве, растеряв всех своих союзников не только из числа стран, формировавших социалистический лагерь, оплачиваемых режимов в Африке, на Ближнем Востоке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, но и тех, кто некогда входил в состав супердержавы под названием СССР. В общем: «**Пустите Дуньку в Европу!**» А так ли нам уж нужна эта Европа? (<http://glavnoe.ua>).

2) «Венгрия. Идём с женой по одному городку. Чистота идеальная. Вдруг слышу ласковый мат. Идут в обнимку парень с девицей. Открывают об забор бутылку пива, засосали из горла и швырнули в кусты. И ещё множество подобных случаев в кафе, в магазинах. В общем, **пустили Дуньку в Европу!**» (<http://www.kp.ru>).

📖 Дискурсивное пространство русской литературы.

В пьесе русского советского писателя К.А. Тренева «Любовь Яровая» (1926) эту реплику произносит профессор в отношении бегущих от Советов на Запад мещан.

↪ Концепт «Европа».

📖 Языковая память поддерживается знанием пьесы К.А. Тренева [16].

Европа может подождать (шутл. -ирон.) Предложение не волноваться по поводу опоздания куда-либо, поскольку опаздывающий задерживается по важному делу.

📌 1) — **Европа может подождать!** — в полный голос рявкнула девчонка, и Малфой, вздрогнув от неожиданности, уронил в свой котел пакетик с пыльцой одуванчика. — Два, один, стоп (<http://www.snapetales.com>).

2) *Руководство команды в лице Мизрахи, Федермана и Каца, являющееся наглядной иллюстрацией к басне Крылова о лебеде, раке и щуке, третий сезон подряд выбирает в качестве тренера фигуру компромиссную, и лишь с одной целью — удержать позиции безусловного лидера в местном чемпионате. А Европа? Европа может подождать* (<http://www.israelbasket.com>).

3) «Как вы можете думать о любви, когда речь идёт о судьбе всей Европы?» — спрашивает Болингброк. Абигаиль нетерпеливо его перебивает: «**Европа может подождать.**» Мы сегодня занимаем позицию молодой неопытной девушки: **Европа может подождать.** Конечно, может. И, честно говоря, что ей Гекуба? Это же наш выбор. Нам с этим жить (<http://pl.com.ua>).

📖 Дискурсивное пространство речи русских исторических деятелей.

Автор выражения — российский император Александр III Миротворец. Однажды, когда Александр Александрович находился в своей загородной резиденции, ему доложили, что в Петербурге аудиенции ожидают иностранные послы. На что он, желая подчеркнуть вес России в мировых делах, сказал: «Когда русский царь удит рыбу, **Европа может подождать.**»

↔ Концепт «Время».

📖 Языковая память поддерживается знанием исторического факта [16].

Священные камни Европы Об исторических местах Европы.

📌 1) *Очень интересны замки Тоса-дель-Мар, древняя крепость XII века, замки в самой Барселоне, — удивительные строения, ничего подобного я раньше никогда не видел, хотя Генуэзская крепость в Судаке на территории России — наиболее интересное сооружение. Но испанцы (и вообще европейцы) умеют гораздо лучше, чем мы, сохранять подобные памятники. И для меня было важно увидеть, как это всё можно сохранить в почти первозданном, неразрушенном виде. Так я созерцал **священные камни Европы** и прикасался к ним...* (<http://www.kluchnikov.ru>).

2) *Я подумал: кем был этот человек, если не упущенной возможностью самого себя? И вообразил себе бедного старого книгочея странником, идущим на закат. Как он, гонимый тоской по мировой культуре, бредёт с шенгенской визой мимо ристалищ и капищ, мимо храмов и баров, спотыкаясь о **священные камни Европы...** в поисках утраченного времени* (<http://www.vestnik57.ru>).

3) *Удивительно, но сегодняшняя Чехия, чьи города вымощены «**священными камнями Европы**», тоже испытывает свой кризис либерализма. В политической жизни, как говорят сами чехи, преобладают разочарование и равнодушие* (<http://www.povaygazeta.spb.ru>).

📖 Дискурсивное пространство русской литературы.

Предположительно выражение восходит к романам Ф.М. Достоевского «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879). В «Подростке» Версилов говорит: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же точно была отечеством нашим, как и Россия. О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже нам дороже, чем им самим!»

↔ Концепт «Европа».

📖 Языковая память поддерживается знанием произведений Ф.М. Достоевского [16].

Теоретически каждый акт заимствования на когнитивном уровне сопряжен с востребованностью той или иной единицы для языковой картины мира коммуникантов, с актуализацией ценностно-культурной значимости единицы для данного лингвокультурного сообщества. Данная мысль находит отражение как в работах философов языка Й.Л. Вайсгербера [17] и В. Гумбольдта [18], так и в работах теоретиков фразеологии, например, Д.О. Добровольского [19; 20], А.М. Мелеровича [21], В.М. Мокиенко [22], М. Янковичевой [23]. С подобных позиций действительно актуальными оказываются фразеологические единицы, в основе которых лежит инокультурный образ, «заряженный» определенной оценкой «чужого» культурного пространства, как правило, косвенно соотносимого со «своим». Сравним с контекстным употреблением единицы *увидеть Париж и умереть*: *Я стояла и смотрела с высоты 320 метров на Париж. Теперь я действительно поняла, что значит увидеть Париж и умереть. Вот это счастье!* (www.modvlad.ru). Источником формирования подобного варианта функционирования выражения становится положительное представление о происходящем на «другой стороне». В то же время сопоставление инокультурного образа Парижа с русскими реалиями приводит к порождению шуточного выражения *Подумаешь, увидел Париж и умер — попробуй увидеть Москву и прописаться!* (в материалах наших испытуемых встречается 1 употребление).

Взаимопроникновение «своих» и «чужих» географических образов отмечается в окказиональном выражении *из Киева в Чернигов через Рио-де-Жанейро* (1 употребление), указывающем, по всей видимости, на длительное преодоление кем-либо короткого расстояния.

Научная новизна результатов, отраженных в данной статье, заключается в том, что впервые: 1) в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию категории «Свое / Чужое» во фразеологии применен метод корреляционного анализа; 2) определены когнитивно-дискурсивные критерии видения и понимания семантической структуры фразеологических единиц — вербализаторов оппозиции «Свое / Чужое»; 3) выявлены закономерности интеграции заимствованного во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира.

Заключение

Таким образом, фразеологическая вербализация тех или иных культурных образов зависит от степени ценности и значимости данного образа для картины мира членов лингвокультурного сообщества. Не все инокультурные образы адекватно воспринимаются носителями русского языка, а потому не всегда отмечается активная реализация в речи некоторых кодифицированных фразеологических единиц. Состояние современной русской речи отражают единицы, в значении которых содержится оценка «чужого» культурного пространства, соотносимого с универсальными и актуальными фактами русской действительности.

Бинарная модель мира не только общая для человека психологическая черта, но и отличительная черта современной культурной парадигмы. Вершиной сложной модели оппозиций, пронизывающих человеческое сознание и находящих выражение в языке, является глобальное членение на «свою» и «чужую» культуру.

С лингвокультурных позиций важен, прежде всего, образ «чужой» культуры в зеркале «своей», ибо в другой культуре внимание обращается на нечто непривычное и подвергается это языковой рефлексии. Так «чужое» начинает жизнь в «своем» культурном, а затем и в языковом пространстве. Проекция лингвокультурных маркеров «своего» и «чужого» на фразеологическую систему русского языка открывает перспективы выявления механизмов объективации проведенных культурой ментальных границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 34—57.
- [2] *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- [3] *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 406 с.
- [4] *Серебренникова А.Н.* Диалектное слово с семантикой «свойственности» — «чуждости»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
- [5] *Петроченко М.Н.* Семантический компонент «свой» / «чужой» в фольклорном и диалектном бытовом тексте: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 227 с.
- [6] *Выходцева И.С.* Концепт «Свой — Чужой» в советской словесной культуре (20—30-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 187 с.
- [7] *Рахимбергенова М.Х.* Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 192 с.
- [8] *Скрыльникова А.Ю.* Категориальная и лингвокультурологическая сущность чуждости в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 2008. 293 с.
- [9] *Брагина А.А.* Чужое-свое (от заимствования к словотворчеству) // Грамматика и норма. М.: Наука, 1977. 315 с.
- [10] *Кашкин В.Б.* Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 49—62.
- [11] *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2006. 336 с.
- [12] *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 265 с.
- [13] *Алиева Н.Н.* Лингвокультурология, межкультурная коммуникация и кросскультурная лингвистика. URL: http://www.rusnauka.com /8_NPE_2007 /Philologia/19454.doc.htm
- [14] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926 с.
- [15] *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. 624 с.
- [16] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. М.: Изд-во Локид-Пресс, 2005. 880 с.
- [17] *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. 223 с.
- [18] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- [19] *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37—48.
- [20] *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 48—58.
- [21] *Мелерович А.М.* Факторы, мотивирующие смысловое содержание фразеологизмов в тексте // Культурные аспекты в языке и тексте: сб. научн. тр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. С. 127—135.

- [22] Мокшенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 3–13.
[23] Янковичова М. Свое и чужое во фразеологии языка: проблемы определения / М. Янковичова // *Rossica Olomucensia XXXVIII*. Olomouc, 2000. Č. 2. S. 453–459.

© Лаптева М.Л., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

Для цитирования:

Лаптева М.Л. Особенности восприятия инокультурных образов носителями русского языка (на фразеологическом материале) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 137–151.

Сведения об авторе:

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». *Сфера научных интересов*: лексикология, фразеология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. Автор более 130 научных публикаций. *Контактная информация*: hohlina2004@yandex.ru

PECULIARITY OF PERCEPTION OF FOREIGN IMAGE BY NATIVE RUSSIAN SPEAKERS (BASED ON SET EXPRESSIONS)

M.L. Lapteva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Astrakhan State University”
Tatishcheva str., 20a, Astrakhan, Russia, 414056

The relevance of the article is defined by the insufficient knowledge on the modern stage of development of linguistic thought for foreign images that can be representative for language consciousness of native Russian speakers.

The purpose of this article is to identify cultural and linguistic potential of different groups of set expressions and to conduct a cross-cultural analysis of the perception of “alien” in the fragment of the national language picture of the world. The material for present research is based on set expressions that differ on the phraseological level by cognitive-discursive relations with foreign reality and that include a “foreign” component on the level of formal structure (*Proletet kak fanera nad Parizhem/miss an opportunity, v Grezii est vse/It is an abundant place ed etc.*).

However, from the point of view of its activity and use frequency submitted material of set expressions is not always reflects the real communicative and pragmatic situation. The above cross-cultural analysis revealed trends of acculturation of “alien” in the Russian language consciousness. Phraseological verbalization of certain cultural images depends on its value and significance for the picture of the world

of members of the language and cultural community. Not all foreign images are fairly perceived by the native Russian speakers and therefore active realization of some codified set expressions is not always observed.

Key words: foreign set expression, foreign image, cross-cultural analysis, category “own” / “alien”

REFERENCES

- [1] Bahtin M.M. *Problemyi rechevyyh zhanrov* // Literaturno-kriticheskie statii. M.: Hud. lit., 1986. S. 34—57 (In Russ.)
- [2] Krasnyih V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: Mif ili realnost? M.: Gnozis, 2003. 375 s. (In Russ.)
- [3] Penkovskiy A.B. *Ocherki po russkoy semantike*. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2004. 406 s. (In Russ.)
- [4] Serebrennikova A.N. *Dialektnoe slovo s semantikoy «svoystvennosti» — «chuzhdosti»: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2004. (In Russ.)*
- [5] Petrochenko M.N. *Semanticheskii komponent «svoiy» / «chuzhoiy» v folklornom i dialektnom bytovom tekstah: diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. 227 s. (In Russ.)*
- [6] Vyihodtseva I.S. *Kontsept «Svoy — Chuzhoiy» v sovetskoy slovesnoy kulture (20—30-e gg.): diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006. 187 s. (In Russ.)*
- [7] Rahimbergenova M.H. *Lingvokognitivnyie strategii otrazheniya obraza etnicheski «chuzhogo» v rossiyskoy presse: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 192 s. (In Russ.)*
- [8] Skryilnikova A.Yu. *Kategorialnaya i lingvokulturologicheskaya suschnost chuzhdosti v russkom yazyike: diss. ... kand. filol. nauk. Lipetsk, 2008. 293 s. (In Russ.)*
- [9] Bragina A.A. *Chuzhoe-svo Yo (ot zaimstvovaniya k slovtvorchestvu) // Grammatika i norma. M., 1977. 315 s. (In Russ.)*
- [10] Kashkin V.B. Markeryi svoego i chuzhogo v mezhkulturnom dialoge // Vzaimoponimanie v dialoge kultur: usloviya uspehnosti. Chast 2. Voronezh: VGU, 2004. S. 49—62. (In Russ.)
- [11] Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoy kommunikatsii. M.: Akademiya, 2006. 336 s. (In Russ.)*
- [12] Zolotyih L.G. *Kognitivno-diskursivnyie osnovyi frazeologicheskoy semantiki: monografiya. Astrahan: ID «Astrahanskiy universitet», 2007. 265 s. (In Russ.)*
- [13] Alieva N.N. *Lingvokulturologiya, mezhkulturnaya kommunikatsiya i krosskulturnaya lingvistika // Rezhim dostupa: ttp://www.rusnauka.com/8._NPE_2007/Philologia/19454.doc.htm. (In Russ.)*
- [14] Biri A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar. M.: Astrel: AST: Lyuks, 2007. 926 s. (In Russ.)*
- [15] Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. *Bolshoy slovar krylatyih slov russkogo yazyika. M.: Russkie slovari, Astrel, AST, 2000. 624 s. (In Russ.)*
- [16] *Entsiklopedicheskiy slovar krylatyih slov i vyrazheniy / avt.-sost. V. Serov. M.: Izd-vo Lokid-Press, 2005. 880 s. (In Russ.)*
- [17] Vaysgerber Y.L. *Rodnoy yazyik i formirovanie duha. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1993. 223 s. (In Russ.)*
- [18] Gumboldt V. *Yazyik i filosofiya kulturyi / V. fon Gumboldt. M.: Progress, 1985. 451 s. (In Russ.)*
- [19] Dobrovolskiy D.O. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii (I) // Voprosyi yazyikoznaniya. 1997. № 6. S. 37—48. (In Russ.)*
- [20] Dobrovolskiy D.O. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii (II) // Voprosyi yazyikoznaniya. 1998. № 6. S. 48—58. (In Russ.)*
- [21] Melerovich A.M. *Faktoryi, motiviruyuschie smyslovoe sodержanie frazeologizmov v tekste // Kulturnyie aspektyi v yazyike i tekste : sb. nauch. tr. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2005. S. 127—135. (In Russ.)*
- [22] Mokienko V.M. *Ideografiya i istoriko-etimologicheskii analiz frazeologii // Voprosyi yazyikoznaniya. 1995. № 4. S. 3—13. (In Russ.)*
- [23] Yankovichova M. *SvoYo i chuzhoe vo frazeologii yazyika: problemyi opredeleniya / M. Yankovichova // Rossica Olomucensia XXXVIII. Olomouc, 2000. (In Russ.)*

Article history:

Received: 15.12.2016

Accepted: 25.01.2017

For citation:

Lapteva M.L. (2017) Peculiarity of perception of foreign image by native Russian speakers (based on set expressions). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 137–151.

Bio Note:

Lapteva Mariya Leonidovna, Doctor of Philology, Professor of Modern Russian language department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Astrakhan State University”. *Research interests*: lexicology, phraseology, cultural linguistics, cognitive linguistics. Author of over 130 scientific publications. *Contact information*: hohlina2004@yandex.ru



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174

УДК 81:39

КУЛИНАРНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЯХ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е.М. Маркова

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, Москва, Россия, 105005
Университет Св. Кирилла и Мефодия
Трнава, Словакия

CULINARY CULTURE CODE IN THE SECONDARY NAMING OF THE RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

E.M. Markova

Moscow State Regional University, Moscow, Russia
Radio str., 10A, Moscow, Russia, 105005
Ss. Cyril and Methodius University, Trnava, Slovakia

В статье с позиций лингвокультурного и лингводидактического подходов рассматривается одна из самых активных и устойчивых метафорических языковых моделей, основанных на развитии вторичных значений наименований пищи славян и получивших название кулинарного кода. Кулинарный культурный код «кодирует» наши представления о мире с помощью пищевых образов, имеющих номинации. Автор ставит целью на материале имен существительных двух славянских языков: русского и чешского — выявить общее и специфическое в развитии вторичных номинаций названий пищи, рассмотреть специфические для сравниваемых этнокультурных номинанты еды, проследив их судьбу во вторичном семиозисе: в метафорах, сравнениях, фразеологических выражениях, пословицах. В статье делается вывод, что факты вторичной номинации, транслирующие кулинарный код, нередко несут культурологическую информацию, объективируют особенности восприятия окружающего мира разными этносами, даже восходящие к общему — праславянскому — источнику. Билингвальное сопоставление лексем, транслирующих культурный код, дает возможность определенным образом организовать лексический материал в целях его изучения в инославянской аудитории. На основании лингвокультурного анализа названий пищи в двух сравниваемых славянских языках предлагается лингводидактическая группировка лексики в их метафорических значениях в соответствии с принадлежностью к тому или иному коду культуры. Это позволит эффективно овладеть лексикой определенной тематической группы не только в денотативном значении, но и в концептуальном, что дает возможность постигать культуру, транслируемую изучаемым близкородственным языком, в сравнении с родной культурой.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурные коды, лингводидактическая группировка лексики, славянские языки

The article considers the realization of one of the most active and stable metaphorical language models based on the development of secondary meanings of the Slavs' food names and known as the culinary code, from the linguocultural and linguo-didactic standpoint. Culinary cultural code "encodes" our understanding of the world through food images having names. The author's goal is to reveal the general and the specific in the development of secondary names of food; consider the food names specific for the ethnic cultures being compared, tracing their fate in the secondary semiosis — in metaphores, similes, phraseological expressions, proverbs — on the material of nouns in two Slavic languages, Russian and Czech. The article concludes that the facts of secondary naming transmitting culinary code often carry culturological information, objectify particular perceptions of the world by different ethnic groups, even those going back to the common Proto-Slavic roots. Bilingual comparison of lexical units transmitting cultural code allows a certain way of organizing lexical material for it to be studied by non-Russian Slavic audiences. On the basis of the linguocultural analysis of food names in the two compared Slavic languages, the article offers linguo-didactic grouping of the vocabulary in their figurative meanings, in accordance with the belonging to a particular culture code. This will ensure effective mastering of the vocabulary of a certain thematic group not only in the denotative, but also in the conceptual meaning, making it possible to comprehend the culture, transmitted by the closely related language under study, in comparison with the native culture.

Key words: Cultural Linguistics, cultural codes, linguo-didactic vocabulary grouping, Slavic languages

Введение

Те или иные номинанты объектов окружающего мира, помимо выполнения своей прямой, номинативной, функции, нередко употребляются еще во вторичном, метафорическом, значении, объективируя, таким образом, наше отношение к другому предмету или явлению действительности. «Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые ученые называют кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры» [1. С. 39]. Код культуры представляет собой нормативно-ценностную символическую систему вторичного означивания и проявляется в процессах категоризации и концептуализации действительности. Культурные коды потому и называются так, что они «кодируют» человеческие представления о мире, выражают их с помощью тех или иных, уже имеющих номинации, образов. Они занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, структурно формируют его. Сама национальная культура при этом выступает как совокупность различных кодов.

Имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым, чаще всего эмоционально-оценочным, значением как знаки вторичной семиотической системы. При культурологическом подходе к изучению языковых фактов исследователей интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность ее семантических переосмыслений и культурно-исторических наращений, что вербализуется в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в поговорках. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение.

Таким образом, актуальность исследования культурных кодов вообще, и авторского исследования реализации кулинарного кода в частности, обусловлена

тем, что на современном этапе развития языкознания в аспекте антропоцентрического подхода в центре интересов исследователей языка находится проблема репрезентации культуры в языке. Исследованием различных культурных кодов в языке занимались такие исследователи, как Н.Ф. Алефиренко [2], В.В. Воробьев [3], Д.Б. Гудков [1], В.В. Красных [4], М.Л. Ковшова [5], В.Н. Телия [6], Г.В. Токарев [7], Л.А. Шестак [8], J. Mlasek [9], J. Sipko [10] и др. Кулинарный (пищевой, гастрономический, глуттонический по разным терминологиям) код культуры рассматривался в разных аспектах в работах С.А. Арутюнова [11], А.Н. Афониной [12], Е.Л. Березович [13], Г. Гачева [14], Е.В. Капелюшник [15], М.Л. Ковшовой [5], С.М. Толстой [16], З.Е. Фоминой [17], Е.А. Юриной [18] и других лингвистов. Вместе с тем отсутствует исследование, посвященное сопоставительному анализу реализаций культурного кода в славянских языках, в частности в сопоставительном русско-чешском ракурсе, дающем возможность разработки данной проблемы и в лингводидактическом аспекте, в плане группировки лексики и повышения эффективности ее усвоения в инославянской аудитории. Это определяет научную новизну данного исследования, имеющего не только теоретическую значимость, заключающуюся в выявлении специфики проявления кулинарного кода культуры в русском языке на фоне близкородственного чешского, но и практическое значение в возможности использования его материалов при преподавании русского языка чехам и чешского языка в русскоязычной аудитории.

Цель

Целью статьи является сравнение символических значений имен существительных русского и чешского языков, обозначающих древние названия пищи славян, выявление общего и дифференциального в их смысловом и метафорическом распространении, вычленение специфических кулинарных номинаций и установлении их символического использования, репрезентирующего особенности русской и чешской культур.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили имена существительные двух славянских языков — русского и чешского, обозначающие древние названия пищи славян и развившие символические значения на основе метафорической модели. Символические значения исследуемых лексем представлены во вторичном использовании номинантов в качестве метафор, в составе фразеологических выражений, пословиц и поговорок, которые также послужили материалом анализа в данной работе.

Методами анализа выявленных лексических, фразеологических, паремийных единиц служат способы системного научного описания, применяемые в целях выявления связей и отношений между исследуемыми единицами, типологизации образных средств языка. Эти ведущие методы реализуются в приемах сплошной выборки, наблюдения, классификации, систематизации, интерпретации, компонентного и контекстного анализа. Для выявления глубинных смыслов, лежащих в основе семантики языковых единиц, использовался метод лингвистического

моделирования, предполагающий приемы концептуального анализа и интроспекции, подразумевающей обращение к собственному языковому сознанию исследователя в процессе анализа явлений родного и близкородственного, инославянского, языков. Для исследования наименований пищи и их символических значений в русском языке на фоне другого славянского языка был использован сравнительно-сопоставительный метод, предполагающий анализ лексем по шкале «сходства» — «различия» как в ономазиологическом аспекте (от формы к содержанию), так и семасиологическом (от содержания к форме). В статье были использованы также приемы этимологического и лингвокультурологического комментирования в целях анализа внутренней формы лексем, определившей векторы их смыслового распространения, интегративного исследования лексики и фразеологии двух славянских языков на фоне фактов культуры и истории народов — носителей этих языков, для интерпретации пищевой традиции как культурно-исторической основы формирования типовых символических образов, вошедших в языковые системы сравниваемых языков.

Результаты

Методология сравнительного описания образного воплощения кода культуры в семантике языковых единиц в билингвальном аспекте (путем сравнительного анализа лексики двух славянских языков) вносит вклад в разработку проблем лингвистического моделирования языковых и концептуальных структур и реконструкции фрагментов языковой картины мира славян, выявлении их сходств, различий и специфики. В сравнении с другими исследованиями, посвященными анализу лексем, вербализующих кулинарный культурный код, в данной статье привлекаются для анализа только древние славянские названия пищи, прослеживается их семантическое развитие, пути семантического распространения (при этом факты одного языка дополняются фактами сравниваемого языка, что создает более объемную картину смысловой эволюции древней лексемы), демонстрируется специфика образного мировидения русского языкового сообщества относительно близкородственной чешской лингвокультуры.

Материалы статьи могут быть использованы в исследованиях по межкультурной коммуникации, в культурологических исследованиях, связанных с изучением специфики менталитета русского народа в сравнении с ментальными особенностями других славянских народов, при изучении и преподавании курсов лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, славянской лексикологии и фразеологии, в практике преподавания русского языка как инославянского и русского языка как иностранного.

Обсуждение

Овладение лексикой при изучении русского языка как иностранного предполагает выделение нескольких уровней в ее семантике. Первый, элементарный, уровень связан с денотативным значением лексем, их соотношением с реальными объектами действительности. На этом уровне в близкородственных языках, к коим принадлежат славянские языки, наблюдается много сходств, в особенности

среди общей лексики, берущей начало в праславянском языке. Этот семантический уровень изучается на начальном этапе русский как иностранный (РКИ) (уровни А1-А2). Следующий, системный, уровень изучения лексической семантики предполагает выявление спектра синтагматических возможностей лексемы, которые демонстрируют не только сходства, но и многочисленные различия, определяемые несовпадением синтаксической валентности общих слов, а также его парадигматические отношения: синонимические, антонимические, гипогиперонимические и др. Системный уровень лексической семантики становится основным предметом рассмотрения на продвинутом этапе (уровни В1-В2). Наконец, третий, высший, уровень семантики, который можно назвать концептуальным (изучаемый на позднепродвинутом и высшем этапах РКИ — уровнях В2-С2), нацелен на выявление разного рода метафорических переосмыслений, коннотативных наращений, символических значений, что напрямую связано с культурой народа-носителя данного языка, и потому на этом уровне наблюдаются многочисленные расхождения даже в языках близкого родства.

При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. Любая лингвокультура характеризуется наличием системы эталонов, символов и стереотипов, в которых отражаются нормативные представления того или иного этноса о каком-либо явлении. В них находит отражение когнитивный опыт представителей той или иной этнокультуры. Они отражают миропонимание данного народа, его систему норм и представлений об окружающем мире и человеке, «воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [6. С. 233] и имплицитно содержат оценку и предписание. В результате вторичные номинации становятся репрезентаторами этнокультурной специфики, которая связана с тем или иным общим для разных культур образом.

Сложность межславянского диалога культур в том, что общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью ее смыслового, метафорического, символического развития. Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский языки, наблюдается культурноконнотативная асимметрия, хотя многое в образном восприятии мира оказывается сходным, свойственным славянскому мировосприятию в целом. Продемонстрируем это на примере вторичного использования названий пищи в русском и чешском языках, объективировавших представления, символы и стереотипы двух славянских народов.

Еда, пища для славян издавна представлялась как дары, исходящие от Бога. Зерно — основа первой славянской еды — наделено сакральным смыслом: зерно воспринималось как «воскрешающее», которое радуется своим «похоронам», потому что это способ его обновления, обогащения. С зерном, а соответственно и со всеми продуктами, изготовленными из него, связывалось основное представление славян о плодородии, о победе над смертью и о вечном торжестве жизни. Многие из представлений о пище древних славян легли в основу концептуального восприятия основных продуктов питания.

Хлеб — наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысливается как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо и даже образ самого божества, поэтому требует к себе особо почтительного отношения [19]. Недаром и церковная просфора — символ соединения с Богом — представляет собой маленький круглый хлебец. У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба постоянно лежала на столе в красном углу. Недаром русский народ говорит: *хлеб всему голова*. Хлеб на столе символизировал богатство дома, готовность к приему гостя, был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил [20]. Поэтому не принято выбрасывать остатки хлеба, и даже крошки рекомендуется скормить птицам. Огромной символикой обладает и так называемое *хлеб-соль* — обобщенное наименование пищи, символизирующего собой приветствие и выражение гостеприимства, обращенное к гостям. Это отразилось в семантике русского словосложения *хлебосольство*, которым называют радушие и щедрость, с которым встречают гостей у русских, а также в недавно образованном от него глаголе *хлебосолить*. Обычай встречать хлебом и солью есть и у чехов, что отражено в выражении *uvítat chlebem a soli*.

В обоих языках слово *хлеб* воспринимается и как основа жизни, нечто жизненно необходимое, что прослеживается в выражениях *хлеб насущный* (чеш. *denní chléb, každodenní chléb, chléb vešdejší*), в чешском фразеологизме *bylo chlébem jejího života* ‘было самым насущным в его жизни’, а также в современном русском выражении *не хлебом единым* — ‘не только богатством, материальным достатком’. Уже в древности лексема *хлеб* означала не только ‘квасную пищу, приготовленную посредством печения из муки’, ‘хлебные зерна, мука’, ‘зерна в колосе или на корню’, но и ‘все необходимое для безбедного существования’ [21]. О связи значений ‘еда, пища’ и ‘достаток, имущество’ свидетельствует и семантика чеш. *strava*, которое в древности имело синкретичное значение: ‘еда, пища’ (как в современном чешском языке), ‘груз’, ‘деньги, затраченные на пропитание’, а также ‘все необходимое для жизни’ [22].

В старочешском языке *chleb* также имело значение не только ‘продукт питания’, но и вообще пропитание (например, в выражении *z chleba slúžiti* ‘служить за пропитание’, в современном чешском *pracovat z chleba* ‘работать ради денег, без интереса’, откуда *chlebařina* [23] ‘работа только из-за денег’, *chlebař* [23] ‘кто работает только из-за денег’, *chleboďárce* ‘работодатель’). О значении ‘достаток’, ‘богатство’ у слова *хлеб* свидетельствует и древнее чешское выражение *jeden chléb*, означавшее ‘иметь общее совместное состояние, имущество’ [22]. Русский фразеологизм *быть на чьих-либо хлебах* ‘жить за чужой счет’ и чешская фразема *ujídat chléb* ‘объедать кого-либо’, чешская пословица *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* ‘чей хлеб ешь, того и песни пой’ и русская *чей хлеб кушаю, того и слушаю* вступают в антонимические отношения с русским выражением *на своих хлебах*, с чешским *na svém chlebě* ‘на своем пропитании’, благодаря одинаковому вторичному значению лексемы *хлеб*.

Хлеб означает и ‘заработок’, ‘работа, приносящая хороший доход’. В связи с этим уместно вспомнить русское сочетание *хлебное место* ‘выгодная в материальном отношении должность’, в чешском языке употребительно близкое в се-

мантическом отношении выражение *dobýváti chléb* ‘добиваться хорошей должности’. Значение ‘лишиться заработка, средств к существованию’ выражают аналогичные фраземы *připravít o chléb* — *лишить кого-либо куска хлеба* ‘лишить кого-либо заработка’, *přijít o chléb* — *лишиться куска хлеба* ‘лишиться работы, заработка’, *je bez chleba* — *остаться без куска хлеба* ‘остаться без работы, без средств к существованию’. О трудностях зарабатывания денег, пропитания говорит чешская пословица с компонентом *хлеб*: *všude chleba o dvou kůrkách* (букв.: ‘хлеб везде с двумя корками’), русский эквивалент: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*. Вместе с тем иногда то, чего не хочешь и в чем не нуждаешься, приходит легко и без труда: чеш. *odřikáného chleba největší kus/krajíc* означает букв. ‘от отказного хлеба большой кусок, краюха’ и соответствует русскому выражению *чего не хочешь, то и получишь* [24].

Традиционным является и отношение славян к каше как к основе питания, жизни и силы, что находит выражение в русской фразеологии и паремиологии (например: *щи да каша — пища наша*; *мало каши ел* ‘о физически слабом человеке’). Множественность сваренных зерен изначально придавали этому блюду символику богатства, плодovitости, приумножения достатка.

Типичен для многих языков семантический перенос «пища, еда» → «мероприятие, собрание людей с какой-либо целью» (деривационная связь слов *пирог* ‘мучное изделие’ и *пир* ‘угощение, праздник’ представляет собой данную семантическую модель), что демонстрирует и лексема *каша*. Данный перенос носит метонимический характер и основан на том, что еда — необходимый атрибут разного рода общественных мероприятий, главным образом празднований чего-либо. Уже в древнерусском языке *каша* могла обозначать и ‘пир’ [21]. Так, *кашей* в русских народных говорах называют ‘артель’ как объединение людей, но чаще всего перенос названия связан с обозначением праздника, праздничного застолья: ‘званный вечер после крестин’, а также ‘праздник по случаю окончания жатвы’, известно оно и в старинном значении ‘обед после свадьбы у молодых’ [25]. В говорах словацкого языка *kaše* является наименованием самого свадебного обряда. Семантика ‘дело, требующее хлопот’ проявляется у слова *каша* и в фразеологизмах *заварить кашу*, *расхлебывать кашу*. Значение ‘серьезное дело’ свойственно данной лексеме в обороте *с ним каши не сварить*, к близкому значению имеет отношение и сложение *однокашник*, вышедшее из выражения *в одной каше вариться*. Аналогично этому и у чеш. *kaše* развилось значение ‘дело, ситуация’, которое проявляется, например, в устойчивых выражениях *být v pěkné kaši* ‘быть в неприятной ситуации’, *dostat se do kaše* ‘влипнуть, попасть в неприятную ситуацию’, *nechat v kaši* ‘бросить кого-либо в беде’, *tahat koho z kaše* ‘вызволять, вытаскивать кого-либо из беды’ [24].

В отличие от русских, для которых *каша* может быть и символом беспорядка в голове, мешанины, путаницы, нечленораздельной речи (как и другой «кулинарный» образ — *винегрет*): *у него каша / виногрет в голове*; *во рту каша*, для чехов *каша* символизирует богатство ума, остроумие, что объективировано во фраземе *jidat vtípnou kaši* (букв. ‘есть остроумную кашу’) — ‘быть остроумным, сообразительным’. Символом беспорядка, мешанины в голове и во рту в чешской лингвокультуре выступает другой образ кулинарного кода — чешская национальная

еда *кнедлики*: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* (букв. ‘у него словно кнедлик во рту’); *má jako knedlík v krku* (букв. ‘у него словно кнедлик в горле’) ‘у него ком в горле’ (от волнения, слез и др.). Широко раскрытый зевающий рот чехи также шутливо сравнивают со ртом, раскрытым для кнедлика: *brat míru na knedlíky* (букв. ‘брат мерку на кнедлики’) (ср. с рус. *зевать во весь рот*). *Kaša* выступает и как образный компонент чешского фразеологизма *chodit jako (kočka) kolem horké kaše*, эквивалентного русскому *ходить вокруг да около*, а также пословицы *žádná kaše se její tak horká, jak se uvaří* (букв. ‘ни одна каша не такая горячая, как когда ее варят’), аналог русской пословицы *не так страшен черт, как его малюют* [24].

Специфичным, свойственным только русскому лингвокультурному сознанию, является и значение наказания, связанное в русском языке с образом *березовой каши*, обозначающей ‘розги, прутья, которыми бьют, наказывая кого-либо’: *накормить березовой кашей* (в чешском языке передается глаголом *nasekat* ‘высечь’). Не свойственна чешскому языку и ассоциация рваных ботинок со ртом, просящим кашу, реализуемая во фразеологизме *ботинки / сапоги просят каши* (в чешском языке в данном случае возникает аналогия с акулами: *boty mají žraloky* букв. ‘у ботинок есть акулы’). Вместе с тем есть в чешском языке в названии обуви и ассоциация с хлебом, имеющим округлую, большую форму: этот признак послужил основой названия обуви скинхедов — *chleby* [23].

Значимым для русского сознания является и лексема *пирог* (образована от *пир*), лингвокультурное значение которой в полной мере выражено пословицей: *не красна изба углами, а красна пирогами*, а также вариантом фразеологизма *печь как пирожки* ‘много и в большом количестве что-то создавать’. О чем-то сложном и неприятном русские обычно резюмируют: *вот такие пироги* ‘вот такие дела, вот что получилось’. В чешской и словацкой культуре *piroh* обозначает другое изделие из теста, хотя и с начинкой, но напоминающее, скорее, русские пельмени, которые варятся в воде. В то время как русские *пироги* соответствуют в чешском и словацком изделию, обозначаемому словом *buchta* (родственное *бухнуть, разбухать*) [22] и получившему дальнейшее метафорическое развитие в обозначении полной женщины, напр., в выражении *sedí jako buchta*, аналогичном рус. *сидит как квашня, tlustý jako buchta* — *толстый как булка, jako buchtička* — *как пончик*) [26].

Большое значение в русской лингвокультуре имеет *блин* ‘тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковороде’. Ритуальное значение блина на Руси, приготавливаемого из размолотого зерна, связывалось с его сходством с солнцем. Круглый и «румяный» (давний и устойчивый эпитет слова *блин*, выступающий в качестве его когнитивной метафоры, связывающей его с солнцем, в котором подчеркивается его красный цвет), он напоминает «умирающее и воскрешающее каждой весной солнце» [27. С. 65]. Традиция русских печь блины на поминки и масленицу уходит своими корнями в представление о блине как символе солнца, победы над холодом, смертью и тьмой. Поэтому много в русской лингвокультуре и фразем с компонентом *блин*: *первый блин комом* (чеш. *každý začátek je těžký*) ‘всякое начало бывает не таким, как хотелось бы’, *печь как блины* (чеш. *nepárat se s čím, sekat jedno za druhým*) ‘делать что-то легко и во множестве; делать что-то наскоро, небрежно’. В русском языке есть множество и компаративных выражений, упо-

требляемых обычно в просторечии: *круглый как блин, плоский как блин, лицо как блин, сиять как масляный блин, сиять как блин на сковородке*.

Каравай воспринимается сейчас как символ русского гостеприимства и радушия. «Большой», «пышный», «круглой формы», он связан не только со свадебной традицией (как это было изначально: свадебный калач — *коровай* — раздавали гостям во время свадебного обряда у древних славян [28. С. 262]), но с приемом почетных гостей государственного масштаба. Этимологически восходит к лексеме *корова* (*a* в написании возникло под влиянием произношения) и связан с ней как символ достатка, плодородия, богатства. *На чужой каравай рот не разевай* — эта русская пословица предостерегает от зависти к чужому достатку, богатству.

В чешской традиции в свадебных обрядах символику, подобную русскому *караваяу*, имеет *kolač* — слово, известное во всех славянских языках и первоначально обозначавшее хлебное изделие больших размеров, подобное колесу (прасл. *kolo* ‘колесо’), с большим отверстием внутри. У славян его пекли на счастье (колесо как символ счастья сохраняет свое значение в обручальном кольце, в подкове, также имеющей форму круга). Его вручали кому-либо из членов семьи, уходящему далеко, или слуге по окончании службы, откуда у слова *kolač* возникло вторичное значение ‘плата, мзда, вознаграждение’, появилось выражение: чеш. *jit s koláčem* ‘возвращаться со службы, с работы’, это значение сохраняется с иронической коннотацией и до наших дней [22]. Широко распространена и пословица с этим словом в значении ‘награда, благо’: *bez práce není koláče* (букв. ‘без работы нет и калача’, ср. с рус. *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*). Со временем конфигурация этого хлебного изделия в Чехии и Словакии изменилась: отверстие внутри стали заполнять творогом, джемом, и оно теперь напоминает русскую ватрушку или булку. Однако о былой форме калача свидетельствует и сохранившееся фразеологическое выражение *zaskočilo tu do kolačové dírky* ‘не в то горло попало, подавился’ (букв. ‘ему попало в дырку от калача’). Слово *kolač* получило в чешском языке и узкоспециальные, медицинские, значения как следствие метафорического переноса по форме: *krevní kolač* — ‘сгусток крови, тромб’, *plodový koláč* — ‘плацента’ [29].

В отличие от некоторых других славянских народов, в частности чешского, *калач* у русских сохранил с древности отверстие внутри, что имеет особое значение. Издавна на Руси калачи были не только символом еды, но и обладали апотропеическими (защитными) свойствами, что обусловлено символикой замкнутого круга. Круг, лежащий в основании калача, позволяет воспринимать его как символ защиты. Через отверстие в калаче было принято смотреть, чтобы добиться чьего-нибудь расположения, а также обезопасить себя от порчи, другого вредоносного влияния. Это функционально сближает его с другими предметами, имеющими отверстие: кольцом, венком, ситом [30]. О значимости *калача* для русской лингвокультуры свидетельствуют и следующие фразеологизмы с данной лексемой: *сидим на печи, едим калачи* ‘ничего не делаем’, *достаться на калачи / орехи* ‘о наказании, взбучке’. *Тертый калач* — так говорят об очень опытном человеке, которого трудно провести, обмануть (то же, что *стреляный воробей*), выражение связано с тем, что калач в русской традиции выпекается из крутого теста, которое долго мнут и трут. *Калачи, кренделя, коврижки* как хлебные изделия могут

выступать символом большого вознаграждения, дара в русских выражениях *калачом не заманишь* ‘о том, кто не хочет идти куда-либо’, *ни за какие коврижки / кренделя ‘ни за что’*.

Название *крендель*, ‘сдобная витая булка в форме буквы В’, заимствованное из немецкого *Krengel* (от *Kreng* ‘круг, кольцо’) в XVIII веке [31], также закрепилось в русской фразеологии. Оно имеет и отрицательное значение: передает неуверенные, шатающиеся движения пьяного человека во фразах *выделявать / выписывать / выводить кренделя*. Круглая форма хлебного изделия послужила мотивом для дальнейшего словотворчества и в русских фразах *свернуться кренделем, свернуться / спать калачиком* ‘лежать свернувшись, поджав ноги к груди’. В чешском языке лексема *preclík* (известная только в западнославянских языках как заимствование из романских) ‘баранка, бублик, крендель’ в дальнейшем семантически распространилась на обозначение замерзшего человека, одеревеневшего от холода: *zmrzlý jako preclík* (букв. ‘замерз как баранка’) [26], соответствующее русскому *замерз как цуцик*.

Распространенной семантической моделью служит перенос «продукт питания» → «человек». Во многих языках получает языковое выражение сравнение полных женщин с пирогами: подобно чеш. *buchta* ‘пирожок’ метафорическое значение ‘полная женщина’ [32] получили и рус. *булочка, квашня*. Красивая молодая женщина ассоциируется у русских с чем-то сладким и легким, что выражено словом *конфетка*. Близкий этому образ и в основе чешского компаратива *kluk jako cumel* (букв. ‘парень как карамелька’) [26], характеризующего симпатичного молодого человека. Слабохарактерного, вялого человека, рохлю русские в просторечии образно именуют *тюря* (первичное значение: ‘примитивное кушанье — крошенный хлеб в квасе или в воде’), а также *кисель* (древнее название еды, обозначающее ‘студенистое кушанье из муки, чаще сваренное с ягодным соком или молоком’).

Стереотипическим для выражения такого признака детей, как малый рост, является и сравнение с крошкой как мельчайшей частью хлеба, известного многим языкам, ср. рус. *кроха / крошка*, чеш. *drobeček / drobátko* (‘крошка’). В то же время кулинарный код реализован для выражения этого значения в специфическом чешском экспрессивном сравнении малыша со шкваркой, кусочком перетопленного сала в чеш. *škvárně* ‘шкварка’, (от *škvařit* ‘перетапливать сало’) [32].

Разные виды еды получили различное символическое развитие в сравниваемых языках. Так, образ *киселя* довольно широко представлен в русской лингвокультуре. О дальних родственниках русские говорят: *седьмая / десятая вода на киселе*. Для выражения дальней поездки с незначительной целью используется пословица с этим же образом: *за семь верст киселя хлебать*. В чешском этнокультурном сознании активно разработанными из кулинарного кода оказываются не только кнедлики, но и сардельки — чеш. *buřt*, что вербализовано, например, в выражениях: *to je tu buřt* (букв. ‘это ему сарделька’) (эквивалентно рус. *это ему до лампочки*), *je tlustý jako buřt* ‘толстый как сарделька’, *je dobrý (ale) do buřti* букв. ‘он хорош только для сарделек’ (эквивалент рус. *ему грош цена*) [24].

При этом коды нередко пересекаются, что особенно характерно для русской лингвокультуры, например, во фразе *лантем щи хлебает* кулинарная метафора (*щи* как название крестьянской еды служит ассоциативно обозначением просто-

го человека) пересекается с обувной, усиливая образ простака, далекого от тонкостей цивилизации, или наоборот, номинируя неглупого человека, если оно употреблено с отрицанием: *не лаптем щи хлебает*. Для названия простака в русской лингвокультуре используется и фраза *тульский пряник*, специфичность которой обусловлена сочетанием кулинарного и географического кодов. Форма длинной и тонкой *лапши* вызывает у русских ассоциации с длинными речами, в которую облачается часто вранье: *вешать лапшу на уши* (чеш. *věšet bulíky na nos* букв. ‘вешать бычков на нос’) [24]. В данном случае сходным является пересечение кулинарного и соматического кодов.

Проведенное в рамках данной статьи исследование лексем, номинирующих древние славянские названия еды, открывает и перспективы: в дальнейшем возможно расширение кулинарных номинаций с целью выявления их смыслового развития в билингвальном (русско-инославянском) аспекте или полилингвальном (на материале нескольких славянских языков). При этом билингвальный аспект имеет целью лингводидактическое описание исследуемого материала, направленное на обучение данной части лексики в инославянской аудитории.

Заключение

Проанализированные автором образные средства языковых картин мира двух славянских народов, основанные на кулинарном коде, дают возможность говорить об универсальном и национальном в их восприятии действительности. Средства вторичной номинации наиболее «культуроносные» и культурно обусловленные. Вместе с тем нужно отметить, что «классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, что делает их описание и систематизацию чрезвычайно актуальными, позволяет приблизиться к решению таких фундаментальных для современного языкознания задач, как описание языковой картины мира, выявление особенностей национальной специфической вербализации универсальных представлений о мире, которые найдут воплощение в специальных культурологических словарях. Именно билингвальный аспект позволяет раскрыть общность и специфику «мировидения» тех или иных славянских народов, особенности их этнокультуры, обусловленные как общей историей славян, так и самостоятельным историческим движением, что имеет ценность и в лингводидактическом аспекте: в целях преподавания русского языка славянам.

ENG

Introduction

Apart from their direct, naming function, certain names of the objects in the world around us are also often used in a secondary, metaphorical sense, thus objectifying our attitude to another object or phenomenon of reality. “The names, denominating such objects, form interrelated secondary semiotic systems, which we call codes (somatic,

zoomorphic, natural-and-landscape etc.) of the national culture” [1. C. 39]. A culture code is a regulatory and value symbolic system of secondary denotation and manifests itself in the categorization and conceptualization of reality. Cultural codes are called that way because they “encode” our understanding of the world, express it through certain images, which already have names. They occupy the central position in the national cultural space, forming it structurally. As for the national culture itself, it acts as a set of different codes.

In addition to the general linguistic meaning, the names belonging to this or that cultural code, have a special, most often emotionally-evaluative meaning, being the signs of the secondary semiotic system. In the cultural approach to the study of linguistic facts, we are interested in the existence of a lexical unit in the linguistic consciousness of the representatives of the national linguistic and cultural community, the totality of its semantic rethinking and cultural and historical accretion, which is verbalized in the metaphorical meanings of the unit, in phraseology, in proverbs. The “commonplace” meaning of the word is contrasted with his “mythological” or “symbolic” meaning.

Thus, the relevance of the study of cultural codes in general, and of our study of the culinary code realization in particular is due to the fact that at the present stage of the linguistics’ development in the aspect of anthropocentric approach, the problem of representation of culture in language lies at the heart of the researchers’ interest. Such researchers as N. Alefirenko [2], V. Vorob’yov [3], D. Gudkov [1], V. Krasny’h [4], M. Kovshova [5], V. Teliya [6], G. Tokarev [7], L. Shestak [8], J. Mlacek [9], J. Sipko [10], et al. engaged in the study of different cultural codes in language. Culinary (food, gastronomic, gluttonic — depending on the terminology) culture code was considered in different aspects in the works by A. Arutyunov [11], A. Afonina [12], E. Berezovich [13], G. Gachev [14], E. Kapelyushnik [15], M. Kovshova [5], S. Tolstaya [16], Z. Fomina [17], E. Yurina [18] and other linguists. However, there has been no research on the comparative analysis of the cultural code realization in Slavic languages, in particular from the comparative Russian-Czech perspective, giving the possibility of developing this problem in the linguo-didactic aspect, in terms of vocabulary grouping and raising the efficiency of its assimilation by non-Russian Slavic audiences. This determines the scientific novelty of this research, which has not only theoretical significance, lying in the identifying of the specific features of manifestation of the culinary culture code in the Russian language on the background of the closely related Czech language, but also practical value, consisting in the ability to use its materials in teaching Russian to Czechs and Czech to Russian-speaking audience.

The aim of the article is to compare symbolic meanings of nouns of the Russian and Czech languages indicating ancient names of Slavic food, to identify the common and differential in their semantic and metaphorical proliferation, to isolate specific culinary names and establish their symbolic use, representing the features of the Russian and Czech cultures.

Materials and methods

Nouns of two Slavic languages, Russian and Czech, indicating ancient names of Slavic food and having developed symbolic meanings based on a metaphorical model, served as the research material. The symbolic meanings of the lexical units under study are

presented in the secondary use of names as metaphors, as part of phraseological expressions, proverbs and sayings, which also served as the analysis material in this work.

The method of systematic scientific description, used to identify the links and relations between the studied units, that of classification of metaphorical means of language are the methods of analysis of the identified lexical, paremic units. This leading method is realized in the techniques of continuous sampling, observation, classification, systematization, interpretation, component and contextual analysis. The linguistic modeling method, implying the techniques of contextual analysis and introspection, which involves addressing the researcher's own linguistic conscience while analyzing the phenomena of his or her native and a closely related non-Russian Slavic language, was used to reveal deep meanings at the base of the semantics of lexical units. To study the names of food and their symbolic meanings in the Russian language on the background of another Slavic language, a comparative and comparative method, involving the analysis of lexical units on the scale "similarity" — "difference" scale both in the onomasiological (from form to content) and semasiological (from content to form) aspect was used. The article also used the techniques of etymological and linguocultural comment to analyze the internal form of lexical units, which determined the vectors of their semantic spread, the integrative study of vocabulary and phraseology of two Slavic languages on the background of the cultural and historical facts of the peoples speaking these languages, to interpret food traditions as a cultural and historical basis for the formation of typical symbolic images included in the language systems of the compared languages.

Results

The methodology of comparative description of the metaphorical embodiment of culture code in the semantics of linguistic units in the bilingual aspect (by means of comparative analysis of the vocabulary of the two Slavic languages) contributes to the development of the problems of linguistic modeling of language and conceptual structures and reconstruction of fragments of the Slavs' linguistic worldview, revealing of their similarities, differences and specificity. In comparison with other studies, devoted to the analysis of lexical units verbalizing culinary cultural code, this article chooses to analyze only ancient Slavic names of food, traces their semantic development, ways of semantic spread (the facts of one language being complemented with the facts of the compared language, which creates a more dimensional picture of the semantic evolution of the ancient lexical unit), demonstrates the specifics of the conceptual worldview of the Russian language community with respect to the relatively close Czech linguistic culture.

The article can be used in the studies on intercultural communication, in linguistic and cultural research connected with the specificity of the Russian people's mentality as compared to mental features of other Slavic peoples, in the studying and teaching of courses of cultural linguistics, intercultural communication, Slavic lexicology and phraseology, in the practice of teaching Russian as a non-Russian Slavic language and as a foreign language.

Discussion

Vocabulary acquisition when learning Russian as a foreign language implies the identifying of a few levels in its semantics. The first, elementary level is connected with

the denotative meaning of lexical units, their correlation with objects of reality. At this level, many similarities are observed in closely related languages, including Slavic languages, especially among the general vocabulary originating from the Proto-Slavic language. This semantic level is studied at the initial stage of Russian as a Foreign Language (A1-A2 levels). The next, systematic level of studying lexical semantics involves the revealing of the lexical unit's syntagmatic abilities, demonstrating not only the similarities, but also the numerous differences defined by the disparity of the syntactic valency of common words, as well as its paradigmatic relations: synonyms, antonyms, hyperonymic etc. The systematic level of lexical semantics becomes the main subject of discussion at the advanced stage (B1-B2 levels). Finally, the highest third level of semantics, which can be called conceptual (studied at the upper-advanced and highest stages of Russian as a Foreign Language — B2-C2 levels), is aimed at identifying various kinds of metaphorical rethinking, connotative increments, symbolic meanings, which is closely related to the culture of the people speaking this language, because at this level, numerous discrepancies are observed even in closely related languages.

In the secondary use of a linguistic sign as a name, it is often endowed with culturological information objectifying the particularities of the world perception by this or that ethnic group. Any linguistic culture is characterized by a system of standards, symbols and stereotypes, which reflect the regulatory ideas of an ethnic group of a certain phenomenon. They reflect cognitive experience of representatives of one ethnic culture or another. They reflect the understanding of the world by that people, its system of norms and representations of the surrounding world and the man; “reproduce the mentality characteristic of a certain linguocultural community” [6. P. 233] and implicitly contain evaluations and regulations. As a result, secondary names become representatives of the ethnocultural specifics related to a certain image that is common for different cultures.

The complicated character of the inter-Slavic dialogue of cultures lies in the fact that the Slavic peoples' vocabulary, which is formally common, is characterized by its uneven semantic, metaphorical, symbolic development. Even when comparing closely related languages, such as the Russian and Czech languages, correlated by us, one notices cultural and connotative asymmetry, although much of the imaginative perception of the world remains similar, typical of the Slavic worldview as a whole. We shall demonstrate it on the example of secondary use of food names in Russian and Czech, which objectified representations, symbols and stereotypes of two Slavic peoples.

The Slavs have long perceived food as gifts that come from God. Grain — the basis of the first Slavic foodstuffs — is endowed with sacred meaning: grain used to be perceived as “resuscitating”, enjoying its “funeral” because it is the way of its renewal, enrichment. It is with grain and, consequently, with all the products made from it, that the Slavs' basic understanding of fertility, victory over death and the eternal celebration life was associated. Many ancient Slavs' ideas of food formed the basis of the conceptual perception of the basic foodstuffs.

Bread is the most sacred kind of food, a symbol of prosperity, abundance and material welfare. It is interpreted as a gift of God and at the same time as an independent living being, and even an image of the deity, therefore, it requires special deference [19]. There is no wonder that the Church unleavened bread — the symbol of union with God — is a small round piece of bread. It was common with the eastern and western Slavs to always

place loaf of bread on the table in the red corner. It is also for a reason that the Russian people say: *хлеб всему голова* “bread is the staff of life”. Bread on the table symbolized the richness of the home, readiness to receive guests; it was a sign of divine protection and a talisman against hostile forces [20]. So it is unconventional to throw away bread leftovers, and it is even recommended to feed the crumbs to birds. The so-called *хлеб-соль* “bread and salt” — the generalized name of the food, which serves as a welcome and an expression of hospitality addressed to the guests — possesses great symbolism. This was reflected in the semantics of the Russian compounding *хлебосольство* “the act of bread and salt”, which designates hospitality and generosity, with which Russian welcome guests; as well as in the recently formed verb *хлебосолить* “to perform the act of bread and salt”, “to give sb a warm welcome”. The Czech also have the custom of welcoming people with bread and salt, which is reflected in the expression *uvítat chlebem a solí*.

In both languages, the word *bread* is also perceived as the basis of life, something vital that is traced in the expressions *хлеб насущный* (Czech *denní chléb, každodenní chléb, chléb vezdejší*) — “daily bread”, in the Czech phraseologism *bylo chlebem jejího života* “was most urgent in his life” as well as in the contemporary Russian expression *не хлебом единым* — “not on bread alone”, “not only on wealth, material prosperity”. It was already in ancient times that the lexical unit *bread* meant not only “leavened food prepared by means of baking flour”, “bread grain, flour”, “grain in the ear or on the root”, but also “all that is necessary for comfortable existence” [21]. The semantics of the Czech *strava*, which in ancient times meant not only “food” (as in the contemporary Czech language), but also “cargo”, “money spent on food” and “all that is necessary for life”, demonstrate the relationship between the meanings “food” and “wealth, property” [22].

In the Old Czech language, *chleb* also meant not only “foodstuff”, but food in general (for example, in the expression *z chleba sloužiti* “to serve for food”, in contemporary Czech *pracovat z chleba* “to work only for money, without interest”, from which *chlebařina* [23] “work only for money”, *chlebař* [23] “one who works only for money”, *chleboďárce* “employer”). The ancient Czech expression *jeden chléb* meaning “to have a common joint fortune property” [22] is also evidence of the word *bread* meaning “prosperity”, “wealth”. The Russian idiom *быть на чьих-либо хлебах* (lit. “to live on sb else’s breads”), “to live in dependence on others” and the Czech phraseme *ujídat chléb* “to eat off sb”, the Czech proverb *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* “sing the songs of the one whose bread you eat”, “he who has the gold makes the rules” and the Russian one *чей хлеб кушаю, того и слушаю* (lit. “I listen to the one whose bread I eat”) enter into an antonymous relationship with the Russian expression *на своих хлебах* (lit. “on one’s own breads”), with the Czech one *na svém chlebě* “on one’s own living”, thanks to the same secondary meaning of the lexical unit *bread*.

Bread also means “earnings”, “work which brings a good income”. In this regard, it is appropriate to recall the Russian word combination *хлебное место* (lit. “a bread place”), “a materially beneficial job”, in the Czech language, a semantically close expression *dobývání chléb* “to achieve a good job” is commonly used. The meaning “to lose earnings, livelihood” is expressed in similar phrasemes *připravít o chléb* (lit. “to deprive sb of a piece of bread”), “to deprive sb of earnings”, *přijít o chléb* “to lose a job, earnings”, *je bez chleba* (lit. “to find oneself without a piece of bread”), “to find oneself without work, without livelihood”. The difficulties of gaining money, food are expressed in the Czech proverb

with a *bread* component *všude chleba o dvou kůrkách* (lit. “bread has two crusts everywhere”, the Russian equivalent being *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, lit. “one does not pull a fish out of the pond easily”). However, sometimes something one does not want and does not need does come quickly and easily — the Czech *odřikáného chleba největší kus/krajíc* literally means “a large piece of bread, loaf of the exempted bread” and corresponds to the Russian expression *чего не хочешь, то и получишь* (lit. “what you do not want is what you get”) [24].

Traditional is also the attitude of the Slavs to porridge as the basis of nutrition, life and power, which finds its expression in Russian phraseology and paremiology (e.g. *щи да каша — пища наша*, lit. “cabbage soup and porridge are our food”, *мало каши ел*, lit. “ate too little porridge” — “of a physically weak person”). The plurality of cooked grains originally assigned this dish symbols of wealth, fertility, enhancement of prosperity.

The semantic transfer “food” → “event, a gathering of people with a purpose” (the derivative connection between the words *пирог* (*pie*) “flour product” and *пир* (*feast*) “treat, festival” makes this semantic model) is typical of many languages, which the lexical unit *porridge* also demonstrates. This transfer is metonymic in nature and is based on the fact that food is a necessary attribute of various social events, mostly, celebrations of something. It was already in the Old Russian language that *porridge* could designate “feast” [21]. “Thus, *porridge* in Russian national dialects designates a “crew” as an association of people (Dal), but most often, the transfer of the name is associated with a holiday, a festive feast: “a soiree after christening”, as well as “a celebration of the end of harvest”, it is also known and in the old sense of “dinner after a young couple’s wedding” [25]. In the dialects of the Slovak language, *kaše* is the name of the wedding ceremony itself. The semantics “a case requiring some hassle” appears in the word *porridge* in the phraseologisms *заварить кашу* (lit. “to boil porridge”), “to start sth”, *расхлебывать кашу* (lit. “to slurp porridge”), “to disentangle”. The meaning of “serious business” is also characteristic of this lexical unit in the expression *с ним каши не сваришь* (lit. “one will not make porridge with him”), “he is hard to deal with”, the compounding *однокашник* (lit. “man of the same porridge”), “messmate, old boy”, which was derived from the expression *в одной каше вариться* (lit. “to be boiled in the same porridge”), “to be in the same community”. Similarly, the Czech *kaše* developed the meaning of “business, situation”, which manifests itself, for example, in the fixed expressions *být v pěkné kaši* “to be in an unpleasant situation”, *dostat se do kaše* “to get stuck, get into trouble”, *nechat v kaši* “to leave sb in trouble”, *tahat koho z kaše* “to free, pull sb out of trouble” [24].

In contrast to Russians, for whom *porridge* may symbolize confusion in the mind, hash, mess, slurred speech (as well as another “culinary” image — *винегрет* “vinaigrette”): *у него каша / винегрет в голове* (lit. “he has porridge / vinaigrette in his head”), “he is confused”; *во рту каша* (lit. “porridge in the mouth”, on sb who mumbles); *porridge* for the Czechs symbolizes richness of mind, wit, which is objectified in the phraseme *jídat vtipnou kaši* (lit. “to eat witty porridge”), “to be smart, witty”. Another culinary code image — the Czech national food *knedlíky* (*dumplings*) — also acts as a symbol of disorder, hash in the head and in the mouth, in the Czech linguistic culture: *má jako knedlík v ústech, v puse, v hubě* (lit. “He seems to have a dumpling in his mouth”), “he has a lump in the throat” (from emotion, tears and so on). The Czechs jokingly compare a widely open yawning mouth with that opened for a dumplings: *brat míru na knedlíky* lit. (“to

measure off for a dumpling”) (compare with the Rus. *зевать во весь рот* “to yawn”). *Porridge* also acts both as a metaphorical component in the Czech phraseologism *chodit jako (kočka) kolem horké kaše*, equivalent of the Russian *ходить вокруг да около* “to beat around the bush”, as well in the proverb *žádná kaše se nejí tak horká, jak se uvaří* (lit. “No porridge is as hot as when it is being cooked”), an analogue of the Russian proverb *не так страшен черт, как его малюют* (“The devil is not so black as he is painted”) [24].

The meaning of punishment, connected in the Russian language with the image of “birch porridge” (Rus. *березовая каша*), designating “rods used for beating, punish sb”, is also specific, characteristic only of the Russian linguistic consciousness: *накормить березовой кашей* (lit. “to feed with birch porridge”); in the Czech language, it is conveyed with the verb *nasekat* “to whip”. The Association of torn shoes with a mouth asking for porridge, which is realized in the phraseme *ботинки/сапоги просят каши* (lit. “shoes / boots are asking for porridge”), is not characteristic for the Czech language (which, in this case, draws an analogy with sharks — *boty mají žraloky*, lit. “the shoes have sharks”). At the same time, in the Czech language, the name of shoes also contains an association with bread that is rounded, big in shape — this feature laid the basis of the name of skinheads’ footwear — *chleby* [23].

The lexical unit *пирог* (“pie”, formed from *пир* — “feast”), whose linguocultural meaning is fully expressed in the proverb *не красна изба углами, а красна пирогами* (lit. “It’s not the corners but pies that make a house beautiful”), as well as a version of the phraseological unit *печь как пирожки* (lit. “to bake like pies”), “to create something in large quantities”, is of high significance for the Russian consciousness. Russians summarize something difficult and unpleasant as follows: *вот такие пироги* (lit. “this is what the pies are like”), “there you have it, that’s what happened”. In the Czech and Slovak culture, *piroh* represents another type of pastry, although also stuffed, but rather resembling the Russian dumplings (“pelmeni”) that are boiled in water. At the same time, the Russian *пирогу* corresponds in the Czech and Slovak languages to the product, denoted by the word *buchta* (related to *бухнуть, разбухать* — “to plunk, to swell”) [22] and further metaphorically developed in the designation of a big woman, e.g., in the expression *sedí jako buchta*, similar to the Russian *сидит как квашня* (lit. “sits like dough”), *tlustý jako buchta* — *толстый как булка* (lit. “thick as a loaf”), *jako buchtička* — *как пончик* (lit. “like a donut”) [26].

Of great importance in the Russian linguistic culture is *блин* (“pancake”) “a fine cake made of batter, baked on a frying pan”. In Russia, the ritual significance of the pancake prepared from milled grain, was connected with its similarity with the sun. Round and “ruddy” (a long-time and steady epithet for the word *блин*, acting as its cognitive metaphor, linking it to the sun, which highlights its red color), it resembles “the sun, dying and reviving each spring” [27: 65]. The Russian tradition of baking pancakes on Shrove Tuesday and commemoration is rooted in the idea of the pancake as a symbol of the sun, the victory over the cold, death and darkness. Therefore, the Russian linguistic culture also has many phrasemes with the *блин* component: *первый блин комом* (lit: “The first pancake turns out as a clod”, Czech *každý začátek je těžký*) “not every beginning is the way we would like it to be”; *печь как блины* (lit. “to bake like pancakes”. Czech *nepárat se s čím, sekat jedno za druhým*), “do something easily and plentifully; do something hastily,

carelessly”. The Russian language has a set of comparative expressions usually used in the common parlance: *круглый как блин* (lit. “round as a pancake”), *плоский как блин* (lit. “flat as a pancake”), *лицо как блин* (lit. “face like a pancake»), *сиять как масляный блин* (lit. “to shine like an oily pancake”), *сиять как блин на сковородке* (lit. “to shine like a pancake on a frying pan”).

Каравай (a round loaf) is now perceived as a symbol of Russian hospitality and cordiality. “Big”, “lush”, “round in shape”, it is associated not only with the wedding tradition (as it was originally: a wedding loaf — *коровай* — was handed to the guests during the wedding ceremonies of ancient Slavs [28: 262]), but also with the reception of the honored state-scale guests. Etymologically, the word goes back to the lexical unit *корова* “cow” (*a* in spelling appeared under the influence of pronunciation) and is related to it a symbol of prosperity, fertility, wealth. *На чужой каравай рот не разевай* (lit. “Do not open your mouth to sb else’s round loaf”), “Cast no greedy eye at another man’s pie” — this Russian proverb warns against envy of others’ prosperity and wealth.

In the Czech tradition, it is *kolač* that carries the symbol similar to the Russian *round loaf* in wedding ceremonies. The word *kolač* is known in all Slavic languages and it originally stood for a large bakery product similar to a wheel (in proto-Slavic *kolo* means “wheel”) with a big hole inside. The Slavs used to bake it for happiness (the wheel as a symbol of happiness retains its meaning in the engagement ring, in the horseshoe, which also has the shape of a circle). It was handed over to a family member going somewhere far, or to a servant after the service completion, from which the word *kolač* got its secondary meaning — “payment, bribe, reward”; a Czech expression *jít s koláčem* “return from a service, work” appeared, this meaning persisting to the present day with an ironic connotation [22]. A proverb containing this word in the sense of “reward, benefit” is also widespread: *bez práce není koláče* (lit. “no kalach without work”; cf. with the Russian *без труда не вытащишь и рыбку из пруда* — lit. “you can not pull a fish out of a pond without labor”) — “no gain without pain”. Over time, the configuration of this bakery product in the Czech Republic and Slovakia changed: they started filling the hole with cottage cheese, jam, and it now resembles the Russian cream-filled pastry or a loaf of bread. However, the past form of kalach is also evidenced by the remaining phraseological expression *zaskočilo tu do kolačové dírky* “went the wrong way, choked on smth” (lit. “he had it caught up in the hole of kalach”). In the Czech language, the word *kolač* also acquired highly technical, medical meanings as a consequence of the metaphorical transfer of the shape: *krevní kolač* — “blood clot, thrombus” and *plodový koláč* — “placenta” [29].

Unlike that of some other Slavic peoples, in particular the Czechs, the Russian *калач* “*kalach*” (a fancy loaf, similar to a picket-shaped bun) has retained a hole inside since ancient times, which is of particular importance. In Rus, this type of pastry used to be not only a symbol of food for a long time, but also carried apotropaic (protective) properties, due to the symbolism of a closed circle. The circle, which lies at the base of *kalach*, allows to perceive it as a symbol of protection. It was habitual to look through the hole in *kalach* in order to get someone’s goodwill, as well as to protect oneself from a spell or other harmful influence [30]. This functionally brings it together with the other objects, having an opening — ring, wreath, sieve. The significance of the Russian *kalach* in linguistic culture is evidenced by the following idioms containing this lexical unit —

сидим на печи, едим калачи (lit. “sitting on the stove, eating kalachs”), “not doing anything”; *достаться на калачи / орехи* (lit. “to get sth for kalachs / nuts”), “on a punishment, spanking”. *Тертый калач* (lit. “a well-rubbed kalach”), “a hard nut to crack” is used when talking about a very experienced person, who is difficult to trick, to deceive (the same as *стреляный воробей* “an old bird”), the expression is related to the fact that in the Russian tradition, *kalach* is made from tough dough that is crumpled and rubbed for a long time. *Kalachs, pretzels, gingerbread* as a bakery can serve a symbol of a great reward, a gift in the Russian expressions *калачом не заманишь* (lit. “impossible to tempt with a kalach”) “of sb who does not want to go somewhere”; *ни за какие коврижки / кренделя* (lit. “for no gingerbread / pretzel”), “not at any price”.

Крендель (pretzel), “a rich twisted B-shaped”), borrowed from the German *Krengel* (from *Kreng* “circle ring”) in the 18th century [31], also took root in the Russian phraseology. It also has a negative meaning, too, referring to insecure, staggering movements of a drunk person in the phrasemes *выделявать / выписывать / выводить кренделя* (lit. “to perform, to draw pretzels”). The round shape of the pastry served as a motive for the further word-building in the Russian phrasemes *свернуться кренделем, свернуться/спать калачиком* (lit. “to roll up like a pretzel, to sleep in the shape of a little kalach”), “to lay curled, legs drawn up to the chest”. The Czech lexical unit *preclík* (known only to the West Slavic languages as a borrowing from Latin) “bagel, pretzel” later semantically spread to the designation of a frozen person, stiff from the cold — *zmrzlý jako preclík* (lit. “frozen like a bagel”) [26], corresponding to the Russian *замерз как цуцик* “frozen like a tsutsik”.

The transfer “foodstuff” → “person” is a common semantic model. In many languages, the comparison of obese women with pies receives a linguistic expression; e.g. like the Czech *buchta* “pastry” [32], the Russian words *булочка* (“small pastry”), *квашня* (“dough”) also acquired a metaphorical meaning of “a big woman”. Russians associate a beautiful young woman with something sweet and light, which is expressed by the word *конфетка* “a piece of candy”. The image at the heart of the Czech comparative *kluk jako cumel* [26] (lit. “a guy like a piece of caramel”), characterizing a handsome young man, is close to that one. In colloquial speech, Russians call a flabby, flaccid man, a deadhead *тюря* “tyurya” (primary meaning: “a primitive foodstuff — chopped bread in kvass or water”) and *кисель* “kissel” (an ancient foodstuff name meaning “a gelatinous dish of flour, often cooked with berry juice or milk”).

The comparison with the crumb as the smallest part of bread, which is stereotypic for the expression of such a trait of children as small height, is known to many languages, cf. Rus. *кроха / крошка*, Czech *drobeček / drobátko* (these examples meaning “crumb” are used to designate a “baby”). At the same time, the culinary code is realized to express this meaning in a particular Czech expressive comparison of a baby with a pork rind, a slice of melted lard in the Czech *škvrně* “pork rind” (from *škvařit* “to remelt lard”) [32].

Different kinds of food got different symbolic development in the compared languages. Thus, the image of *kissel* is widely represented in the Russian linguistic culture. To refer to distant relatives, Russians say *седьмая / десятая вода на киселе* (lit. “seventh / tenth water on kissel”). To express a distant trip with little purpose a proverb with the same image — *за семь верст киселя хлебать* (lit. “to slurp kissel seven miles away”) is used. In the Czech ethnic and cultural consciousness, it’s not only dumplings but also sausages that turned out actively developed from the culinary code — the Czech *buřt*, verbalized,

for example, in the expressions *to je mu buřt* (lit. “It is a sausage to him”), (the Russian equivalent being *это ему до лампочки* “he doesn’t give a hoot”), *je tlustý jako buřt* “fat like a sausage”, *je dobrý (ale) do buřtu* lit. “He is only good for sausages” (the Rus. equivalent being *ему грош цена* “he is worthless”) [24].

At the same, codes often overlap, which is particularly typical for the Russian linguistic culture, e.g. in the phraseme *лаптем щи хлебаем* (lit. “slurps shchi with a bast shoe”), the culinary metaphor (*щи* “shchi” as the name of a peasant foodstuff is associatively a symbol of a simple man) intersects with the shoe one, enhancing the image of a simpleton, far from the intricacies of civilization, or vice versa, names a simple person, if used with a negative — *не лаптем щи хлебаем* (lit. “does not slurp shchi with a bast shoe”). For referring to a simpleton, a linguistic and cultural phraseme *тульский пряник* (lit. “Tula gingerbread”), the specificity of which is caused by the combination of the culinary and geographic codes, is also used in the Russian language. The shape of long and thin *noodles* (Rus. *лапша*) causes Russians associations with long speeches, which often clothe lies — *вешать лапшу на уши* (lit. “to hang noodles on sb’s ears”, the Czech equivalent being *věšet bulíky na nos* lit. “to hang steers on the nose”) [24]. In this case, the intersection of the culinary and somatic codes is similar.

The study of lexical units naming ancient Slavic name of the food, carried out as part of this article, also opens perspectives: in future, it may be possible to expand on culinary names with a view to identify their semantic development in the bilingual (Russian — non-Russian Slavic) aspect or polylingual (on the material of several Slavic languages). The goal of the bilingual aspect is linguo-didactic description of the studied material, aimed at teaching this part of the vocabulary in a non-Russian Slavic audience.

Conclusion

The analyzed figurative means of linguistic worldviews of two Slavic peoples, based on the culinary code, provide an opportunity to talk about the universal and the national in their perception of reality. The means of secondary naming are the most “culture-bearing” and culturally conditioned. However, it should be noted that as a rule, “classical” dictionaries do not describe these meanings, which makes their description and systematization extremely relevant, allows to approach the solution of such fundamental tasks for modern linguistics as the description of the linguistic worldview, determining the particularities of the national specific verbalization of the universal ideas of the world, which will find expression in special cultural dictionaries. It is the bilingual aspect which allows to reveal the community and the specificity of the “worldview” of various Slavic peoples, features of their ethnic culture, due to both the general history of the Slavs, and the independent historical movement, which also has a linguo-didactic value: the purpose of teaching Russian to Slavs.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблемы семантики // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26.* М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 39–51.
- [2] *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта-Наука, 2009. 342 с.
- [3] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.

- [4] *Красных В.В.* «Свой» среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
- [5] *Ковшова М.Л.* Интеракция языка и культуры в действии: на примере культурной интерпретации фразеологизмов // Живодействующая связь языка и культуры. Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. Москва-Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. С. 27—33.
- [6] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
- [7] *Токарев Г.В.* Лингвокультурология. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та Л.Н. Толстого, 2009. 135 с.
- [8] *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.
- [9] *Mlasek J., Baláková D., Kováčová V.* Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška (Slovensko), 2009.
- [10] *Sipko J.* Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokultúrológie. Prešov: FF PU, 2011.
- [11] *Арутюнов С.А., Вороница Т.А.* Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 289 с.
- [12] *Афонина А.Н.* Переносное употребление языковых единиц лексико-семантического поля «питание» // Вестник МГОУ: Серия «Лингвистика». М.: Изд-во МГОУ, 2007. № 1. С. 79—87.
- [13] *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- [14] *Гачев Г.Д.* Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2009.
- [15] *Капелюшник Е.В.* Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 345. С. 11—14.
- [16] *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- [17] *Фомина З.Е.* Культурно-гастрономические смыслы в европейском и русском языковом сознании как «мира в миниатюре» // Научный вестник. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2009. Вып. № 1 (11). С. 11—24.
- [18] *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов: монография. Кокшетау: Изд-во Нац. исслед. Томского гос. ун-та, 2013. 240 с.
- [19] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002.
- [20] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 1995.
- [21] *Срезневский И.В.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Знак, 1958.
- [22] *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 5-e vydání. Brno, 2010. 866 s.
- [23] *Slovník nespisovné češtiny.* 2 vyd. Praha, 2006.
- [24] *Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
- [25] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Олма-Пресс, 2003.
- [26] *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přírovnání* // F. Čermák, J. Hronek a kol. Praha: Leda, 2009.
- [27] *Семенова М.* Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука, 2000.
- [28] *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2010. 742 с.
- [29] *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost.* Praha, 2003.
- [30] *Большой фразеологический словарь русского языка* // под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.
- [31] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. 4-е изд. М.: Астрель-АСТ, 2004.
- [32] *Klégr A.* Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

REFERENCES

- [1] Gudkov D. Units of Cultural Codes: Problems of Semantics // *Language Consciousness, Communication: Coll. of articles*. Vol. 26. M., 2004: 39–51. (In Russ.)
- [2] Alefirenko N. “Living” Word. *Problems of Functional Lexicology*. M.: Flinta-Nauka, 2009: 342 pp. (In Russ.)
- [3] Vorobyev V. *Linguistic and Cultural Studies*. M.: RUDN Publishing House, 2008: 340 p. (In Russ.)
- [4] Krasny’h V. “Insider” Among Aliens: Myth or Reality? M.: Gnozis, 2003. 374 p. (In Russ.)
- [5] Kovshova M. Interaction of Language and Culture in Action: on the Example of Cultural Interpretation of Phraseological Units // *Life Giving Connection Between Language and Culture*. Vol. 1: Language. Mentality. Culture. Moscow-Tula, 2010: 27–33. (In Russ.)
- [6] Teliya V. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects*. M., 1996: 284 p. (In Russ.)
- [7] Tokarev G. *Linguistic and Cultural Studies*. Tula: Publishing House of Tolstoi Tula State Ped. Univ., 2009: 135 p. (In Russ.)
- [8] Shestak L. *Russian Linguistic Personality: Codes of Figurative Thesaurus Verbalization: monograph*. Volgograd: Peremena, 2003: 312 p. (In Russ.)
- [9] Mlacek J., Baláková D., Kováčová V. *Vývin súčasnej frazeol gie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia*. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška (Slovensko), 2009.
- [10] Sipko J. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturolog gie*. Prešov: FF PU, 2011.
- [11] Arutyunov S. *Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity / S. Arutyunov, T. Voronina*. M., 2001: 289 p. (In Russ.)
- [12] Afonina A. *Figurative Use of Linguistic Units of the Lexical-Semantic Field “Food” // MGOU Bulletin: Series “Linguistics”*. M.: MGOU Publishing House, 2007 (1): 79–87. (In Russ.)
- [13] Berezovich E. *Russian Vocabulary on the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction*. Moscow: Russian Foundation of Education and Science Promotion, 2014: 488. (In Russ.)
- [14] Gachev G. *Science and National Cultures*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University, 2009. (In Russ.)
- [15] Kapelyushnik E. *Man through the Prism of the Culinary Code of Culture // Bulletin of Tomsk State University (345)*, Tomsk, 2011: 11–14. (In Russ.)
- [16] Tolstaya S. *The Space of Word. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective*. M.: Indrik, 2008. 528 p. (In Russ.)
- [17] Fomina Z. *Cultural and Gastronomic Senses in the European and Russian Linguistic Consciousness as a “World in Miniature” // Scientific Bulletin: Series “Modern Linguistic and Methodical-Didactic Research”*. Voronezh, 2009. Vol. 1 (11): 11–24. (In Russ.)
- [18] Yurina E. *Tasty Metaphors: Food Tradition in the Mirror of Linguistic Images*. Monograph. Kokshetau, 2013: 240 p. (In Russ.)
- [19] *Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary: 2nd ed.* M., 2002. (in Russ.)
- [20] *Slavic Antiquity. Ethnolinguistic Dictionary*. M., 1995. (In Russ.)
- [21] Sreznevskij I. *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language*. M., 1958. (In Russ.)
- [22] Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého. 5-e vydání*. Brno, 2010. 866 s.
- [23] *Slovník nespisovné češtiny. 2 vyd.* Praha, 2006.
- [24] Mokienko V., Vurm A. *Dictionary of Comparisons of the Russian Language*. SPb., 2003. (In Russ.)
- [25] Dal’ V. *Explanatory Dictionary of the Great Russian Language*. In 4 vol. M., 1978–1980. (In Russ.)
- [26] *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání // F. ermák, J. Hronek a kol.* Praha: Leda, 2009.
- [27] Semenova M. *Life and Beliefs of Ancient Slavs*. SPb., 2001. (In Russ.)
- [28] Niederle L., *Slavic Antiquities*. M.: Novy’j Akropol’, 2010: 742 p. (in Russ.)
- [29] *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 2003.

- [30] Big Phraseological Dictionary of the Russian Language // Ed. by V. Teliya. M., 2006. (In Russ.)
[31] Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. 4th ed. M., 2004. (In Russ.)
[32] Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.01.2016

Дата принятия к печати: 02.02.2017

Article history:

Received: 05.12.2016

Accepted: 16.01.2017

Для цитирования:

Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 152—174.

For citation:

Markova E.M. (2017) Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 152—174.

Сведения об авторе:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет; профессор кафедры русистики Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава (Словакия). Почетный работник Высшего образования РФ. *Сфера научных интересов:* сопоставительная лингвистика, славянские (чешский, словацкий) языки, лексикология, семасиология, лингвокультурология, методика преподавания РКИ. Автор более 260 научных публикаций, в том числе трех монографий, глав в четырех коллективных монографиях. *Контактная информация:* elena-m-m@mail.ru

Bio Not:

Elena Markova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language at Moscow State Regional University; Professor of the Department of Russian Studies at St. Cyril and Methodius University in Trnava (Slovakia). Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation. *Research interests:* Comparative Linguistics, Slavic (Czech, Slovak) languages, Lexicology, Semasiology, Linguistic and Cultural Studies, Teaching Methodology of Russian as a Foreign Language. Author of over 260 scientific publications, including three monographs, chapters in four collective monographs. *Contact information:* elena-m-m@mail.ru



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-175-188

УДК 81:39

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ф.Г. Фаткулина

Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, 32, Уфа, Россия, 450076

В статье представлена попытка рассмотрения и осмысления методологического и понятийного аппарата, с определением и выбором которых сталкивается любой исследователь при лингвокультурологическом анализе текста. Основное внимание уделяется таким ключевым понятиям как язык, культура, языковая личность, языковая картина мира, культуроспецифичность, культурный код, концепт, концептосфера, мифологема и др. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные рассмотрению указанных реалий, некоторые вопросы еще требуют уточнения и дополнительного теоретического обоснования. Целью исследования в статье является также изучение социокультурных и лингвистических тенденций формирования национальной языковой личности в свете межкультурной коммуникации и характеристика особенностей языковой картины мира индивида.

На основании результатов проведенного исследования делается вывод о том, что лингвокультурология представляет собой научную парадигму с выработанной концептуальной основой и дефинированным категориальным аппаратом.

Ключевые слова: лингвокультурология, анализ, понятие, терминологический аппарат, язык, культура, языковая картина мира, концептосфера, лингвокультурный концепт

Введение

Общеизвестно, что появление лингвокультурологии обусловлено интересом к взаимодействию культуры и языка и «обусловлено стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека в мире» [1. С. 4]. При этом язык выступает в качестве средства интерпретации человеческой культуры, ментальности народа. Своим истоком современные лингвокультурологические изыскания обязаны идеям Вильгельма фон Гумбольдта, открыто признавшего прямую и непосредственную связь между языком, мышлением и культурой народа.

На протяжении XIX—XXI веков разрабатывается теория взаимосвязи языка и культуры: в зарубежной лингвистике (В. фон Гумбольдт, О. Шпенглер, Й.Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, Э. Бенвенист и др.), в российском языкознании (И.А. Бодуэн-де-Куртене, Ф.И. Буслаев, А.А. Потемня, А.А. Шахматов, и др.), в таких интегративных науках, как семиотика (Вяч. Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, Н.Б. Мечковская и др.), этнолингвистика (А.С. Герд, Э. Сепир, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Б. Уорф и др.), этнопсихоллингвистика (В.В. Красных, Ю.А. Со-

рокин, Е.Ф. Тарасов и др.), теория межкультурной коммуникации (Д.Б. Гудков, Г.Г. Почепцов, С.Г. Тер-Минасова и др.), когнитивная лингвистика (Н.Н. Болдырев, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.), лингвокультурология (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.М. Шаклеин, А.Т. Хроленко и др.). В результате научных поисков сформировалась точка зрения на художественный текст как «конденсатор культурной памяти» (Ю.М. Лотман), как «единицу культуры» (В.В. Красных).

Существует множество дефиниций исследуемой автором области научного знания, наиболее приемлемыми из которых, на взгляд автора, являются следующие. «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры», а сам язык «выступает как выразитель особой национальной ментальности», «является условием, основой и продуктом культуры» [2. С. 8]; «Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания с помощью системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [3. С. 37].

Цель

Целью исследования в статье является рассмотрение и осмысление методологического и понятийного аппарата лингвокультурологического анализа. Вопрос о принципах и методологии лингвокультурологического анализа требует уточнения понимания следующих ключевых понятий: *язык, культура, языковая картина мира, культуроспецифичность, реалия, концепт, концептосфера, мифологема* и некоторые другие. Под лингвокультурологическим методом в нашем исследовании понимается изучение языков в их тесном взаимодействии с культурами народов, их носителей, с целью выявления универсального и этнического в структуре и семантическом пространстве языков, а также путей их синтеза в дискурсе языковой личности.

Результаты

Понимание языка в лингвокультурологии не выходит за пределы общелингвистических трактовок. Язык для исследователя-лингвокультуролога — это «определенный класс знаковых систем» и «некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [4]. При этом на первый план выходят такие его функции, как эпистемическая (язык — форма хранения знаний об окружающей действительности) и когнитивная (язык — средство познания окружающего мира человеком) [4]. Второе ключевое понятие лингвокультурологии — *культура*. Термин, восходящий к латинскому *colere* — возделывать — и введенный еще во II веке до нашей эры Катон Старшим, имеет в настоящее время столько разноречивых определений [5. С. 246], что сведение их к какой-либо одной дефиниции не представляется возможным. Уже Эдвард Сепир объяснял отсутствие общего толкования

тем, что культура есть одна из «смутных мыслительных областей, границы которых сдвигаются, сужаются или расширяются в зависимости от точки зрения того, кто этими терминами пользуется» [6. С. 469], и ограничивался краткой характеристикой наиболее устоявшихся взглядов на предмет.

Изучение различного рода корреспонденций языка и культуры прежде всего требует уточнения исходного понятия культуры. В настоящее время наиболее значимыми *характеристиками культуры* называют следующие. Во-первых, культура рассматривается как особая социальная среда, созданная человеком в ходе исторического развития и противопоставляемая среде естественной: «Понятие культуры... характеризует мир человека и включает в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления (включая такие социальные институты, как право и государство), язык и искусство, технику и технологии» [7]. Схожим определением оперирует ряд современных психологов, социологов и антропологов, среди которых, например, социальный психолог и специалист по кросс-культурным исследованиям Гарри К. Триандис: «Культура — это часть окружающей среды, которая создана самим человеком» [8. С. 19]. В таком понимании понятие культура сближается с понятием цивилизация, которым оперирует, в частности, Эдвард Сепир. В отличие от Освальда Шпенглера и его последователей, он не противопоставляет культуру и цивилизацию, обозначая последним термином совокупность технологических, экономических и социальных достижений того или иного народа в определенный момент времени. Культура, по Сепиру, выражает уникальные, национальные черты цивилизации: «культура... может быть кратко определена как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает национальный дух» [6. С. 469].

Во-вторых, ряд исследователей видит в культуре проявление коллективной, групповой творческой деятельности человеческих общностей — народов или наций. Таково, например, определение, представленное авторами «Философского энциклопедического словаря»: «Культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов» [7. С. 229]. При таком подходе, в область культуры включается не только все, созданное человеком и человечеством, но и естественные объекты, осмысленные и играющие определенную роль в обществе: «Культура — это любое природное явление, преобразованное человеческим вмешательством и в силу этого могущее быть включенным в социальный контекст» [9. С. 35].

В-третьих, культура понимается как знаковая система, единицами которой есть все предметы и явления материального и нематериального характера, которые наделяют смыслом те или иные общественные группы. При этом единицы, наделяющие смыслом, определяются как факты или феномены культуры. Предмет или поступок становится культурным феноменом, если он обретает смысл; производство смыслов творит культуру. По мнению А.Т. Хроленко, факты культуры, как и любые другие знаки, представляют собой единство идеального и материального, а культурные смыслы реализуются в культурных кодах, в число которых входят «слова, символы, мифологемы, идеологемы, стереотипы поведения, ритуалы, знаки и т.д.» [10. С. 41–42]. В высшей степени интересная и достойная внимания модель культурно-языкового знака была предложена Эдвардом Сепи-

ром: «Культуру можно определить, как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [6. С. 193].

Практически все приведенные трактовки культуры сходятся в том, что носители культуры не столько отдельные индивиды, сколько большие общественные группы — народы, этносы, нации: «Все человеческие существа, или, во всяком случае, все группы таковых, наделены культурой» [6. С. 466].

Обсуждение

В истории целого ряда языков и литератур, в частности, тюркских, выделяют национальные и донациональные этапы, в связи с чем автору представляется более корректным употребление сочетания «этническая культура». Например, в башкирском языке и, соответственно, научной терминологии русскому слову «культура» соответствуют две лексемы — *культура* и *мәҙәниәт*. Второй, более употребительный термин этимологически восходит через персидское *مدنیّت* (маданийят — цивилизация, цивилизованность; культура) [ПРС 2: с. 486] к арабскому *مدنية* (маданиййа — культура, цивилизация), в свою очередь, образованному от глагола *مدن* (маддана) с первым значением «строить, основывать города». Таким образом, термин *мәҙәниәт* скрытно несет в себе следы древнеарабского представления о городах как о центрах более развитой, «цивилизованной» жизни и оппозиции *мадани* — *городской, культурный* и *бадауи* — *кочевой, дикий*. Данная оппозиция нашла свое отражение в некоторых установках мусульманской религии и оставалась актуальной на момент заимствования арабских слов персидским языком [11. С. 191], однако не нашла отклика в башкирском языке и культуре.

Таким образом, культура это «все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения, понимания и преобразования мира» [2. С. 16].

Культура создает такие важные для исследователя-лингвиста явления, как культурный фон и «культурная память». Культурный фон определяется как характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события, актуальные для данного культурно-языкового сообщества. «Культурная память» языковой единицы — это те ассоциации, которые задаются языковой единицей и тянутся из ее прошлого употребления, организуя современное значение [2. С. 48, 56].

Разбирая вопрос о взаимосвязи языка и культуры, Э. Сепир отвергал предположение об их прямой корреляции, особенно на структурном уровне, а также предостерегал лингвистов от отождествления «языка с его словарем» [6. С. 193—194]. Теория языковой относительности утверждала, в первую очередь, что языки накладывают лишь специфический отпечаток на общечеловеческие категории мышления: «Языки для нас нечто большее, чем системы передачи мыслей. Они — невидимые покровы, облекающие наш дух и придающие predeterminedенную форму всяческому его символическому выражению» [6. С. 195], поэтому «мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры... многие объекты и явления культуры настолько взаимосвязаны с их терминологией, что изучение распределения культурно значимых терминов часто позволяет увидеть

историю открытий и идей в новом свете» [6. С. 262]. Таким образом, авторы теории языковой относительности вплотную подошли, хотя и не сформулировали прямо, к такому важному для современной лингвокультурологии понятию, как *языковая картина мира*.

Словосочетание «картина мира» пришло в языкознание из естественных наук. Считается, что оно было впервые использовано еще на рубеже XIX—XX веков в рамках теоретической физики. Его употреблял Генрих Герц применительно к физической картине мира, трактуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов [12. С. 51]. Важно отметить, что картина мира — это модель реальности, а не сама реальность. На этом заострял внимание немецкий физик Макс Планк, указывая, что понятие картины мира стали употреблять, боясь иллюзии отождествления теоретического объекта и реальности [13. С. 49]. Уточнение границ и характера данного понятия было осуществлено Альбертом Эйнштейном, который отмечал, что человеку свойственно стремление «каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность» [14. С. 136]. Великий физик указывает на такие особенности аспекты картин мира, как их несовпадение с реальным миром и чувственным опытом, зависимость от определенных духовных и познавательных потребностей человека и множественность. В настоящее время принято выделять научные, художественные, языковые и другие картины мира [15. С. 3].

При изучении взаимосвязей между языком, мышлением и культурой актуальность приобретает понятие «языковая картина мира» (ЯКМ). Языковая картина мира понимается как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [16]. При образовании картин мира язык участвует в двух процессах: с одной стороны, служит той средой и материалом, в которой и из которого формируется языковая картина мира; с другой — выражает и эксплицирует другие картины мира, внося в них черты человека и его культуры. Таким образом, с помощью языка знание, полученное отдельными индивидами опытным путем, превращается в коллективное знание [17. С. 1003].

Следовательно, языковая картина мира — это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых языков. Главное в языковой картине мира — это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных языков. В более узком смысле, языковая картина мира — это взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка [16; 2. С. 52–53]. Разные языки придают картинам мира лишь некоторую специфику, некоторый национальный колорит, что объясняется различиями в культуре и традициях народов. Картина мира отражается в содержательной стороне языка этноса. Ее ана-

лиз помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

Наиболее обстоятельный анализ понятия «языковая картина мира» и его производных был произведен О.А. Корниловым в монографии «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов». Ученый различает научную картину мира (НКМ) — всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества [15. С. 9], национальную научную картину мира — в форме национального языка, представляющую собой национальную форму общего содержательного инварианта и языковую картину мира. Последняя, по мнению автора, представляет собой результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества [15. С. 46, 112]. При этом исследователь обращает внимание на то, что «просто ЯКМ — это абстракция, реально нигде не существующая. Реально существуют и могут анализироваться лишь ЯКМ национальных языков — национальная языковая картина мира (НЯКМ)», которая определяется им как «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса». Автор выделяет также индивидуальную языковую картину мира (ИЯКМ) — «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием отдельного человека, носителя того или иного национального языка» [15. С. 112—113].

Одной из существенных форм взаимодействия языка и культуры в обществе является личность (языковая личность), выступающая как фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке. Личность как социально-этическая категория, выражающая духовность, представляет собой обобщение характерных черт индивидуумов определенного национального социума. Национальная языковая личность — это не только определенный культурно-психологический, социальный и языковой феномен, но и весь его материально-культурный «контекст» в его лингвокультурологическом понимании. Понять национальную личность, дать ей теоретически развернутое определение в ее единстве, необходимости и противоречивости — это значит выразить сущность, закономерность этого феномена в логически стройной системе понятий языка и культуры. Достичь этой цели возможно лишь в том случае, если найдена сама основа предмета познания, развертывание которой и есть не что иное, как сама национальная личность. Такой основой, обуславливающей существование личности в ее национальной определенности, служит общество и народ.

В свете культурологического подхода можно утверждать, что личность — это не только внешний признак общества, но и внутренне присущий ему необходимый атрибут, благодаря которому человеческое общество обретает принципиально новую, качественно высшую форму своего существования и специфики. «Национальная принадлежность — это реальная, структурно богатая и сложная связь личности с обществом, включающая в себя социально-экономический, территориально-бытовой, общественно-политический, языковой, духовный и социально-психологический аспекты» [3. С. 96). Следовательно, в лингвокультурологических исследованиях акцент делается на этнолингвокультурном в языке, что в межкультурной коммуникации может в значительной степени облегчить осоз-

вание и принятие как данность особенностей национального мировоззрения и миропонимания другого народа, способствуя воспитанию толерантной полилингвальной личности.

Хотя отношения между языком и культурной идентичностью говорящего на нем индивида неоднозначны, язык есть чувствительный индикатор отношений между человеком и лингвокультурным сообществом, которому он принадлежит [16. С. 77].

Одним из основных средств понимания или, используя терминологию О.А. Корнилова, «постижения культуры» являются ключевые слова — слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [15. С. 35]. Накладывая свой отпечаток на восприятие людьми окружающей действительности посредством языковой картины мира, язык становится одним из средств концептуальной ориентации в жизни. Языковая картина мира изучается, в основном, двумя путями — ведется поиск и реконструкция присущего отдельным языкам взгляда на мир, либо происходит исследование отдельных концептов, характерных для данного языка.

Среди всех культуруроносных и культурурозначимых ментальных сущностей в настоящее время наибольшую исследовательскую распространенность получил концепт. Концепт представляет собой одно из центральных понятий современной лингвистики и, в частности, лингвокультурологии. Сам термин «концепт» происходит от позднелатинского *conceptus* «понятие», образованному от глагола *concipere* «понимать, зачинать» [18. С. 40]. Из средневековой латыни существительное и глагол проникли в современные романские и германские языки, а при заимствовании в русский слово *concept* подверглось также семантическому калькированию и породило термин *понятие*, более активный в современном русском языке [12. С. 102].

Концепт в узком смысле определяется как «содержание понятия, которое, постепенно развиваясь, актуализируя в речи отдельные семантические признаки, обрастает объемом», как «смысл, который может существовать в различных формах в нашем ментальном мире, сознании — в форме представления, образа, символа или понятия» [12. С. 104–105].

Другая группа авторов акцентирует внимание на этнической (национальной) специфике концептов и их связи с определенным языковым коллективом, миром его культуры. При таком понимании, концепты могут рассматриваться как «категории языкового видения мира и в то же время «творцы» и одновременно продукты мира идеального, в том числе и национально-культурной ментальности» [19. С. 242]. Концепты непосредственно связаны с ценностными и смысловыми ориентациями культурно-языковых сообществ, так как представляют собой «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса» [20. С. 3–6]. В таком понимании концепты выступают как единицы обыденного, преимущественно этнического, сознания. Их основные характеристики следующие: культурная значимость, аксиологическая окрашенность и мировоззренческая ориентированность [12. С. 104].

Дискуссионным остается вопрос о том, какие слова и понятия могут считаться концептами. Приведем ряд критериев, которые позволяют атрибутировать явление как концепт: «Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов» [2. С. 28; 20. С. 242]. Концепты возникают в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусства, ощущений и системы ценностей [19].

Наиболее важные для культуры концепты называются *константами* или «*ключевыми словами*» культуры. Они появляются в глубокой древности и прослеживаются через взгляды мыслителей, писателей и рядовых носителей языка до наших дней. «Ключевые слова» — это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [21. С. 35]. Ряд исследователей выделяет в особый класс также культурные концепты — имена абстрактных понятий, к ядру которых прикрепляется культурная информация [5. С. 247]. Культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками.

Подводя итог краткому разбору определений концепта, следует отметить, что практически все авторы отмечают его трехчастную структуру: концепт представляет собой единство ментального, этнокультурного и языкового пластов. Ментальность при этом определяется как совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира.

Для лингвокультурологов наибольший интерес представляет явление специфичности в составе ментальных единиц, накопительное и систематическое описание отличительных семантических признаков определенных культурных концептов. В тенденции лингвокультурологические исследования ориентированы скорее ономазиологически и идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов. На сегодняшний день методология описания и анализа концептов наиболее четко разработана в рамках когнитивной лингвистики.

Система, образуемая взаимосвязями концептов во всем их разнообразии, называется *концептосферой*, которая характеризуется особой трехчастной структурой. Она состоит из ядра (словарное значение той или иной лексемы), приядерной зоны (иные лексические репрезентации концепта, его синонимы и др.) и периферии (ассоциативно-образные репрезентации). Концептосфера включает в себя как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности [22; 23]. Необходимо отметить, что в рамках того или иного языка может выделяться и рассматриваться не одна концептосфера (данного языка в целом), а несколько: в таком случае концептосферы «закрепляются» за различными понятийными (например, «концептосфера подвига»), дискурсивными (политическая концептосфера), творческими (концептосфера русской поэзии) областями, отдельными текстами или их группами (концептосфера Марины Цветаевой) и др. Внутри концептосферы могут быть

также выделены концепты-универсалии, присущие всем или большинству языков и культур мира и культуроспецифичные концепты, несущие в себе черты конкретной этнической культуры.

Понятие «культуроспецифичность» соотносится с английским словом *culture-specific*, что означает «относящийся к определенной культуре, выражающий спецификой определенной культуры». Лингвистическую основу данной категории составляют слова, обозначающие реалии и артефакты, слова и словосочетания с культуроспецифичными коннотациями, лексические единицы с устойчивыми ассоциативными связями, а также культурозначимые фрагменты текстов из сокровищницы национальной словесности. Необходимо учитывать, что «культуроспецифичные слова представляют собой понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечению этих способов. По мере того, как общество меняется, указанные орудия могут также постепенно видоизменяться или отбрасываться» [21. С. 20].

Основной единицей лингвокультурологического описания является именно концепт, рассматриваемый в культуроспецифичном аспекте. Для удобства описания, а также во избежание смешения с единицами изучения смежных дисциплин вводится термин «лингвокультурологический или лингвокультурный концепт» — условная ментальная единица, направленная на комплексную репрезентацию языка, сознания и культуры.

Особо информативными единицами лингвокультурологического анализа могут быть также реалии и мифологемы. Первый термин происходит от латинского *realis* «истинный, вещественный, действительный» и употребляется в первую очередь, в науке о переводе, начиная с 50-х годов прошлого века.

Лингвистический, культурологический и переводческий аспект введения в науку понятия «реалия» были подробно проанализированы в коллективной монографии С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Авторы отмечают, что «Реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью, на что указывает хотя бы этимология самого термина. Будучи наименованием отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны, реалия... должна непременно найти отражение в тексте перевода» [24. С. 16]. В узком смысле, реалии — это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и др. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к безэквивалентной лексике.

Таким образом, реалии представляют собой единицы языка, культуроспецифичные на денотативном уровне, в силу своей специфичности, нуждающиеся в лингвокультурологическом комментарии и представляющие интерес для лингвокультурологического описания, особенно если они содержатся в переводном тексте.

Понятие мифологема (от древнегреческого *μῦθος* — сказание, предание и *λόγος* — мысль, причина) пришло в науку о языке из психологии. Впервые оно было использовано К.Г. Юнгом и К. Кереньи в работе «Введение в сущность ми-

фологии» для обозначения образов, сюжетов и мотивов, имеющих мифологическое происхождение и фиксируемых на протяжении длительных временных промежутков [25. С. 13].

В языкознании под мифологемой может пониматься «совокупность нескольких понятий, неотделимых друг от друга в рамках магического мышления древнего человека, а также все относящиеся к этим понятиям древние символы» [25]. В качестве материала для лингвокультурологического анализа используются, как правило, концепты-мифологемы или репрезентирующие их слова-мифологемы — наименования персонажей, слова особого мифического содержания, являющиеся результатом деятельности мифического мышления по структурированию мира. Релевантным признаком коннотативной структуры слова-мифологемы служит этнокультурный компонент. Их анализ особенно важен, когда исследователь сталкивается с фольклорной картиной мира, которая берет свое начало в мифологической культуре.

Заключение

Одна из важнейших задач любой науки, в данном случае лингвокультурологии, есть уточнение ее понятийного и методологического аппарата, поскольку наличие концептуальной основы и дефинированного категориального аппарата является свидетельством полноценного существования научной парадигмы. Сложность, которую испытывают ученые при формировании методологической базы этой науки, связана с разночтением лингвистов в трактовках языка и культуры, существованием смежных парадигм, терминология которых повлияла на выбор лингвокультурологов [26. С. 535—537], а также относительной молодостью данной дисциплины. Предлагая свой терминологический аппарат для проведения лингвокультурологического анализа, автор статьи отдает себе отчет в том, что это далеко не первая попытка подобного рода.

Как показывает авторский материал, одним из наиболее результативных методов лингвокультурологии, в конечном счете, признается концептуальный анализ. Его основной единицей является лингвокультурный концепт — условная ментальная единица, направленная на комплексную репрезентацию языка, сознания и культуры. Из концептов складывается концептосфера, которая в свою очередь, оказывает влияние на формирование языковой картины мира того или иного этноса. При лингвокультурологическом анализе внимание исследователя сосредоточено на уникальных, культурно-специфичных аспектах данных явлений.

Изучение языка как универсального феномена и национальных языков как систем национального языкового миропонимания языковой личности сегодня тесно связано с формированием у носителей разных языков толерантности, с пониманием равноценности родного и «чужих» языков в жизни мирового социума. Национальное мировидение находит выражение прежде всего в специфике языкового (вербального) членения и выражения окружающей действительности, что никак не умаляет культурной ценности отдельно взятого языка.

Таким образом, можно констатировать, что лингвокультурологический анализ должен касаться языковых и речевых единиц, посредством изучения которых можно «выстроить» культурное пространство данного лингвокультурного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
- [2] *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- [3] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2014. 336 с.
- [4] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- [5] *Тхорик В.И., Фаян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ГИС, 2006. 260 с.
- [6] *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук, проф. А.Е. Кибрика. 2-е изд. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. С. 259–265.
- [7] *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Изд-во политич. лит., 1987. 592 с.
- [8] *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение: учеб. пособие / пер. В.А. Соснин. М.: ФОРУМ, 2007. 384 с.
- [9] *Эко У.* Имя розы. Детектив. Вып. 2. М.: Книжная палата, 1989. 496 с.
- [10] *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 184 с.
- [11] Персидско-русский словарь: в 2-х т. Свыше 60000 слов. 3-е изд., стереотип. Т. 1. От Ā до ĵ. М.: Рус. яз., 1985. 800 с.
- [12] *Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е.* Лингвокультурология: учебник. СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. 260 с.
- [13] *Планк М.* Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966. 288 с.
- [14] *Эйнштейн А.* Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собр. научн. тр. Т. 4. М., 1967. С. 136–140.
- [15] *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: КДУ, 2011. 350 с.
- [16] *Kramsch С.* Language and Culture. Oxford University Press, 1998.
- [17] *Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К.* Языковая картина мира как способ концептуализации действительности // Вестник БашГУ. 2011. Т. 16. № 3(1). С. 1002–1005.
- [18] *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- [19] *Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.
- [20] *Fatkullina F.G.* Typology of concepts in modern linguistics // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1 (15). С. 239–243.
- [21] *Wierzbicka А.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. 2-nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- [22] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.
- [23] *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
- [24] *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. 344 с.
- [25] *Кереньи К., Юнг К.Г.* Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. С. 11–210.
- [26] *Комарова З.И.* Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2016. 209 с.

© Фаткуллина Ф.Г., 2017

Благодарности и финансирование

Публикация подготовлена в рамках поддержанного ФФИ научного проекта № 17-04-00193.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.01.2017

Дата принятия к печати: 02.02.2017

Для цитирования:

Фаткуллина Ф.Г. Базовые понятия лингвокультурологического анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания».* 2017. Т. 15. № 2. С. 175—188.

Сведения об авторе:

Флюза Габдуллиновна Фаткуллина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, факультета башкирской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». *Сфера научных интересов:* семантика, русский язык, сопоставительная лингвокультурология, язык СМИ, лингвопрагматика. Автор более 250 научных публикаций. *Контактная информация:* fluzarus@rambler.ru

BASIC NOTIONS OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS

F.G. Fatkullina

Bashkir State University
Zaki Validi str., 32, Ufa, Russia, 450076

The article represents the attempt to consider and comprehend methodological and conceptual notions, the definition and selection of which faces every researcher in the process of linguistic and cultural analysis of a text. It focuses on such key concepts as language, culture, language personality, linguistic worldview, cultural specificity, cultural code, concept, conceptual sphere, mythologem, etc. Despite numerous studies devoted to these realia, some aspects still require clarification and additional theoretical reasoning. The aim of the research in the article is also the study of sociocultural and linguistic trends of the formation of the national linguistic identity in the framework of intercultural communication and the characteristic of the features of the linguistic worldview of an individual.

Based on the results of the study there is a conclusion that cultural linguistics is a scientific paradigm with a developed conceptual basis and definite categorical notion.

Key words: linguacultural studies, analysis, definition, language, culture, linguistic worldview, conceptual sphere, linguacultural concept

REFERENCES

- [1] Shaklein V.M. *Lingvokul'turologiya: tradicii i innovacii: monografiya.* M.: Flinta, 2012. 301 s. (In Russ.)
- [2] Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij.* M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. 208 c. (In Russ.)

- [3] Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya: monografiya*. M.: RUDN, 2014. 336 c. (In Russ.)
- [4] *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* / Gl. red. V.N. Yarceva. M.: Sov. ehnciklopediya, 1990. 685 s. (In Russ.)
- [5] Thorik V.I., Fanyan N.Yu. *Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikaciya: ucheb. posobie*. 2-e izd. M.: GIS, 2006. 260 s. (In Russ.)
- [6] Sepir E.H. *Status lingvistiki kak nauki // Sepir E.H. Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii. Perevody s anglijskogo pod redakciej i s predisloviem doktora filologicheskikh nauk prof. A.E. Kibrika*. 2-e izd. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001. S. 259–265. (In Russ.)
- [7] *Filosofskij slovar'* / pod red. I.T. Frolova. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1987. 592 s. (In Russ.)
- [8] Triandis G.K. *Nazvanie: Kul'tura i social'noe povedenie: ucheb. posobie / per. V.A. Sosnin*. M.: FORUM, 2007. 384 s. (In Russ.)
- [9] Ehko U. *Imya rozy. Detektiv. Vyp. 2*. M.: Knizhnaya palata, 1989. 496s. (In Russ.)
- [10] Hrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii: ucheb. posobie*. 4-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2008. 184 s. (In Russ.)
- [11] *Persidsko-russkij slovar': v 2-h t. Svyshe 60000 slov*. 3-e izd., stereotip. T. 1. Ot ĭ do ž. M.: Rus. yaz., 1985. 800 s. (In Russ.)
- [12] Zinov'eva E.I., Yurkov E.E. *Lingvokul'turologiya: uchebnik*. SPb.: Izd-vo «Osipov», 2006. 260 s. (In Russ.)
- [13] Plank M. *Edinstvo fizicheskoy kartiny mira*. M.: Nauka, 1966. 288 s. (In Russ.)
- [14] Ehjnshtejn A. *Vliyanie Maksvella na razvitie predstavlenij o fizicheskoy real'nosti // Sobranie nauchnyh trudov*. T. 4. M., 1967. S. 136–140. (In Russ.)
- [15] Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov: ucheb. posobie*. 3-e izd., ispr. M.: KDU, 2011. 350 s. (In Russ.)
- [16] Kramsch C. *Language and Culture*. Oxford University Press, 1998.
- [17] Fatkullina F.G., Sulejmanova A.K. *Yazykovaya kartina mira kak sposob konceptualizacii dejstvitel'nosti*. *Vestnik BashGU*. 2011. T. 16. № 3(1). S. 1002–1005. (In Russ.)
- [18] Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya*. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. 824 s. (In Russ.)
- [19] Arutyunova N.D. *Vvedenie // Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya*. M.: Nauka, 1993. S. 3–6. (In Russ.)
- [20] Fatkullina F.G. *Typology of concepts in modern linguistics // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 2015. № 1 (15). S. 239–243.
- [21] Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2-nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- [22] Popova Z.D., Sternin I.A. *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2000. 30 s. (In Russ.)
- [23] Teliya V.N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury / Otv. red. V.N. Teliya*. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 13–24. (In Russ.)
- [24] Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode / pod red. Vl. Rossel'sa*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 344 s. (In Russ.)
- [25] Keren'i K., Yung K.G. *Vvedenie v sushchnost' mifologii // Yung K.G. Dusha i mif: shest' arhetipov*. M., 1997. S. 11–210. (In Russ.)
- [26] Komarova Z.I. *Tekhnologiya nauchnyh issledovanij v sistemoj metodologii sovremennoj lingvistiki*. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2016. 209 s. (In Russ.)

Acknowledgements:

The article is written under the scientific project № 17-04-00193 supported by Russian Humanitarian Fund.

Article history:

Received: 15.01.2017

Accepted: 02.02.2017

For citation:

Fatkullina F.G. (2017) Basic notions of linguocultural analysis. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 175—188.

Bio Note:

Fatkullina Flyuza Gabdullinovna, doctor of philological Sciences, professor, head of the chair of Russian and comparative philology in the department of Bashkir Philology and journalism of the Bashkir State University. *Area of scientific interests*: semantics, Russian language, cultural linguistics, media language, linguapragmatics. The author of over 250 scientific publications. *Contact information*: fluzarus@rambler.ru



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-189-203

УДК 81'23-81'374

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОЙ КРЕОЛИЗОВАННОЙ КАРИКАТУРЕ

М.А. Белова

АНО ДО «Английская игровая школа»
Ленинский проспект, 87А, Москва, Россия, 119313

В данной статье рассмотрены проблемы выражения религиозных концептов посредством вербальных и иконических средств в текстах иронической модальности. Целью работы является определение связи компонентов религиозных креолизованных текстов с лингвокультурой народа. Актуальность исследования определяется частотностью таких текстов в СМИ и неоднозначностью их трактования как реципиентами, изучающими русский язык, так и носителями русской лингвокультуры. Использование невербальных средств дает реципиенту большую свободу для декодирования, что подчас приводит к крайне негативным последствиям. По всему миру разгораются скандалы, так или иначе связанные с карикатурами (по большей части, антиклерикальными). Росе Флемминг, редактор датской газеты «Юлландс-постен», в своей книге «Дело о карикатурах на пророка Мухаммеда» рассказывает, что «не мог представить масштабы будущего мирового кризиса, когда в сентябре 2005 года дал разрешение на публикацию...» [1] двенадцати рисунков мусульманского пророка. В 2005 году произошло еще более трагическое событие: расстрел издательства французской карикатурной газеты Charlie Hebdo и последовавшие за ним акции «за» и «против» творчества погибших авторов. Такая острота в свою очередь повышает научный интерес к данной области. Появляются все новые работы, посвященные изучению феномена карикатуры, описанию принципа ее воздействия на реципиентов, установлению норм этики и морали в данном жанре. Диахроническое описание особенностей вербального выражения иронии относительно элементов концептосферы «Религия» позволяет проследить изменение в мировоззрении носителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: креолизованный текст, религиозный концепт, концептосфера «Религия», карикатура, ироническая модальность, лингвокультурология, лингвоперсонология

Введение

Религиозная или антиклерикальная карикатура имеет свою историю и вес в обществе, о чем свидетельствует ряд исследований, проведенных во Франции, США и ряде других стран. В нашей стране данная тема не нашла пока своего детального изучения и представлена в отдельных работах по культурологии, искусствоведению и — в редких случаях — языкознанию. В данной статье предпринята попытка рассмотрения религиозного креолизованного текста с позиции лингвокультурологии текста.

Практическое и теоретическое значение исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется анализ качественного и количественного показателей реализации лингвокультурных универсалий в русской креолизованной карикатуре антиклерикального характера. Эти материалы могут быть использованы в курсах лингвокультурологии и в преподавании РКИ студентам продвинутого уровня.

Религиозные сюжеты имеют заведомо символический характер. Носитель той или иной лингвокультуры дешифрует их в зависимости от накопленного культурного опыта и от его субъективного отношения к церкви и религии в целом, которое формируется в том числе под влиянием сложившейся в стране социальной, политической и экономической ситуации. Таким образом, декодирование религиозных креолизованных текстов и их адекватное восприятие обуславливается у реципиентов (носителей одной лингвокультуры) сложившейся религиозной картиной мира. Отраженный в ней концепт вызывает в сознании реципиента ряд определенных ассоциаций.

На протяжении своей истории религиозные креолизованные тексты претерпели существенные изменения, как в плане изображения, так и в его связи с вербальным текстом. Первыми представителями этого жанра являются лубочные картинки с подписями. Как правило, они были лишены комического характера. К таким изображениям относятся календари месяцесловов, картинки на мотивы священных писаний, иллюстрации к книгам, стихам и притчам, изображения с текстами, порицающими социальные пороки, родословное древо, изображение святых с молитвами. Лубочные листки были дешевле икон и поэтому доступны более широкому кругу. Изучением лубочного искусства в наше время занимаются не только русские, но и иностранные ученые, ему посвящены научные работы и веб-сайты.

Карикатура как жанр политического дискурса рассмотрена в работе Е.А. Артемовой [2], А.Г. Алтунян [3]. Материалами всестороннего анализа карикатуры как культурного феномена послужили работы В.А. Верещагина [4], А.В. Швырова [5], Б.Е. Ефимова [6; 7], И.А. Стернина [8], А.Ю. Ватлина и Л.Н. Малашенко [9].

Карикатура в Европе становится преимущественно антиклерикальной в конце XIX века. В России этот переход случился несколько позже — в начале XX века [10]. Он был определен жесткой антирелигиозной политикой и развитием жанра карикатуры в целом. Традиция антиклерикальной карикатуры в нашей стране сохранилась и по сей день, но приобрели несколько иной характер. Такие изменения позволили автору условно разделить историю религиозных креолизованных текстов на три периода: XVIII — нач. XX веков (царская Русь), XX век (советская власть), кон. XX — нач. XXI веков (современная Россия). Автором были отобраны 40 примеров таких текстов (10 на первый период и по 15 на второй и третий).

Для анализа эволюции религиозного восприятия носителей русской лингвокультуры была предпринята попытка проследить за изменениями в частотном употреблении лексических единиц в текстах религиозного (антиклерикального) характера. Из предисловия к частотному словарю русского языка под редакцией Л.Н. Засориной [10] становится понятно, что наибольший удельный вес в корпусе русского языка составляют имена существительные, на основании чего вы-

борка религиозных и нерелигиозных концептов производилась только среди единиц данной части речи. Для удобства восприятия и группировки все единицы представлены в именительном падеже единственного числа.

Лингвокультурологический анализ отобранных лексических единиц проводился с опорой на труды Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [11; 12], А. Вежицкой [13], В.В. Воробьева [14], А.С. Мамонтова и П.В. Морослина [15], В.А. Масловой [16] и В.М. Шаклеина [17].

Для лингвоперсонологического анализа были рассмотрены, проанализированы последние исследования в данной области. Основные направления персонологии можно разделить на два течения, оба из которых имеют объектом человека, но язык как предмет исследования рассматривается с, казалось бы, полярных точек зрения. «Первое направление имеет солидную традицию в отечественной и зарубежной филологии, сюда относятся работы по описанию языка и стиля известных писателей и общественных деятелей, например, Катулла, В.И. Ленина, М. Тэтчер, Г. Киссинджера. В новом ключе эта тема исследований разрабатывается представителями Саратовской лингвистической школы (Кормилицына, 1996; Кочеткова, 1998; Сиротинина, 2003; Парсамова, 2004)» [18]. Такое течение является наиболее знакомым и привычным в языкознании и литературоведении. В арсенале лексикологов насчитывается огромное количество словарей различных писателей и поэтов. Второе направление имеет меньшую историю и заимствует сформированную терминологическую базу лингвокультурологии. Языковая личность рассматривалась в ряде лингвистических работ на материале русского языка, а также российскими учеными, но на материале иностранных языков, преимущественно английского, испанского, французского и немецкого. Наиболее обширный материал представлен в работах В.И. Карасика, О.А. Дмитриевой [19; 20]. В формирование данной области научного знания существенный вклад внесли более ранние исследования по лингвокультурологии, затрагивающие вопросы этноязыкового видения, например, работа В.М. Шаклеина [21].

Цель

Целью исследования было выявить и классифицировать основные вербальные средства выражения концептосферы «Религия», связанные с русской лингвокультурой в креолизованных карикатурах и объяснить их связь с иконическими средствами, в также роль в процессе создания эффекта иронии. Дополнительно была предпринята попытка проследить за изменениями модальности в выражении отношения к данному концепту с помощью диахронического подхода к организации материала.

Материалы и методы

Квантитативное исследование, направленные на определение показателей и средств выражения лингвокультурных типажей, проводились на материалах креолизованных карикатур антиклерикальной направленности. Материалом статьи стали креолизованные карикатуры, опубликованные в различных журналах, газетах, а также в глобальной сети Интернет. Методом сплошной выборки были

отобраны религиозные карикатуры из изданий XX и начала XXI веков, так как этот период представляет наиболее заметные изменения в политической и социокультурной ситуации, которые были запечатлены в жанре карикатуры. Такой выбор обусловлен также наиболее радикальными переменами в религиозном мировоззрении носителей русской лингвокультуры. Для более разностороннего сравнения и анализа в статье дополнительно рассмотрены прочие креолизованные и поликодовые жанры, такие как лубок и демотиватор. Всего в работе рассмотрено 72 единицы поликодовых текстов, из которых 62 определены как креолизованные.

Специфика отобранного материала обусловила использования методов интроспективного, понятийного, когнитивного, контекстологического, интерпретативного, квантитативного, а также непосредственно лингвокультурологического и лингвоперсонологического анализа.

Результаты

Результаты полученного исследования легли в основу анализа изменений, произошедших в иронических художественных жанрах за последние три столетия. Выводы, полученные в ходе данного анализа, подтверждают мысль А.В. Швырова о том, что «история карикатуры — это, в некотором роде, всемирная история в эпиграммах, история культуры, составленная по оригинальным современным документам» [5]. Подтверждение такого вывода могут служить аргументированные размышления В.М. Шаклеина: «Нередко лингвокультурологи говорят о несомненном авторском начале в политической карикатуре, а значит, ее образная система должна отражать индивидуальную интерпретацию событий. При этом большинство лингвокультурологов давно согласились, что эта интерпретация, бесспорно, несет на себе отпечаток национального коллективного сознания, и, следовательно, изучение политической карикатуры является значимым источником информации об общественном сознании» [26]. Можно предположить, что дальнейшее изучение антиклерикальной карикатуры с точки зрения ее связи с культурой народа поможет лучше понять силу влияния этого жанра на реципиентов, принадлежащих к разным этносам, и поможет избежать ряда дальнейших конфликтов на этой почве.

Обсуждение

Анализ собранного материала показал, что с изменением жанровых особенностей религиозного креолизованного текста, изменяется и предмет повествования. Более наглядно такое заключение иллюстрирует анализ изображений, относящихся к разным эпохам. На иллюстрации к притче о краже репы, изображенной С. Каликиной на настенном листе в 1905 г. (хранится в ГИМ) [22], передана сцена «Зеркала великого, глава 138», которая носит название «*Яко напрасно нам виновен бес бывает*». Ниже сцены — текст в 7 строк: «*Унекоего пустычника молитвою связан бысть бес, и стрежаше репу его. И некогда прииде человек к старцу репы... ради от своей мысли смущен бых, и абие простив отпусти его старец с репою, яко невиновен нам бес делом, но мыслию точию*».

Цель данного креолизованного текста — разоблачение человеческих пороков: воровства, лжи. Иконическая часть в свою очередь служит для иллюстрации событий, описанных в главе. Важно отметить, что стиль рисунка схож с православной иконой, однако сопровождается «вербальными» средствами: речью героя и комментарием под рамкой. Данный креолизованный текст не является ироническим, так как его цель не скрытое высмеивание порока, а прямое разоблачение его. Притча сочетает в себе элементы реального («человек», «пустынник» (см. «отшельник»), «репа», «кража») и мистическое («бес», «молитва»). Тенденция объединения в рамках креолизованных текстов этого времени лексических единиц, связанных с повседневной жизнью человека («вес», «гроздь», «дело», «жаба», «жезл», «жена», «змея», «кулак», «лоза», «мужик», «нога», «ребро», «репа», «силы», «сон», «человек», «число»), явлений природы («вода», «небо», «пламя», «река», «свет», «солнце») и духовной сферы объясняется их основной целью — объяснением поведения человека и явлений природы посредством Божьей воли.

Начало XX века отмечено в России радикальными политическими переменами. Органы государственной власти ликвидировали религиозные организации, осуществляли массовые аресты священнослужителей. Со временем была развернута пропаганда атеизма. Но многовековые устои не могли быть сломлены единовременно. Люди продолжали верить в Бога и ходить в церковь, подчас занимаясь при этом партийной работой. В журнале «Крокодил» 1960—1970-х годов вышел ряд статей и карикатур, отражающих двойственность религиозной ситуации в стране.

Частотность религиозных концептов в креолизованных текстах этого периода не претерпевает значительных изменений, за исключением появления концепта «атеист». Поднимаются вопросы не только православной религии, но и религий советских республик («мечеть»). В то время как нерелигиозные концепты открывают принципиально иную рему. Благодаря частотности лексических единиц с мелиоративной коннотацией («оковы», «слезы», «тьма», «тюрьма») в сознании реципиента складывается негативный образ религии. Церковь противопоставляется науке, образованию, культуре. Ключевые ремы, определяющие характер эпохи («заведующий», «клуб», «лектор», «лекция», «план», «общество», «работа», «распределение», «техника»), образуют пары ситуативных антонимов с религиозными концептами (церковь / клуб, Бог / общество распределения знаний, венчание / комсомольская свадьба). Комического эффекта авторы карикатур зачастую добиваются путем столкновения таких пар. Примером такой карикатуры может служить иллюстрация из журнала «Крокодил» автора А. Цветкова, опубликованная в номере 10 за 1969 год [23]. Иронический контраст данной карикатуры достигнут изображением очевидно скучной лекции по распространению знаний и удовлетворенностью ей прихожанки и попа. Представлена и прямая речь последнего: «Этого лектора нам господь бог послал, а не Общество по распределению знаний...» Любопытен тот факт, что «господь» и «бог» в тексте начинаются со строчных букв, а «Общество по распределению знаний» — с заглавной.

Либерализация, характерная для России конца XX века, и переход к рыночной экономике повлияли и на отношение к религии. В частотном словнике этого периода отмечается преобладание концептов, связанных с понятием «благо»

(«манна», «кошелек», «денежка»). Церковь рассматривается как звено в экономической системе, на что указывает наличие соответствующей лексики («акция», «бизнес», «взнос», «директор», «ЗАО», «курс», «экономика»). Русская православная церковь нередко заменяется аббревиатурой (РПЦ), что является приметой официально-делового стиля.

Карикатура М. Ларичева «Прогноз», опубликованная на Интернет-портале caricatura.ru в выпуске от 29.10.2008 года [24], объединяет образы офисного работника и ангела. Прогноз ангела приведен в виде прямой речи: «Одному Богу известно, какой курс акции будет завтра...» Иронический эффект в данной современной карикатуре экономической тематики и ряде креолизованных текстов того же периода достигается путем столкновения религиозных мотивов (образ ангела, фразеологизм «одному богу известно») и экономических реалий (образ работника офиса, «курс акций»).

Для определения религиозной картины мира на материале креолизованных текстов в определенном историческом периоде необходим комплексный анализ исторического контекста, частотного словника и принципов построения комического эффекта. Только благодаря сопоставлению этих данных можно отметить временные рамки частотного употребления того или иного концепта и изменение, получить исчерпывающую информацию о его восприятии реципиентом в определенный момент времени, проследить эволюцию взглядов на религию в зависимости от ситуации в стране (табл. 1).

Таблица 1

Период	Жанр (автор)	Частотный словник	
		Религиозные концепты	Нерелигиозные концепты
XVIII — нач. XX веков	Лубок, открытое письмо	Бес (3), душа (2), рай (2), Бог, дух, Инок, молитва, пророк, пустынный, Троица, Христос	Птица (3), репа (3), изоуст (2), мысль (2), слава (2), слезы (2), старец (2), благо, венец, вес, вода, вселенная, глава, глас, гроздь, дело, жаба, жезл, жена, зеркало, змея, кулак, лоза, луна, мужик, небо, нога, пламя, радость, ребро, река, свет, силы, сказание, солнце, сон, человек, число
XX век	Альбом («Азбука красноармейца» Д. Моор), карикатура (журнал «Крокодил» А. Елисеев, М. Скобелев, Х. Расулов, А. Цветков, С. Кузьмин, Е. Гуров, И. Семенов, А. Каневский, Е. Щукаев, А. Бордунис, М. Ушац, И. Сычев, Ю. Федоров) плакат Б. Резанов	Бог (3), господь (3), ангел (2), атеист, мечеть, поп, рай, религия	Клуб (4), лекция (4), план (4), день (3), заведующий (2), пропаганда (2), свадьба (2), бабуся, венчание, воля, выход, дети, деньги, директор, друзья, жите, знание, зренье, лекарство, лектор, место, молодые, обмен, общество, оковы, потоп, пункт, путь, работа, слезы, сын, распределение, ручей, техника, туфли, тьма, уголок, тема, тюрьма, чтение, чувяки
Кон. XX — нач. XXI веков	Карикатура (М. Ларичев, А. Меринов, Елкин, В. Полухин), демотиватор	Бог (2), собор (2), крест, манна, РПЦ, храм	Друзья (2), жизнь (2), кошелек (2), акция, бизнес, взнос, грех, денежка, директор, ЗАО, земля, климат, курс, объявление, потоп, починка, правда, ремонт, свечи, товарищ, экономика, shop

В рамках общей лингвокультурологии и в соответствии с ее основными критериями можно выделить одно течение, направленное непосредственно на изучение человека в рамках определенной языковой и культурной общности. Данная область знаний получила название лингвоперсонология. Предметом изучения лингвоперсонологии является человек в языке. При этом, как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, «поведение человека регулируется не только законами антропологии и общей психологии («поведение ребенка», «поведение мужчины», «женское поведение» и проч.), но и социальной семиотики («рыцарское», «монашеское», «богемное», «дворянское», «крестьянское» поведение), художественных категорий («романтическое поведение», «жизнестроительство» русских символистов) и стилей («благородное», «вульгарное», «низкое», «нейтральное» поведение)» [25].

Лингвоперсонология, как и лингвокультурология, является интегративной, междисциплинарной областью знания и включает в себя исследования лингвистики, литературоведения, психологии, социологии, антропологии, истории и культурологи. То есть, лингвоперсонологию можно рассматривать как область знаний, смежную с лингвокультурологией, изучающую представления носителей определенной лингвокультуры о том или ином собирательном антропологическом образе, с одной стороны, и также лингвистические модели, характерные для этого образа, с другой стороны.

Подчеркнутая социальная направленность карикатурного жанра подразумевает использования огромного количества стереотипных антропологических образов через призму их восприятия в определенной лингвокультуре. На основе данного понимания жанра видится обоснованным рассмотрение характерных черт выражения оценки того или иного типажа на примерах его реализации в карикатурах. Для рассмотрения в данной работе был выбран лингвокультурный типаж «православный священник», чаще носящий разговорное название «поп». Отношение к этому типуажу изменялось в конце XIX—XX веках так же радикально и стремительно, как и ко всей религии и вере в целом, что дало прекрасный лингвокультурный материал в диахронии. Сразу необходимо отметить, что рассмотрение гендерного и возрастного признака этого типажа не будет принято во внимание, так как имеет закрепленные в культуре показатели. Типаж представлен неизменно представителями мужского пола среднего и старшего возраста. Изменения этих показателей в заданном временном промежутке обнаружены не были.

По аналогии с алгоритмом, намеченным в работе М.Б. Ворошиловой, рассмотрение и анализ заявленного лингвокультурного типажа «поп» будет разделено на три стадии: анализ понятия и дефиниций, ассоциативный анализ, включающий характеристику «типичной внешности, одежды, каких-либо атрибутов, среды обитания, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуг, круга общения, материальное положение, этикета, происхождение, возраста» и их сопоставительная характеристика [26]. Следует сразу оговориться, что разговорная форма «поп» выбрана за основную неслучайно. Такой выбор обусловлен иронической интенцией жанра, предполагающей скорее сниженную форму, нежели даже нейтральную. Материалом для данного анализа стали двадцать креолизо-

ванных карикатур преимущественно из различных номеров журнала «Крокодил» XX века. Рубеж веков представлен десятью произведениями. Для сравнения были рассмотрены пять современных карикатур и два демотиватора в качестве примера продолжения традиций жанра.

На первом этапе анализа были рассмотрены определения, вышедшие в заданный исторический период. Словарь русского языка С.И. Ожегова дает два определения этой лексемы с пометой «разговорной». Во-первых, поп — «Православный священник». Во-вторых, «в игре в городки: вертикально поставленный городок». Автор приводит также ряд пословиц: «Каков поп, таков и приход», «У попа была собака» о бесконечном повторении и «Что ни поп, то батька» [27] о несущественности названия. Для уточнения культурного материала, повлиявшего на формирование лингвокультурного типажа, обратимся к словарю второй половины XIX века В.И. Даля, в котором собрано более пятидесяти поговорок и пословиц, имеющих в своем составе лексику поп. Наиболее примечательным кажется то, что концепт «деньги» встречается в этом списке трижды, и столько же раз упоминается образ черта или чертей. Такие особенности найдут свою реализацию в антиклерикальной карикатуре, как и пословица «сытому попу пояс не к сану», и «у попа не карманы, а мешки» [28]. Для сравнения с современными карикатурами, необходимо также привести современное определение из словаря Ефремовой: «(разг.) православный священник; (разг.) вертикально поставленный городок (рюха) в игре в городки». В этот период зафиксировано новое омонимичное значение: «начальная часть сложных слов, вносящая значения: популярный, массовый (поп- культура, поп-музыка, поп-мюзикл и т.п.)» [29].

Анализ характерных черт будет разделен на две составляющие: анализ иконической и вербальной частей. На двадцати изображениях авторами представлен двадцать образ священника, характерные атрибуты представлены в порядке убывания частотности их представления на двадцати одной карикатуре:

Атрибуты типажа: борода — 21, ряса — 20, длинные волосы — 17, наперсный крест — 14, среднее телосложение — 13, телосложение, крупнее среднего — 8, клобук (высокий прямоугольный головной убор) — 8, лысина — 4, скуфья (круглый головной убор) — 4, мантия — 3, длинная верхняя одежда — 2, пояс — 2, кадило в руке — 1.

Атрибуты окружения: икона — 5, храм или церковь (с элементами, характерными для убранства храма, церкви) — 9, купол — 9, крест — 8, мешок (чемодан, кошель, корзина), полные чего-либо — 6, свечи — 6, книга — 4, стакан / рюмка — 3, деньги (в том числе монеты) — 3, самовар — 2, собака — 2, бутылка — 1, вымя — 1, патефон — 1, капкан / ловушка — 1, газета — 2.

Прочие персонажи: пожилые женщины — 9, пожилые мужчины — 5, юноши и девушки — 4, священники других конфессий — 4, черти — 3, люди среднего возраста — 2, дети и младенцы — 2, работники ЗАГСа — 1, врачи/аптекари — 1, попадьи — 1, невеста — 1, танцующие — 1.

Рассматривая реализацию тех же атрибутов в 10 карикатурах рубежа эпох, на которых изображено двенадцать священников, видим следующие атрибуты. (Необходимо, однако, отметить, что половина примеров принадлежит одному автору, Вячеславу Полухину. Антиклерикальные мотивы — один из основных сюже-

тов творчества этого автора, относительно молодого карикатуриста, начинавшего свое творчество в журнале «Крокодил».)

Атрибуты типажа: ряса — 12, борода — 11, длинные волосы — 6, наперсный крест — 11, *панагия (отличительный нагрудный знак епископа)* — 6, среднее телосложение — 6, телосложение, крупнее среднего — 8, клобук (высокий прямоугольный головной убор) — 7, лысина — 1, скуфья (круглый головной убор) — 2, мантия — 3, кадило в руке — 1, длинная верхняя одежда — 0, пояс — 0.

Атрибуты окружения: икона — 0, храм или церковь (с элементами, характерными для убранства храма, церкви) — 4, купол (в одном образе — иносказательный атрибут самого типажа) — 8, крест — 8, мешок (чемодан, кошель, корзина), полные чего-либо — 0, свечи — 1, книга — 9 (2 из которых — «Житие святых»), стакан / рюмка — 1, деньги (в том числе монеты) — 0, самовар — 0, собака — 0, бутылка — 1, вымя — 0, патефон — 0, капкан / ловушка — 0, газета — 0, *автомобили (иномарки с проблесковым маяком, как символ власти)* — 2, *изобилие яств на столе* — 2, *стая птиц* — 2, *диктофон с микрофоном* — 2, *четки* — 2, *камера* — 1, *больничная койка* — 1, *трапезная* — 1.

Прочие персонажи: пожилые женщины — 5, пожилые мужчины — 0, юноши и девушки — 0, священники других конфессий — 0, черти — 0, люди среднего возраста — 0, дети и младенцы — 0, Иисус — 1, работники ЗАГСа — 0, врачи / аптекари — 2, попадьи — 0, невеста — 0, *личная охрана* — 4, *журналисты* — 2, *нищие* — 2, *сестры* — 2, *операторы* — 1, *пациенты* — 1.

Наиболее актуальные 5 карикатур были выбраны из числа последних опубликованных на сайте <http://caricatura.ru/subj/religion/> в разделе «Религия». В креолизованных текстах представлено 5 искомым типажей.

Атрибуты типажа: ряса — 5, борода — 5, длинные волосы — 3, наперсный крест — 3, панагия (отличительный нагрудный знак епископа) — 0, среднее телосложение — 2, телосложение, крупнее среднего — 3, клобук (высокий прямоугольный головной убор) — 3, лысина — 0, скуфья (круглый головной убор) — 2, мантия — 0, кадило в руке — 3, длинная верхняя одежда — 0, пояс — 1.

Атрибуты окружения: икона — 5, храм или церковь (с элементами, характерными для убранства храма, церкви) — 1, купол (в одном образе — иносказательный атрибут самого типажа) — 0, крест — 0, мешок (чемодан, кошель, корзина), полные чего-либо — 0, свечи — 0, книга — 1, стакан / рюмка — 0, деньги (в том числе монеты) — 0, самовар — 0, собака — 0, бутылка — 0, вымя — 0, патефон — 0, капкан / ловушка — 0, газета — 0, автомобили (иномарки с проблесковым маяком, как символ власти) — 0, изобилие яств на столе — 0, стая птиц — 0, диктофон с микрофоном — 0, четки — 0, камера — 0, больничная койка — 0, трапезная — 0, *нож* — 1, *портфель* — 1, *дорожный знак* — 1, *мобильный телефон* — 1, *шкаф* — 1, *рекламный штендер* — 1.

Прочие персонажи: пожилые женщины — 0, пожилые мужчины — 0, юноши и девушки — 0, священники других конфессий — 0, черти — 0, люди среднего возраста — 1, дети и младенцы — 0, Иисус — 1, работники ЗАГСа — 0, врачи / аптекари — 0, попадьи — 0, невеста — 0, личная охрана — 0, журналисты — 0, нищие — 0, сестры — 0, операторы — 0, пациенты — 0, вор — 1, грузчики — 2.

Анализ вербальной части представлен в виде использованного ранее словника, также разделенного на лексику, связанную непосредственно с религиозным концептом, и не связанную с ним. Жирным шрифтом выделены лексемы, принадлежащие непосредственно речи анализируемого типажа (табл. 2).

Таблица 2

Период	Жанр (автор)	Частотный словник	
		Религиозные концепты	Нерелигиозные концепты
XX век	Карикатуры (Б. Шкарбан, А. Цветков, А. Топилов, И. Сычев, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, М. Ушац, В. Воеводин, Л. Самойлов, А. Коневский, В. Горяев)	Бог (2), грех (2), Отче (2), Господь , крещение, мощи, приход , поп, проповедь, религия , смирение, храм, церковь	Агроном, брак, братья , выдоча, гараж , гимнастика , день, деньги, клиентура, комсомолка , кусок, лекарство, мужчина, мясо, обмен, пластинка, плата, приход , пункт, пути, регистрация, служба, собака, современность, таблица Менделеева , техника , тренировка
Конец XX — начало XXI веков	Карикатуры (А. Меринов, А. Пятков, В. Полухин, М. Ларичев)	Бог, житие (2), крест, молитва, РПЦ , святой, Христос	Жизнь (2), кошелек (2), божия коровка, дно, доктор, зубы , «Курск», мать, море , отношение, плач , поп-культура, пост, Россия, скрежет , Слово, хлеб
2015 год	Карикатуры, опубликованные на сайте http://caricatura.ru	Амвон , грех	Жизнь (2), кошелек (2) , акция, гражданин, дело, ДПС, ОМОН , пост

Внешний вид типажа не претерпел значительных изменений за последнее столетие. «Поп» в русской креолизованной карикатуре предстает перед реципиентом в рясе и соответствующем головном уборе, носит бороду, имеет цепь и крест. За последнее столетие отмечено укрупнение фигуры, а также незначительное уменьшение длины волос типажа. В одежде появилось больше знаков отличия, пропала мирская верхняя одежда, что делает типаж более представительным. Более частое использование образа кадила указывает на возвращение традиции освящения.

Окружение концепта меняется более радикально. Типаж все более отрывается от привычной среды: храма, церкви, дома, и приобретает более активную социальную жизнь. Вокруг типажа появляются уже не только пожилые прихожане, но и люди все новых профессий. Заметен переход от дословной иконической реализации пословицы «у попа не карманы, а мешки» к иносказательным средствам передачи роскоши.

Как отмечалось ранее, иронический эффект в карикатурах достигается путем соединения контекстно антонимичных концептов, связанных определенным качеством в силу ряда культурно-исторических, и социально обусловленных факторов. Если визуальная часть нацелена больше на узнаваемость типажа и формирование его окружения, противоположные образы обнаруживаются чаще в вербальном выражении. «Комсомолка, техника, агроном, регистрация брака, лекарства, гимнастика, таблица Менделеева, деньги» вступают в противоречие с типажом «поп» и его окружением в XX веке. На рубеже веков вследствие уже

отмеченного ранее перехода к рыночной экономике такой контраст сузился лишь до противопоставления с концептами «власть» и «деньги». В последние годы контраст лишь усиливается путем использования более ярких негативных образов, таких как нож. В вербальной части наблюдается снижение реализации религиозной концептосферы, и проникновение канцеляризм, таких как, например, аббревиатура.

Все эти изменения являются наглядным примером того, как меняется социальное представление одного типажа в разные исторические эпохи. Для определения дальнейших изменений жанра креолизованного иронического текста в заключение хотелось бы обратиться к анализу демотиватора [30].

Пример демотиватора характерен для современного общества высоких технологий и международных корпораций. Иконическая часть креолизованного текста представлена фотографией представителя анализируемого типажа с, казалось бы, нехарактерным для него мирским предметом роскоши — планшетным компьютером компании «Эпл». Линейка этой компании представлена брендами, имеющим в своем названии первую английскую букву «i», а далее без пробела название с заглавной буквы «P». Смысловая связь в данном демотиваторе прослеживается на графическом уровне: название типажа «поп» представлено по аналогии с названием в английской транслитерации и стилизовано под популярную марку.

Заключение

Анализ креолизованных текстов с иронической интенцией послужил основой ряда выводов о влиянии русской лингвокультуры на вербальные составляющие.

Несмотря на влияние личности автора на выбор художественных и вербальных средств карикатуры, расчет на широкую аудиторию и ироническая интенция предполагают определенную и предсказуемую реакцию реципиента.

Образы, использованные в карикатурах, понятны среднестатистическому носителю русской лингвокультуры, а связь данного образа с контрастным обусловлена актуальной исторической, социальной и культурной ситуацией.

Возможность создания иронии обусловлена наличием одинаковых фоновых знаний у реципиента и автора, с той целью, чтобы последний мог предсказать ассоциации, вызываемые произведением. Такая закономерность легла в основу выбора универсалии как наименования культурно обусловленной «узнаваемой» единицы.

Квантитативный и лингвокультурологический анализы произведений одной тематики должен быть разделен на две подгруппы: связанную и несвязанную с заданной концептосферой. Такой анализ помог проследить соотношенность элементов концептосферы с культурно обусловленными контрастными элементами. Сравнение ряда произведений одной тематики в хронологическом порядке помогло проследить отношение носителя лингвокультуры принадлежащего к социальной подгруппе, на которую рассчитано данное произведение, к искомому концепту (концептосфере).

Лингвоперсонологический анализ вербальных элементов антиклерикальных карикатур и карикатур, имеющих в составе лингвокультурный типаж «поп», вы-

явил различия в их связи с другими концептами с изменением исторической эпохи. На таком примере удалось проследить изменение в религиозной картине мира носителя русской лингвокультуры XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Флеминг Р.* Дело о «карикатурах на пророка Мухаммеда» // ВHV. 2012. 512 с.
- [2] *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 175 с.
- [3] *Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов: учеб. пособие. М.: Логос, 2006. 384 с.
- [4] *Верещагин В.А.* Русская карикатура: в 3 т. Репринтное издание 1911—1913 гг. СПб.: Альфарет, 2012.
- [5] *Швыров А.В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней: составлена по новейшим исследованиям А.В. Швыровым: История карикатуры в России написана С.С. Трубачевым. С.-Петербург: типография П.Ф. Пантелеева, 1903 (обл. 1904). 404 с.
- [6] *Ефимов Б.Е.* Основы понимания карикатуры. М.: Советский художник, 1961. 70 с.
- [7] *Ефимов Б.Е.* Детям о карикатуре и карикатуристах. М.: Советский художник, 1976. 190 с.
- [8] *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 138 с.
- [9] *Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 143 с.
- [10] *Засорина Л.Н.* (ред.). Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
- [11] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- [12] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- [13] *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- [14] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [15] *Мамонтов А.С., Морослин П.В.* Лингвокультурные проблемы перевода рекламных текстов в аспекте профессионально-ориентированного обучения // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы. Сб. научн. тр. по материалам 4-й Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию РУДН. М.: РУДН, 2009. С. 364—366.
- [16] *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 296 с.
- [17] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
- [18] *Карасик В.И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- [19] *Карасик В.И.* Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004. С. 48—50.
- [20] *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5—25.
- [21] *Шаклеин В.М.* Этноязыковое видение как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник Москов. Ун-та. Сер. 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2000. № 1. С. 73—88.
- [22] *Каликина С.* Иллюстрация к притче о краже репы из «Великого зеркала» // Настенный лист (ГИМ), 1905. URL: <http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Файл:Великоезерцало3.png>
- [23] *Цветков А.* Карикатура // Крокодил. 1969. № 10. С. 18.

- [24] *Ларичев М.* Карикатура «Прогнозы» // Online каталог современных российских художников-карикатуристов. Выпуск от 29.10.2008. URL: <http://daomail.ru/letter/?lid=22461&view=html>
- [25] *Лотман Ю.М.* Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Самознание России: антология. Вып. 2. Философские рефлексии. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 220—225.
- [26] *Ворошилова М.Б.* Лингвокультурный типаж рокера: ассоциативные признаки // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 44—52.
- [27] Словарь Ожегова (Интернет-ресурс). URL: <http://www.ozhegov.org/words/15236.shtml>
- [28] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. СПб., 1863—1866.
- [29] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
- [30] Демотиватор. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4421202/post287074471>

© Белова М.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.11.2016

Дата принятия к печати: 22.01.2016

Для цитирования:

Белова М.А. Лингвокультурологический и лингвоперсонологический анализ реализации религиозных концептов в русской креолизованной карикатуре // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 189—203.

Сведения об авторе:

Белова Мария Александровна, методист-преподаватель, АНО ДО «Английская игровая школа». *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, когнитивная лингвистика, креолизованные тексты, средства выражения иронии. По данной теме опубликовано 9 научных статей. *Контактная информация:* bmarbel@gmail.com

LINGUACULTURAL AND LINGUAPERSONAL ANALYSIS OF RELIGIOUS CONCEPTS IMPLEMENTATIONS IN RUSSIAN CREOLISED CARTOONS

Maria Belova

English Playschool Moscow
Leninskiy prospect, 87A, Moscow, Russia, 119313

The article attempts to cover problems of religious concepts implementation by verbal and iconic symbols in ironic texts. The paper is devoted to definition of the correlation between the components of religious creolised texts and national linguaculture. Relevance of a research is defined by a rate of such texts in media and ambiguity of their misinterpretation both by the recipients learning Russian and Russian natives. The use of nonverbal sources gives to the recipient more freedom for decoding

that sometimes leads to negative consequences. Worldwide scandals anyhow related to caricatures (mostly, anticlerical) became more frequent. To Rosse Flemming, the editor of the Danish newspaper “Jyllands-Posten”, in the book “Case of caricatures of the prophet Muhammad” tells that he couldn’t imagine the role of future world crisis when in September, 2005 granted he gave his permission for the publishing twelve cartoons of the Muslim prophet [1]. In 2005 even more tragic event took place in Paris. Shooting at publishing house of the French comical newspaper of Charlie Hebdo was followed by lots of pros and cons of creativity of the killed authors. Such sharpness increases scientific interest to this area. There is a range of new papers devoted to studying of a phenomenon of a caricature, the description of the principle of its impact on recipients, setting standards of ethics and morals in the genre. The diachronic description of verbal representors of a concept of religion that express irony allows tracking changes in the modality of Russian natives.

Key words: creolised text, religious concept, sphere of concepts “Religion”, caricature, ironical modality, linguacultural and linguapersonal studies

REFERENCES

- [1] Flemming R. *Delo o «karikaturah na proroka Muhammeda»* // BHV. 2012. 512 p. (In Russ.)
- [2] Artemova E.A. *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa*: diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2002. 175 p. (In Russ.)
- [3] Altunyan A.G. *Analiz politicheskikh tekstov*: ucheb. posobie. Moscow: Logos, 2006. 384 p. (In Russ.)
- [4] Vereshchagin V.A. *Russkaya karikatura: v 3 t.* Reprintnoe izdanie 1911—1913. SPb.: Al’faret, 2012. (In Russ.)
- [5] Shvyrov A.V. *Ilyustrirovannaya istoriya karikatury s drevnejshih vremen do nashih dnei*: sostavlena po novejsim issledovaniyam A.V. Shvyrovym: *Istoriya karikatury v Rossii* napisana S.S. Trubachevym. S.-Peterburg: tipografiya P.F. Panteleeva, 1903 (1904). 404 p. (In Russ.)
- [6] Efimov B.E. *Osnovy ponimaniya karikatury*. M., 1961. 70 p. (In Russ.)
- [7] Efimov B.E. *Detyam o karikature i karikaturistah*. M.: Prosveshchenie, 1976. 190 p. (In Russ.)
- [8] Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985. 138 p. (In Russ.)
- [9] Vatlin A.Y., Malashenko L.N. *Istoriya VKP(b) v portretah i karikaturah ee vozhdjev*. M.: «Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2007. 143 p. (In Russ.)
- [10] Zazorina L.N. (red.). *Chastotnyj slovar’ russkogo yazyka*. M.: Russkij yazyk, 1977. 936 p. (In Russ.)
- [11] Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova*. M.: Russkij yazyk, 1980. 320 p. (In Russ.)
- [12] Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul’tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. M.: Russkij yazyk, 1990. 246 p. (In Russ.)
- [13] Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul’tura. Poznanie* / Translated from English, chief editor M.A. Krongauz, introduction by E.V. Paduchevoj. M.: Pusskie slovni, 1996. 416 p. (In Russ.)
- [14] Vorob’ev V.V. *Lingvokul’turologiya*: ucheb. posobie. M.: Izdatel’stvo RUDN, 2006. (In Russ.)
- [15] Mamontov A.S., Moroslin P.V. *Lingvokul’turnye problemy perevoda reklamnyh tekstov v aspekte professional’no-orientirovannogo obucheniya* // Professional’no-orientirovannyj perevod: real’nost’ i perspektivy. Sb. nauchnyh trudov po materialam 4-oj Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferentsii, posvyashchennoj 50-letiyu RUDN. M.: RUDN, 2009. P. 364—366. (In Russ.)
- [16] Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku*: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2011. 296 p. (In Russ.)
- [17] Shaklein V.M. *Lingvokul’turologiya: traditsii i innovatsii*: monografiya. M.: Flinta, 2012. 301 p. (In Russ.)
- [18] Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi*. M.: Gnozis, 2009. 406 p. (In Russ.)
- [19] Karasik V.I. *Kommunikativnyj tipazh: aspekty izucheniya* // Aksiologicheskaya lingvistika: problemy i perspektivy. Volgograd, 2004. P. 48—50. (In Russ.)

- [20] Karasik V.I., Dmitrieva O.A. *Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr. / ed. by V.I. Karasika. Volgograd: Paradigma, 2005. P. 5–25. (In Russ.)
- [21] Shaklein V.M. *Etnoyazykovoje videnie kak sostavlyayushchaya lingvokul'turnoj situatsii* // Vestnik Moskov. Un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2000. № 1. P. 73–88. (In Russ.)
- [22] Kalikina S. *Illustration to a telling about a theft of a turnip from «Old Testament»* // Nastennyj list (GIM), 1905 URL: <http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Fajl:Velikoe-zercalo3.png>
- [23] Cvetkov A. *Cartoon* // Journal «Krokodil». 1969. No. 10. P. 18.
- [24] Larichev M. *Cartoon «Prognozy»* // Online katalog sovremennyh rossijskih hudozhnikov-karikaturistov. Vypusk ot 29.10.2008. URL: <http://daomail.ru/letter/?lid=22461&view=html>
- [25] Lotman Yu.M. *Bytovoe povedenie i tipologiya kul'tury v Rossii XVIII v.* // Samosoznanie Rossii: Antologiya. Vyp. 2. Filosofskie refleksii. M.: INION RAN, 2000. P. 220–225. (In Russ.)
- [26] Voroshilova M.B. *Lingvokul'turnyj tipazh rokera: assotsiativnye priznaki* // Lingvokul'turologiya. Vyp. 1. Ekaterinburg, 2007. P. 44–52. (In Russ.)
- [27] *Slovar' Ozhegova* (Internet-resurs) URL: <http://www.ozhegov.org/words/15236.shtml> (In Russ.)
- [28] Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4. SPb., 1863–1866.* (In Russ.)
- [29] Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj.* M.: Russkij yazyk, 2000. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (In Russ.)
- [30] Demotivator. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4421202/post287074471>

Article history:

Received: 18.11.2016

Accepted: 22.01.2017

For citation:

Belova M.A. (2017) Linguacultural and linguapersonal analysis of religious concepts implementations in Russians creolised cartoons. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 189–203.

Bio Note:

Belova Maria, methodologist-teacher, English playschool Moscow. *Research interests:* linguaculture, cognitive linguistics, creolised texts, sources of irony implication. 9 articles published. *Contact information:* 6marbel@gmail.com



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214

УДК 81:39

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет
Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия, 394018

В статье рассматриваются различные варианты лексикографического описания психолингвистического значения.

Цель лексикографического описания психолингвистического значения — представить полученное экспериментально психолингвистическое значение слова в словарной форме, отражающей ядерные и периферийные семантические компоненты слова, удобной для пользования рядовыми носителями языка.

В статье использованы результаты ассоциативных экспериментов разных типов. Обработка результатов исследования осуществлялась методом семантической интерпретации результатов психолингвистических исследований.

Исследование показало, что могут быть предложены разные варианты лексикографического описания психолингвистического значения слова. Эти варианты различаются по объему и структуре словарной дефиниции, детальности описания семантики.

Вариант 1 — значения приводятся в кратких формулировках с последующим полным семным описанием в виде связной дефиниции с указанием индекса яркости (далее ИЯ) каждой семы.

Вариант 2 — интегрируются результаты нескольких типов ассоциативных экспериментов, и формулируется интегрированное значение. Лексикографическое значение приводится в сокращенном виде, полное семное описание приводится факультативно.

Вариант 3 — сокращенный вариант интегрированного лексикографического описания психолингвистического значения, включающий семантические компоненты с индексом яркости 0,01 и выше, без коннотативной и функциональной характеристики. Периферийные компоненты с ИЯ менее 0,01 приводятся списком как справочный раздел дефиниции.

При ограниченности объема словаря предпочтительнее сокращенные варианты описания, при возможности более развернутого описания — словарные статьи с включением всех семантических компонентов — как ядерных, так и периферийных, так как это значительно повышает информативность лексикографического издания.

В любом случае необходимо включать в дефиницию индекс яркости каждого семантического компонента в языковом сознании носителя языка и располагать значения в структуре словарной статьи по убыванию их совокупного индекса яркости.

Лексикографическая фиксация результатов описания психолингвистических значений дает возможность отразить реальное состояние языкового сознания носителей языка и сформировать информационную базу для описания обыденного языкового сознания.

Перспективным представляется последовательное сопоставление психолингвистических словарных статей и словарных статей традиционных толковых словарей, которое позволит зафиксировать семантическое развитие исследуемых слов в современном языковом сознании.

Ключевые слова: психолингвистика, значение, психолингвистическое значение, лексикография, лексикографическая фиксация

Введение

Понятие психолингвистического значения слова было рассмотрено автором ранее [1]. В данной статье рассматривается проблема лексикографической фиксации психолингвистического значения.

Цель лексикографического описания психолингвистического значения — представить полученное экспериментально психолингвистическое описание семантики слова в словарной форме, удобной для использования рядовыми носителями языка. Такая словарная статья призвана послужить своего рода справочным пособием для носителя языка, отражающим ядерные и многочисленные периферийные семантические компоненты слова, реально представленные в современном языковом сознании.

Цель

Цель статьи — рассмотреть возможные варианты лексикографического представления психолингвистического значения.

Методы и материалы исследования

Используются психолингвистические методы исследования значения — свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, метод субъективной дефиниции [2].

Результаты исследования обработаны методом семантической интерпретации результатов психолингвистических исследований [3].

Результаты

Исследование показало, что могут быть предложены разные варианты лексикографического описания психолингвистического значения слова. Эти варианты различаются по объему и структуре словарной дефиниции, детальности описания семантики.

Вариант 1.

Значения приводятся в кратких формулировках (для того, чтобы можно было называть, кратко упоминать значение в ходе его описания или обсуждения) с последующим полным семным описанием.

Затем в словарной дефиниции приводятся все семы значения, по возможности в виде связной дефиниции с указанием индекса яркости каждой семы.

Определяется индекс яркости семы, вычисляемый как отношение количества ИИ, актуализировавших в экспериментах определенную сему, к общему числу ИИ (далее испытуемые), принявших участие в эксперименте. Индексы яркости семантических компонентов, оценочные и эмоциональные признаки приводятся в относительных цифрах, в виде десятичной дроби. Чем ближе десятичный индекс яркости к единице, тем ярче соответствующий признак в языковом сознании носителей языка.

Данный вариант описания удобен для сопоставительного описания значений — гендерных, возрастных, региональных, социальных и т.п., для сопостав-

ления семантики слова в межъязыковом аспекте. Поскольку разные группы испытуемых могут различаться количественно, именно относительная характеристика того или иного семантического компонента или признака значения позволит сопоставить групповые значения и семантические компоненты.

Описывается столько значений, сколько разных денотатов выявлено в процессе эксперимента.

Оценочные компоненты приводятся отдельным разделом. Функциональные признаки указываются, если они отражают отклонение от нормы, в форме перечисления.

Перед описанием психолингвистического значения приводится ассоциативное поле стимула.

Подобное описание будет иметь следующий вид.

Психолингвистическое семное описание

БЛОНДИНКА

100 ИИ, 3 отказа

Ассоциативное поле стимула

Блондинка 100: девушка 18; дура 12; тупая 9; брюнетка, глупая 5; крашенная, цвет волос 3; в шоколаде, девушки, красивая, с грудью, светлые волосы, умная 2; анекдот, белая, белочка, блондинка, в розовом, глупость, девушка с белыми волосами, девушка со светлыми волосами, женщина, женщина с белыми волосами, красавица, красotka, крашенная женщина, кукла, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, светлая, Складнев, Собчак, состояние души, удовольствие, «умная», хитрая, человек, шатенка, я 1 (блондинка про себя); 97, отказ 3.

1. Глупая 31, светловолосая 13, красивая 6, девушка 20

Красивая 0,06, глупая 0,31, светловолосая 0,17, девушка 0,20 или женщина 0,02, ездит на машинах, умная 0,02, хитрая, любит розовый цвет, вызывает положительные эмоции, героиня анекдотов, например, Мэрилин Монро, Собчак 0,01, я 0,01; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 0,02, героиня рассказов Л. Складнева 0,01, «блондинка — это состояние души» 0,01.

СИЯ¹ 90.

Неоценочное — 0,51, положительно-оценочное — 0,08, отрицательно-оценочное — 0,32.

Неэмоциональное — 0,66, положительно-эмоциональное — 0,03, отрицательно-эмоциональное — 0,22.

Новое, неполиткорректное, ироническое.

Примеры употребления:

Ты что, блондинка — простого вопроса не понимаешь? Включила блондинку. Задать сложные вопросы ей как блондинке было бесполезно.

¹ СИЯ — совокупный индекс яркости. Вычисляется как сумма индексов яркости всех сем, образующих значение слова. Характеризует относительную яркость данного значения в языковом сознании.

2. Девушка, женщина со светлыми волосами.

Светловолосая 0,17, девушка 0,20 или женщина 0,02, обычно красящая волосы 0,04; телевизионная передача «Блондинка в шоколаде» 0,02, героиня рассказов Л. Скляднева 0,01.

СИЯ 46.

Неоценочное — 46, положительно-оценочное — 0, отрицательно-оценочное — 0; неэмоциональное — 46, отрицательно-эмоциональное — 0, положительно-эмоциональное — 0.

Примеры употребления. *Она была стройной блондинкой. Это такая же высокая, нежная и холодная красавица блондинка (Калмыков, видно, признавал только один тип женской красоты).*

Не интерпретировано 1 (блондинка).

СИЯ позволяет определить, какое значение основное, а какое периферийное для современного языкового сознания. СИЯ первого значения в 2 раза выше, чем второго, поэтому первое значение явно является для современного языкового сознания основным и его следует ставить в словаре первым.

Количественные показатели, выраженные в десятичных дробях, дают удобную возможность сопоставления значений и отдельных сем по яркости при различном количестве испытуемых и разном количестве ассоциаций, актуализирующих то или иное значение.

Вариант 2.

В этом случае объединяются результаты нескольких типов ассоциативных экспериментов, и формулируется интегрированное значение. Психолингвистическое значение приводится в сокращенном виде, в опоре на самые яркие семы, набор которых определяется лексикографом. Полное описание приводится факультативно, оно может не приводиться при ограниченности места.

Приведем пример подобного лексикографического описания психолингвистического значения слова *мент*.

Было проведено 2 направленных ассоциативных эксперимента — мент — какой? мент — что делает? По каждому эксперименту опрошено 100 испытуемых. Результаты обоих экспериментов объединены в обобщенное описание. Полученные ассоциации обрабатывались методом семантической интерпретации, т.е. переформулировались как компоненты значения — семы, сходные по семантике реакции объединялись в одну, а частотность их суммировалась.

Словарная дефиниция строится с учетом выявления в материалах эксперимента разных значений анализируемого слова. В эксперименте выделились два значения слова *мент* — неоценочное и оценочное. Внутри дефиниции семы располагаются по принципу убывания частотности их актуализации в эксперименте (в абсолютных цифрах), что позволяет выявить ядерные и периферийные компоненты значения. Описывается денотативное содержание слова, оценочный компонент и стилистическая характеристика. Коннотация и стилистическая характеристика приводятся в краткой словарной дефиниции. Если эти компоненты вариативны, они приводятся через «или».

После словарной дефиниции приводится список сем данного значения по убыванию. Этот список может и не приводиться в целях экономии места в словаре.

МЕНТ

(200 ИИ)

Ассоциативное поле

Мент 200 — сотрудник милиции 37, берет взятки 36, поганый 35, вымогает, наглый 20, пользуется служебным положением 17, толстый 16, хам 14, жадный, непорядочный, высокомерный 12, бьет, придирается по мелочам 9, злой, нахал 8, нарушает закон, превышает полномочия, тормозит машины, хитрый 7, козел 6, не пользуется уважением, самоуверенный в форме, тупой, подлый 4, крышует 3, вредный, грубый, издевается, ищущий выгоды, наказывает, необразованный, обманывает, пьяный ездит за рулем, работает на себя, серьезный 2 ведомый, ворует, вынюхивает, бандит, богатый, бухает, бюрократ, гнилой, делает вид, что выполняет свои служебные обязанности, движется по служебной лестнице, делает вид, что ловит преступников, деловитый, ест, заигрывает, использует бесконтрольно оружие, иногда работает, курит, много пьет алкоголя, мошенничает, может пытаться задержанных, ничего не делает, не трогает виновных, не следит за порядком, наезжает, неодобрительный, неправомерно берет штрафы, не знает законов, непредсказуемый, неприятный, не стремится раскрывать дела, несправедливый, неправильный, недисциплинированный, некультурный, о людях не думает, очень разный, охранник, обижает невиновных, пьяный, подставляет, постоянно чего-то требует, пользуется, при погонах, пытается угодить начальнику, ругает, спит, ухмыляется, человеконенавистный 1.

Психолингвистические значения

1. Сотрудник милиции. То же, что милиционер. Преимущественно неог. или одобрительно. Сленг или разговорный. *Не могли его успокоить, ментов пришлось вызывать.*

Сотрудник милиции 37, охраняет общественный порядок 12, контролирует 9, допрашивает 5, задерживает, строгий — 4, патрулирует, штрафует 4, добрый 3, арестовывает, нормальный, стоит на посту, составляет протоколы, образованный, порядочный, работает, хороший, честный 2, в той или иной степени обеспечивает покой, взрослый, дисциплинированный, ищет, немногословный, настойчивый, начальник, опрятный, отзывчивый, отдает честь, регулирует движение, раскрывает преступления, в серой форме, свистит, опытный, с оружием, справедливый, суровый, сильный, с маленькой зарплатой, умный 1.

2. Сотрудник милиции, непорядочный, пользуется служебным положением, берет взятки и вымогает деньги, наглый, толстый, жадный, высокомерный. Неодобрительно, презрительно или пренебрежительно. Сленг. *Ничему хорошему от общения с ментами ты не научишься.*

Семы совпадают по ассоциации.

Сотрудник милиции 37, берет взятки 36, поганый 35, вымогает, наглый 20, пользуется служебным положением 17, толстый 16, хам 14, жадный, непорядоч-

ный, высокомерный 12, бьет, придирается по мелочам 9, злой, нахал 8, нарушает закон, превышает полномочия, тормозит машины, хитрый 7, козел 6, не пользуется уважением, самоуверенный в форме, тупой, подлый 4, крышует 3, вредный, грубый, издевается, ищущий выгоды, наказывает, необразованный, обманывает, пьяный ездит за рулем, работает на себя, серьезный 2 ведомый, ворует, вынюхивает, бандит, богатый, бухает, бюрократ, гнилой, делает вид, что выполняет свои служебные обязанности, движется по служебной лестнице, делает вид, что ловит преступников, деловитый, ест, заигрывает, использует бесконтрольно оружие, иногда работает, курит, много пьет алкоголя, мошенничает, может пытаться задержанных, ничего не делает, не трогает виновных, не следит за порядком, наезжает, неодобрительный, неправомерно берет штрафы, не знает законов, непредсказуемый, неприятный, не стремится раскрывать дела, несправедливый, неправильный, недисциплинированный, некультурный, о людях не думает, очень разный, охранник, обижает невиновных, пьяный, подставляет, постоянно чего-то требует, пользуется, при погонах, пытается угодить начальнику, ругает, спит, хмыляется, человеконенавистный 1.

Вариант 3.

Сокращенный вариант интегрированного психолингвистического описания лексикографического описания, включающий семантические компоненты с ИЯ 0,01 и выше. Сокращение описания основано на количественном критерии. Принимается, что компоненты с ИЯ менее 0,01, не поддающиеся в процессе семантической интерпретации обобщению в другие семантические компоненты, являются несущественными для семантики слова. Они могут быть приведены списком как справочный раздел дефиниции. Коннотация и функциональная характеристика не приводятся, они должны быть восприняты читателем из содержания словарной дефиниции.

Пример описания: слово *женщина*. Интегрируются результаты направленного, свободного ассоциативного эксперимента и результаты, полученные методом субъективной дефиниции [4. С. 111–113].

ЖЕНЩИНА

750

Интегрированные психолингвистические значения

1. Лицо, противоположное по полу мужчине.

Лицо 0,04, противоположное по полу мужчине 0,17, воспитывает детей 0,04, рождает детей 0,03, вскармливает грудью 0,02.

СИЯ 0,30.

Сейчас в Россию прибывают беженцы из Донецкой и Луганской областей. Это в основном женщины и дети.

2. Лицо женского пола как носитель типичных черт.

Лицо женского пола 0,01 красивая 0,23, умная 0,04, добрая 0,03, нежная 0,02, воплощение женского начала 0,01, ей дарят цветы 0,01, слабая 0,01, великолепная 0,01, элегантная 0,01, заботливая 0,01, разговорчивая 0,01, глупая 0,01, неадекватная 0,01, непостоянная 0,01, инфантильная 0,01, любопытная 0,01, полная 0,01.

СИЯ 0,47.

Менее 0,01: *сильная, святая, душевная, создает проблемы, имеет красивые ноги, изящная, добрая, скромная, приветливая, вызывает к себе жалость, склонна проявлять жалость, разговорчивая, любит ходить по магазинам, ласковая, легкомысленная, со вкусом, роковая, ее поздравляют с 8 марта, ходит в платке, в платье, в туфлях носит ленту в волосах, высокая, длинные волосы, стройная, это роль.*

С чуткостью женщины она оказала ему помощь как раз вовремя.

3. Спутница жизни мужчины.

Лицо женского пола 0,01, спутница жизни мужчины 0,09 любима мужчиной 0,03, не имеет мужчины 0,02, управляет мужчиной 0,01.

СИЯ 0,16.

Менее 0,01: *любит мужчину, содержится женщиной, подчиняется мужчине.*

Все знали, что это была женщина главного криминального авторитета, поэтому она могла себе позволить все.

4. Взрослое лицо женского пола.

Лицо женского пола 0,01, взрослая 0,01.

СИЯ 0,02.

Последний раз я видел ее на школьном выпускном, теперь же передо мной стояла незнакомая женщина, в которой я не мог узнать той красивой и стройной девушки, в которую был влюблен.

5. Хозяйка.

Лицо женского пола 0,01, хозяйка 0,01, носит сумки 0,01, много работает 0,01.

СИЯ 0,04.

Менее 0,01: *с веником, находится дома, готовит пироги.*

Ему надо в дом женщину, совсем запустил себя и свое жилище.

В его квартире не было видно руки женщины.

6. Любовница.

Лицо женского пола 0,01, сексуальный партнер мужчины 0,01.

СИЯ 0,02.

Менее 0,01: *обольщает мужчину, страстная, желанная.*

Надо найти ему женщину, и он успокоится.

7. Лицо женского пола легкого поведения.

Лицо женского пола 0,01, проститутка 0,01.

СИЯ 0,02.

Тратиться на женщин.

8. Женская прислуга.

Лицо женского пола 0,01.

СИЯ 0,01.

Менее 0,01: *трудится, помогает дома.*

Взять в дом женщину.

9. Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, состоящее или состоявшее в браке.

Лицо женского пола 0,01, жена 0,01.

СИЯ 0,02.

Менее 0,01: *замужем*

Она уже давно женщина.

Представление в словарной статье лексемы *женщина* с учетом яркости отдельных значений, описанных ранее (по убыванию совокупного индекса яркости) будет иметь следующий вид:

Женщина 1. Лицо женского пола как носитель типичных черт — СИЯ 0,47. 2. Лицо, противоположное по полу мужчине — СИЯ 0,30. 3. Спутница жизни мужчины — СИЯ 0,16. 4. Хозяйка — СИЯ 0,04. 5. Любовница — СИЯ 0,02. 6. Лицо женского пола легкого поведения — 0,02. 7. Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, состоящее или состоявшее в браке — СИЯ 0,02. 8. Женская прислуга — СИЯ 0,01.

Обсуждение

Возможны и другие варианты лексикографического описания психолингвистических значений, в том числе комбинация вариантов. Выбор варианта для определенного психолингвистического словаря зависит от целей, которые ставит лексикограф, и возможностей, связанных с предполагаемым объемом словаря.

Если целью является максимально полное описание языкового сознания, необходим максимально полный вариант описания психолингвистического значения. Если цель — зафиксировать актуальные для современного языкового сознания значения лексических единиц, то могут использоваться сокращенные варианты описания.

При ограниченности объема словаря предпочтительнее сокращенные варианты описания, при возможности более развернутого описания предпочтительны словарные статьи с включением всех семантических компонентов — как ядерных, так и периферийных, а также коннотативных и функциональных компонентов, так как это значительно повышает информативность лексикографического издания.

В любом случае целесообразно указывать совокупный индекс яркости каждой семы, а также учитывать совокупный индекс яркости каждого отдельного значения, и в условиях многозначности лексемы располагать в структуре словарной статьи значения по убыванию совокупного индекса их яркости в языковом сознании носителя языка.

Заключение

Лексикографическая фиксация результатов описания психолингвистических значений дает возможность зафиксировать реальное состояние языкового сознания носителей языка и сформировать информационную базу для описания обыденного языкового сознания.

Перспективным представляется последовательное сопоставление психолингвистических словарных статей и обычных словарных статей традиционных толковых словарей, которое позволит зафиксировать семантическое развитие исследуемых слов в современном языковом сознании и пополнит представления лингвистов о реальном значении слова как феномена языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 1. С. 5—13.
- [2] Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
- [3] Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография. Воронеж: Истоки, 2014. 180 с.
- [4] Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: «Истоки», 2016. 158 с.

© Стернин И.А., 2017

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)».

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.01.2017

Дата принятия к печати: 31.01.2017

Для цитирования:

Стернин И.А. Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 2. С. 204—214.

Сведения об авторе:

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Область научных интересов: теория языка, когнитивная лингвистика, семантика, риторика, психолингвистика. Автор более 1400 научных публикаций. Контактная информация: sterninia@mail.ru

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF THE WORD

I.A. Sternin

Voronezh State University
University Square, 1, Voronezh, Russia, 394018

This article discusses the various variants of lexicographical description of psycholinguistic meaning. The purpose of lexicographical description of psycholinguistic meaning is to present experimentally obtained psycholinguistic description of the semantics of the word in dictionary form suitable for use by ordinary native speakers, reflecting the nuclear and peripheral components of word Semantics.

The paper is based on the results of associative experiments of different types, processing semantic interpretation of the results of psycholinguistic research.

The study showed that different variants of lexicographical description of psycholinguistic meaning of the word can be offered. These variants vary in the amount and structure of the dictionary definition, in detailed description of the semantics.

Variant 1 — the meaning is given in brief formulation followed by full description in some terms in coherent definition with indexes indicating the brightness of each seme.

Variant 2 — integrating the results of several types of associative experiments; integrated meanings are formulated. Lexicographical meaning is given in an abbreviated form, complete seme description is optional.

Variant 3 — abbreviated version of the integrated lexicographical description of psycholinguistic meaning, including semantic components with index 0,01 and above, without connotative and functional characteristics. Peripheral components with index less than 0.01 provide a list as a reference section.

With limited volume of the dictionary the description abridged versions are preferred/ If more extended definition is possible, entries with the inclusion of semantic components — both nuclear and peripheral — are preferred as it significantly increases the informative content of the lexicographic edition.

In any case it is necessary to include in the definition the index of the brightness of each of the semantic component in language consciousness of native speakers and present meanings in the structure of the entry in descending order according to total brightness index.

Lexicographic description of the results of fixing of psycholinguistic meanings makes it possible to fix the actual state of language consciousness of native speakers and to form an information base to describe everyday language consciousness.

Consistent comparison of psycholinguistic entries and entries of traditional dictionaries is promising, which allow to fix the semantic development of the studied words in modern language consciousness.

Key words: psycholinguistics, meaning, psycholinguistic meaning, lexicography, lexicographic fixation

REFERENCES

- [1] Sternin I.A. *Psycholinguistic meaning* // Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Russian and foreign languages, and methods of their teaching. 2011. № 1. P. 5—13. (In Russ.)
- [2] Sternin I.A., Rudakova A.V. *Psycholinguistic meaning of the word and its description*. Theoretical problems: the monograph. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 p. (In Russ.)
- [3] Rudakova A.V. *Theoretical and applied problems of psycholinguistic lexicography*: monograph. Voronezh: "Istoki" Publ., 2014. 180 p. (In Russ.)
- [4] Vinogradova O.E., Sternin I.A. *Psycholinguistic methods in the description of semantics of the word*. Voronezh: "Istoki" Publ., 2016. 158 p. (In Russ.)

Acknowledgements:

The research has been held under the scientific project № 115-04-00250 "Meaning as Phenomenon of Modern linguistic consciousness of a Language Speaker (theoretical and lexicographical description)" supported by Russian Humanitarian Fund.

Article history:

Received: 18.01.2017

Accepted: 31.01.2017

For citation:

Sternin I.A. (2017) Lexicographic representation of psycholinguistic meaning of the word. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teaching*, 15 (2), 204–214.

Bio Note:

Sternin Joseph Abramovich, Doctor of philological sciences, professor, Honored scientist of the Russian Federation, Professor, Department of General Linguistics and Stylistics, director of the Centre for Communication Studies FGBOU VO “Voronezh State University”. *Sphere of scientific interest*: theory of language, cognitive linguistics, semantics, rhetorics, psycholinguistics. Author of more than 1,400 scientific publications. *Contact information*: sterninia@mail.ru



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-215-230

УДК 81'243

УЧЕБНЫЙ НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА

О.В. Загоровская, Е.Д. Бирюкова

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»
ул. Ленина, 86, Воронеж, Россия, 394043

Статья посвящена актуальным проблемам создания новых типов учебных словарей русского языка как иностранного. На основе анализа современной теории и практики русской учебной лексикографии, ориентированной на инофоны, и задач преподавания русского языка в современных социокультурных условиях делается вывод о том, что в числе важнейших направлений отечественного учебного словаростроения в настоящее время следует рассматривать создание специальных нормативно-стилистических словарей, содержащих комплексное отражение стилистической системы русского языка, стилистических характеристик русского слова и норм русского литературного словоупотребления и ориентированных на расширение языковой, коммуникативной, культурологической, а также лингвистической компетенций учащихся в области культуры русской речи. Подобные словари в настоящее время отсутствуют, и это приходит в противоречие как с запросами общества, так и с требованиями современной лингводидактики в области обучения русскому языку как иностранному. Целью статьи является изложение авторской концепции Комплексного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка культурологической направленности, предназначенного для изучающих русский язык как иностранный и ориентированного на представление комплексной информации о стилистических характеристиках русских слов и отработку навыков их нормативного использования в речи. В статье представлены результаты исследований по подготовке названного словаря, проводимых в настоящее время в Региональном центре русского языка Воронежского государственного педагогического университета. Описываются теоретические основания разработки названного лексикографического произведения и его эскизный проект с учетом типологических особенностей словаря, его структуры и организации словарных статей. Новизна предлагаемой лексикографической разработки определяется особенностями ее организации, характером включенного языкового материала, полученного не только из современных словарей русского языка различных типов, но и из специальных авторских корпусов, а также опорой на современные методы компьютерной и корпусной лингвистики.

Ключевые слова: лексикография, учебный словарь, нормативно-стилистический словарь, языковая норма, норма литературного языка, лексикографический параметр, словарная статья, словарная база данных, иллюстративно-текстовая база, корпус текстов, лингводидактика, русский язык как иностранный

Введение

Проблемы повышения качества обучения русскому языку как иностранному относятся к числу весьма актуальных и для современной лингводидактики, и для

русистики. Одним из направлений в решении названных проблем, вне всякого сомнения, является подготовка специальных учебных словарей, позволяющих иностранцам, изучающим русский язык, не только расширить свой лексический запас и уяснить основное предметно-понятийное содержание тех или иных словесных единиц русского языка, в том числе безэквивалентной и фоновой лексики, но и осознать стилистические характеристики русских слов и правила их употребления в соответствии с нормами русского литературного языка, а также — что принципиально важно — сформировать навыки правильного использования русских языковых знаков в собственной речи, продуцируемой по нормам русского языка, т.е. расширить свою лингвокультурологическую компетенцию в широком значении названного термина с учетом понимания стилистической, в том числе нормативно-стилистической значимости русского слова и особенностей русской стилистической системы.

Вместе с тем, как показывает анализ, в современных учебных словарях русского языка, включая их лучшие и новейшие образцы, в том числе, например, таких как Большой универсальный словарь русского языка (БУСРЯ), изданный под редакцией В. В. Морковкина в 2016 году, предназначенный для изучающих русский язык не только как родной, но и как иностранный и ориентированный на «всестороннее» описание русского слова, на представление сведений, отражающих «практически все его лингвистические свойства» [1. С. 2—3], и многоаспектный Мультимедийный страноведческий словарь «Россия» [2], стилистические характеристики русских словесных знаков оказываются представленными достаточно фрагментарно. Ни в одном из существующих учебных словарей русского языка, предназначенных для иностранных учащихся, стилистические характеристики русских слов не являются предметом специальной репрезентации (показательным в данном отношении служит отсутствие указаний на стилистические характеристики в раскрытии понятий «лингвистические свойства» русского слова и «аспекты его бытования и употребления», приводимых в предисловии к БУСРЯ, несмотря на использование в его словарных статьях целого ряда стилистических помет). Задача же создания специального нормативно-стилистического словаря русского языка как иностранного в русской учебной лексикографии до недавнего времени специально не ставилась, хотя некоторые аспекты названной проблемы затрагивались в работах авторов данной статьи и их единомышленников [3—6].

Отмеченное обстоятельство входит в противоречие с потребностями современного общества и целями обучения русскому языку как иностранному, предполагающими подготовку учащихся к полноценной коммуникации на русском языке и овладение ими «русской речевой культурой» в полном объеме названного понятия, включая «культуру русской речи» в ее нормативном, коммуникативном и этическом аспектах, и «прикладную лингвокультурологию», ориентированную «на формирование русскоязычной картины мира, направленной на восприятие положительного образа России» [7. С. 9]. С точки зрения современной лингводидактики, обучение русскому языку как иностранному с необходимостью должно быть ориентировано на формирование навыков органического вхождения

обучающегося в мир нового языка, навыков его когнитивно-коммуникативной деятельности на этом языке и навыков «поведения в языке» [8]. Очевидно, что «навыки поведения в языке» не могут быть сформированы у представителей иных языковых культур без самого серьезного внимания к особенностям стилистической системы русского языка, нормам русского литературного словоупотребления, а также случаям отступления от названных норм, что обуславливает необходимость подготовки соответствующих учебных словарей.

Как показывают исследования, сложности проблем подготовки современного нормативно-стилистического словаря русского языка как иностранного обусловлены целым рядом причин не только собственно научного характера, но и научно-практического, собственно языкового и методического характера.

К *причинам первой группы* относится, прежде всего, дискуссионность в отечественном языкознании теоретических проблем языковой нормы, нормы литературного языка, стилистической нормы и стилистических характеристик слова (стилистической окраски, стилистического значения) (обзоры по данной проблеме см. в работах [9–11]), проблем лексикографической стилистики и вопросов возможности отражения стилистических качеств русского слова в словарях с помощью единой системы стилистических помет (см. об этом в работах [12. С. 685–687; 11; 13; 14]), а также вопросов, связанных с теоретическими основами и принципами создания современных учебных словарей. В связи со сказанным следует отметить, что далеко не все отечественные исследователи признают норму, в том числе норму литературного словоупотребления, сущностью, объективно присущей языку, а не исключительно результатом нормативной деятельности «кодификаторов» (подобная точка зрения широко распространена в зарубежной лингвистике, где понятие нормы чаще всего соотносится с термином «стандарт» [15. С. 298; 16]. При таком подходе, естественно, нормы литературного словоупотребления при изучении иностранного языка расцениваются как не заслуживающие пристального внимания. Следует также отметить, что далеко не все составители современных учебных словарей русского языка как иностранного признают необходимость учета при их подготовке современных достижений русской и зарубежной лексикографии в области создания новых типов лексикографических произведений (общих и учебных), в том числе основанных на использовании современных технологий (ср., например, идеи и разработки в работах [2; 17–19]).

Причины второй группы, затрудняющие подготовку современного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка как иностранного, связаны, во-первых, со сложностью решения вопросов кодификации языковой нормы в их практическом преломлении к русскому языку новейшего периода. (Общеизвестно, что современные нормативные словари русского языка дают весьма противоречивую характеристику соответствия или несоответствия тех или иных словесных единиц и их форм нормам современного литературного словоупотребления [5. С. 185], а единого утвержденного нормативного словаря современного русского литературного языка до сих пор не существует.) Во-вторых, указанные сложности обусловлены и значительным ускорением языковой эволюции в но-

вейший период развития русского языка (на рубеже XX—XXI веков), ускорением процессов динамического изменения его подсистем, в том числе стилистической, и изменениями на «всех уровнях структурного членения языка» и во «всех его типологических разновидностях, в том числе социально- и функционально-стилистических [20. С. 96—97], а также изменениями стилистических норм и стилистических портретов многих русских слов. Сдерживающим фактором является и традиционный взгляд на учебные словари как на справочники только нормативных языковых фактов, не выходящих за пределы литературной нормы (хотя в настоящее время взгляды на данную проблему и в русской, и в зарубежной методике преподавания русского языка и практике учебной лексикографии начинают меняться [4; 21—23].

В целом, несмотря на то, что современная русская учебная лексикография представляет собой достаточно активно развивающуюся исследовательскую область, в рамках которой создаются различные типы словарей для изучающих русский язык как иностранный, в том числе словари активного типа, комплексные, компьютерные и мультимедийные, а также разрабатываются новые проекты подготовки названных лексикографических продуктов [1; 2; 24] (общий обзор см. в работе [25]). В современной русской учебной лексикографии до сих пор отсутствует учебный словарь, направленный на создание «стилистических портретов» включенных в него слов и предоставляющий изучающим русский язык как иностранный научно обоснованную информацию о стилистических характеристиках, включенных в словарь словесных знаков и их соответствии стилистическим нормам русского литературного словоупотребления, а также не разработаны теоретические основы создания названного словаря.

Цель

Целью настоящей статьи является изложение авторской концепции принципиально нового Комплексного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка культурологической направленности (КУНССлРЯ), предназначенного для изучающих русский язык как иностранный и ориентированного на представление комплексной информации о стилистических характеристиках русских слов и отработку навыков их нормативного использования в речи.

Методы и материалы исследования

Методы и приемы, используемые при разработке концепции КУНССлРЯ, определялись целевыми установками исследования, связанными с развитием теоретических концепций языковой нормы, параметризации стилистической системы современного русского языка и ее лексикографической репрезентации; изучением особенностей восприятия стилистически окрашенных словесных знаков в языковом сознании изучающих русский язык как иностранный; созданием электронных баз данных словарного типа и электронных корпусов текстов, необходимых для создания нового лексикографического продукта. Наряду с традиционными лингвистическими методами контекстуального, сравнительно-сопоставительного, лексикографического и компонентного анализа в исследовании

использовались психолингвистические методы анкетирования и целенаправленного интервьюирования респондентов, методы полевого сбора материала, методы прикладной лингвистики, связанные с использованием автоматизированных программ обработки языковых данных и их форматирования, а также методы корпусной лингвистики, предполагающие использование некоторых базовых программ для работы с созданными корпусами (поиск, отбор по определенным параметрам и др.).

В качестве материалов для разработки концепции КУНССлРЯ и подготовки проекта названного словаря использовались: а) научная, научно-методическая и учебная литература по рассматриваемой проблематике, в том числе не только теоретико-лингвистическая, но и практико-ориентированная на преподавание русского языка как иностранного; б) словари и справочные издания, отражающие словарный состав русского языка разных форм его существования, а также фиксирующие нормы современного русского литературного словоупотребления, в том числе новейшие нормативные академические словари русского языка словари и словари, ориентированные на отражение норм русского языка как государственного ([26; 27] и др.); в) тексты из произведений русской литературы, СМИ и «живой» русской речи, функционирующей в интернет-общении; г) данные, полученные в результате психолингвистического анкетирования информантов; д) корпуса текстов, в том числе Национальный корпус русского языка (НКРЯ), а также специальные корпуса, хранящиеся в Региональном центре русского языка и в лаборатории социолингвистики и автороведческих исследований Воронежского государственного университета: PUSPERSONALITY, содержащий образцы «естественной письменной речи» жителей разных городов России различной гендерной и возрастной принадлежности, с разным уровнем образования [28], «Электронный корпус студенческих эссе» [29], а также корпус текстов русского языка как иностранного RUSFORTEXT, сформированный из учебных работ англоязычных студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, в том числе студентов Американского университета (Вашингтон, США) и слушателей курсов русского языка при Российском культурном центре в Вашингтоне (США).

Результаты

Проведенные исследования, основанные на анализе всего комплекса привлеченных теоретических и практических материалов, в том числе имеющихся в современной лингвистике идей и практических разработок по проблемам языковой нормы, общей и нормативной лексикографии и лексикографической параметризации языковых данных в словарях разных типов, а также по проблемам стилистических характеристик слова и их отражения в языковом сознании «вторичной языковой личности», позволили разработать концепцию нового типа учебного словаря для изучающих русский язык как иностранный — Комплексного нормативно-стилистического словаря (КУНССлРЯ), а также создать эскизный проект названного словаря, включающий описание его типологических особенностей, структуры и организации словарных статей.

Принципиальные отличительные особенности разработанного лексикографического проекта такие:

— ориентированность, прежде всего, на отражение стилистической системы русского языка в ее современной структуре и на отражение норм современного русского литературного словоупотребления;

— многоаспектность в передаче содержания стилистического компонента лексической семантики, включающего в себя как системно-стилистические, так и узуально-стилистические составляющие;

— пропедевтическая направленность, предполагающая возможность использования материалов словаря не только для расширения общих знаний о культуре русской речи и кодифицированных нормах русского литературного словоупотребления, но и для выработки навыков правильного оценивания стилистических характеристик нелитературных словесных знаков (прежде всего, достаточно частотных в современном русском узусе просторечий и жаргонизмов, которые представлены в словаре в качестве вариантов нормативных языковых знаков или их стилистических синонимов и аналогов);

— включение в словарь специальных зон учебных материалов и ориентированность его иллюстративных зон на текстовые корпуса.

Названные особенности позволяют говорить о принципиальных отличиях разработанного проекта КУНССлРЯ от имеющихся в настоящее время лексикографических произведений учебной направленности, ориентированных на изучающих русский язык как иностранный.

Обсуждение

Концепция Комплексного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка как иностранного, ориентированного на представление комплексной информации о стилистических характеристиках русских слов и отработку навыков их нормативного использования в речи, была подготовлена на основе разработанных в рамках Воронежской лингвистической школы теоретических концепций языковой нормы [13; 14], теории стилистической значимости русского слова как явления национальной культуры и возможности лексикографической параметризации стилистического компонента значения словесного знака [30. С. 137—143; 31], теории и практики создания многоаспектных, автоматизированных учебных двуязычных словарей разных типов (см. об этом в работе [3]), а также на основе а) анализа имеющихся в отечественной и зарубежной лингвистике достижений в области общей и учебной лексикографии, компьютерной и корпусной лингвистики и б) на основе многоаспектного анализа языковых данных, представленных в словарях русского языка, русском художественном, публицистическом, учебном и бытовом дискурсах, в том числе в учебном дискурсе изучающих русский язык как иностранный, включая данные анализа проведенных психолингвистических исследований (анкетирование и интервьюирование респондентов, изучающих русский язык как иностранный).

В результате проведенных исследований были сформулированы следующие теоретические основания для разработки КУНССлРЯ.

1. Комплексный учебный нормативно-стилистический словарь для изучающих русский язык как иностранный должен иметь культурологическую направленность, в соответствии с которой отражаемые в нем стилистическая система русского языка и стилистическая значимость русского слова, а также нормы русского литературного словоупотребления должны представлять прежде всего как феномены национально-культурного характера, отражающие специфику национальной русской лингвокультуры.

2. КУНССлРЯ должен создаваться на основе современных научных знаний: а) о сущности языковой нормы как совокупности языковых вариантов, имеющих объективный и динамический характер своего бытования; б) о типологии норм русского литературного словоупотребления, которая включает в качестве самостоятельной разновидности нормы стилистические, «связанные с правилами употребления языковых знаков в соответствии с их стилистическими характеристиками, которые определяются содержанием стилистического компонента лексической семантики, в том числе содержанием функционально-стилистических, темпорально-стилистических, социально-стилистических и дискурсивно-стилистических сем» [10. С. 123]; в) о сущности стилистического компонента значения слова, который представляет собой обязательную составляющую лексической семантики любого словесного знака, «в которой закрепляется информация о характеристиках приобретаемых словом в процессе его речевого функционирования и закрепляющихся в сознании носителей языка <...> за данной материальной оболочкой, т.е. воспринимаемых и вне речевого употребления» [32. С. 67].

3. Современный Комплексный нормативно-стилистический словарь для изучающих русский язык как иностранный должен быть ориентирован на отражение стилистической системы русского языка новейшего периода и стилистическую вариантность современного русского слова. В названном словаре целесообразно отражать все встречающиеся в русской речи варианты словесных знаков: произносительные, акцентологические, морфологические, словообразовательные, лексико-семантические, графические и варианты правописания. При этом первоочередное отражение должны получать стилистические варианты, относящиеся к группе наиболее частотных и актуальных для современного русского дискурса (например, такие как *договор* — *дОговор*, *инструктор* — *инСтруктор* и т.п.), а также стилистически окрашенные словесные знаки, имеющие актуальные для современной русской речи варианты-аналоги, представленные стилистическими синонимами, в том числе относящимися к нелитературным формам существования национального русского языка, например, просторечию и жаргонам (например: *привет* — *здравствуйте*, *мама* — *мать* — *мамаша*, *жена* — *супруга* — *баба*; *зачетная книжка* — *зачетка*, *общезитие* — *общага* и т.п.).

4. В основу построения КУНССлРЯ должна быть положена теория лексико-графической параметризации языковых явлений Ю.Н. Караулова, которая, как показывают исследования, проведенные на материале различных форм существования русского языка [32. С. 301–325; 31; 6], оказывается правомерной и по отношению к стилистической подсистеме русского языка и стилистическим характеристикам русского слова.

5. КУНССл должен создаваться как учебный словарь активного типа, ориентированный не только на отражение определенной информации, но и на отработку навыков нормативного и стилистически уместного использования тех или иных словесных знаков и их вариантов в речи в зависимости от ситуации и сферы общения. Словарные статьи названного словаря с необходимостью должны включать в себя специально разработанные зоны учебных упражнений, направленных на отработку указанных навыков, а также зоны нормативных, образцовых примеров употребления приведенных в словаре языковых единиц в речевых произведениях.

6. Современный учебный нормативно-стилистический словарь для изучающих русский язык как иностранный с необходимостью должен быть не только комплексным (многоаспектным), т.е. отражающим разные аспекты плана содержания и плана выражения словесного знака и разные виды его стилистических характеристик, но и автоматизированным, что позволяет не ограничивать объем включаемой в словарь информации, в том числе текстовой, работать со словарем в диалоговом режиме и выбирать по запросу нужные сведения, а также пополнять и корректировать представленные в словаре данные.

В соответствии с разработанной концепцией КУНССлРЯ обладает следующими типологическими характеристиками: 1) по основной целевой установке он будет словарем учебным, т.е. характеризующимся обучающей направленностью и призванным использоваться как одно из средств обучения (помимо учебной функции, данный словарь может осуществлять также справочную, нормативную и систематизирующую функции); 2) по числу представленных языков словарь одноязычен в своей основе, но в перспективе может дополняться двуязычными модулями (в зависимости от запроса адресата); 3) по принципам отбора и подачи материала словарь является словарем активного типа, ориентированным на активное усвоение русского языка; 4) по характеру и типам представляемой информации о слове КУНССлРЯ должен быть комплексным (многоаспектным), т.е. словарем с углубленной интерпретацией различных аспектов плана содержания и плана выражения словесного знака; 5) по охвату лексики данный словарь будет «условно дифференциальным»: при общей ориентированности на лексику русского литературного языка (именно такие языковые знаки составляют основной, исходный, словник словаря) он может включать в себя также лексику просторечную и жаргонную (такие словесные знаки входят в словарь на правах слов-аналогов, стилистических синонимов или стилистических вариантов к основным компонентам словника); 6) по характеру описываемых единиц КУНССлРЯ — словарь нетематический, так как его словник не ограничивается какой-либо тематической группой словесных знаков; 7) по хронологическому признаку словарь относится к словарям современного русского языка и ориентирован на отражение его новейшего периода (при этом в словарных статьях могут даваться комментарии исторического характера, касающиеся в том числе стилистических характеристик тех или иных лексем).

С точки зрения организации и формы воплощения КУНССлРЯ представляет собой функционирующий в компьютерной среде комплекс баз данных лексико-

графического типа, в структуру которого входят такие составляющие: 1) словник, построенный с учетом формальных стилистических вариантов слова и стилистических синонимов, включенных в словарь словесных знаков (СЛ); 2) специализированная словарная база данных (СБД), или специализированная словарная картотека, представляющая собой совокупность словарных статей словаря; 3) иллюстративно-текстовая база данных, или автоматический конкорданс (АК); 4) специализированный комплекс лингвистических алгоритмов и программ (КЛАП).

В основу формирования словника КУНССлРЯ положены четыре вида основных источников: а) учебная, учебно-методическая и справочная литература по русскому языку как иностранному, предназначенная для учащихся разных уровней обучения; б) современные учебные и общие словари русского языка, прежде всего — нормативные; в) современный актуальный русский дискурс, в том числе учебный, художественный, публицистический, а также бытовой; г) тексты, созданные изучающими русский язык как иностранный, в ситуациях естественной коммуникации, а также в ситуациях эксперимента по специальным заданиям. Основным критерием включения словесного знака в словник словаря служит наличие в нем выраженных стилистических сем и / или наличие стилистических вариантов или синонимов, актуальных для современного русского дискурса.

Типологические особенности КУНССлРЯ определяют особенности организации его словарных статей, которые строятся по зонному принципу на основе специально разработанной формальной грамматики, соответствующей лексикографическим параметрам, получающим отражение в словаре.

Каждая словарная статья КУНССлРЯ включает в себя четыре блока лексикографических параметров: а) заголовочный; б) содержательный; в) учебный; г) вспомогательный. В составе каждого из указанных блоков могут присутствовать как обязательные, так и факультативные лексикографические зоны.

Целостный проектный вариант структуры словарной статьи в КУНССлРЯ и общий перечень лексикографических параметров, отраженных в словаре, может быть представлен следующими зонами:

заголовочный блок: 1) заголовочного слова; 2) формальных вариантов слова;

содержательный блок: 1) семантизации, отражающая содержание денотативного компонента значения толкуемой языковой единицы; 2) эмотивных характеристик, соответствующая эмоционально-оценочному содержанию словесного знака; 3) стилистических характеристик; 4) стилистических аналогов (стилистических синонимов); 5) контекстов (зона иллюстраций);

учебный блок: 1) собственно нормативных сведений; 2) упражнений;

вспомогательный блок: 1) библиографических сведений, включающая в себя информацию о словарях русского языка, в которые включено данное слово; 2) дополнительных лингвокультурных и исторических сведений; 3) перевода, включающая в себя перевод толкуемого словесного знака и его комментариев на один или несколько мировых языков.

Многие из указанных лексикографических зон КУНССлРЯ делятся на подзоны, и это в полной мере относится к тем из них, которые составляют специфици-

ку названного словаря: зоне стилистических характеристик и зоне собственно нормативных сведений.

В соответствии с концепцией КУНССлРЯ, например, в зоне стилистических характеристик представлены подзоны: а) функционально-стилистических характеристик слова, включающая информацию о его принадлежности к той или иной форме существования национального языка или функциональному стилю литературного языка («литературное», «просторечное», «жаргонное», «диалектное», «обшелитературное», «литературное разговорное», «научное», «официально-деловое», «публицистическое» и др.); б) темпорально-стилистических характеристик словесного знака, включающая информацию о принадлежности слова к тому или иному временному пласту лексики («устаревшее», «устаревающее», «новое»); в) социально-стилистических характеристик, включающая информацию о принадлежности словесного знака к речи определенных социальных групп, объединенных по каким-либо «корпоративным» интересам, гендерной принадлежности, возрасту и др. («молодежное», «свойственное речи женщин», «свойственное речи мужчин», «детское» и др.); г) дискурсивно-стилистических характеристик словесного знака, в которой дается информация о том, в каких коммуникативных ситуациях в соответствии с традициями русской речевой культуры принято употребление данного слова (например: «принято для официальных сфер общения», «допустимо только в неофициальных сферах и ситуациях общения», «в бытовом общении» и др.), о том, какими могут быть отношения между участниками коммуникации при использовании данного словесного знака (например: «только при общении с близкими», «недопустимо при обращении к старшим по возрасту или социальному положению» и др.), а также о возможном восприятии слова носителями русского языка (например, «может оскорбить собеседника»).

В зоне собственно нормативных сведений представлены подзоны: а) «общей нормативности», содержащая информацию о соответствии или несоответствии словесного знака нормам русского литературного словоупотребления в целом (т.е. о его отнесенности к разряду литературных или нелитературных); б) нормативности с точки зрения русского языка как государственного (например: *мама*: а) соответствует нормам русского литературного разговорного словоупотребления (нормам разговорного стиля русского литературного языка); б) не соответствует нормам русского языка как государственного (не допустимо для использования в официальных сферах общения).

Все лексикографические зоны КУНССлРЯ делятся на основные, факультативные и дополнительные. Основные зоны обязательны для заполнения. К таким зонам относятся: зона заголовочного слова, зона семантизации, зона стилистических характеристик, зона контекстов, зона собственно нормативных сведений и зона упражнений. Факультативные зоны могут быть содержательно не представлены в словаре в силу отсутствия соответствующих явлений. К названным зонам относятся: зона формальных вариантов заголовочного слова, зона эмотивных характеристик, зона стилистических аналогов. Дополнительные зоны заполняются по мере возможностей составителей. В состав названных зон входят зона библиографических сведений, зона дополнительных лингвокультурных и исторических сведений, а также зона перевода. (Например: БотИнок, -нка, муж.

Исторические сведения: В XIX — нач. XX веков в русском языке данное слово могло употребляться в женском роде: *ботИнка* (жен. р.), род. *нет ботинки*). Очевидно, что информация, представленная в дополнительных зонах КУНССлРЯ, существенно расширяет возможности словаря и превращает его в многофункциональное учебное пособие-справочник, полезное в том числе и для более полноценного восприятия русской художественной литературы.

Заключение

Работы по созданию концепции и проекта Комплексного учебного нормативно-стилистического словаря русского языка как иностранного позволили сделать следующие выводы.

Подготовка и формирование КУНССлРЯ требует большого объема работ, проводимых как в ручном, так и в автоматизированном режимах, поэтому создание названного словаря следует рассматривать как многоэтапный проект.

Формирование словника, словарной и иллюстративно-текстовой баз КУНССлРЯ на начальных этапах его создания целесообразно осуществлять по тематическому принципу на основании функционально-тематических полей русской лексики, соотносимых с традиционными «темами», предлагаемыми для изучения русского языка как иностранного. Подобный подход дает возможность не только оптимизировать процесс подготовки словарных статей, но и добиться более полного представления в них информации о системных связях и стилистических отношениях тех или иных словесных знаков, а также особенностях их функционирования в современном узусе.

Из автоматизированных методов наиболее эффективными для подготовки КУНССлРЯ являются методы корпусной лингвистики, предполагающие работу с текстовыми корпусами, включающими как «естественные», так и «спровоцированные» тексты. Особое значение для формирования качественного нормативно-стилистического словаря, предназначенного для представителей иных лингвокультур и ориентированного на совершенствование обучению русскому языку как иностранному, имеет формирование корпуса образцовых текстов на русском языке, репрезентирующих современный русский дискурс, актуальный для различных сфер и коммуникативных ситуаций, в том числе официальных, требующих соблюдения норм русского литературного языка как языка государственного. Очевидно, что создание такого корпуса в современных социокультурных условиях России представляет собой весьма непростую задачу.

В целом результаты предварительной апробации экспериментальных материалов КУНССлРЯ позволяют утверждать, что названный словарь может быть весьма эффективным средством обучения русскому языку и русской речи иностранных учащихся, ориентированным на решение актуальных задач современной лингводидактики и методики преподавания русского языка как неродного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Морковкин В.В., Богачева Г.С., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс-школа; Словари XXI века, 2016. 1456 с.

- [2] *Рогова Е. Г., Залетаева А. А., Маркевич Е. В. и др.* Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Инновационный сетевой проект. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2014—2017. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title> (дата обращения: 26.02.2017).
- [3] *Загоровская О. В.* Возможности семантизации русского слова в современном многоаспектном учебном словаре для изучающих русский язык как неродной // *Известия ВГПУ.* 2015. № 4 (269). С. 121—124.
- [4] *Загоровская О. В., Руденя Ж. И.* Семантизация жаргонных лексических единиц в учебном словаре для изучающих русский язык как неродной // *Вестник РУДН.* 2015. № 4. С. 39—46.
- [5] *Загоровская О. В.* Вариантность нормы в русском языке начала XXI века и задачи создания современного учебного нормативно-стилистического словаря // *Известия ВГПУ.* 2015. № 1 (266). С. 185—191.
- [6] *Бирюкова Е. Д.* Семантико-стилистические различия агентивов с общим значением «женщина» в современном русском языке // *Известия ВГПУ.* 2015. № 4 (269). С. 103—107.
- [7] *Стрельчук Е. Н.* Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 357 с.
- [8] *Степаненко В. А., Нахабина М. М., Курлова И. В.* Современный учебник русского языка для иностранцев // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания».* 2014. № 1. С. 22—26.
- [9] *Загоровская О. В.* Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия // *Известия ВГПУ.* 2016. № 2 (271). С. 161—165.
- [10] *Загоровская О. В.* Нормы русского литературного языка: Типология и основания для классификации // *Известия ВГПУ.* 2016. № 3 (272). С. 129—134.
- [11] *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной.* М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- [12] *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.* М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
- [13] *Емельянова О. Н.* Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2013. 315 с.
- [14] *Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / В. М. Круглов и др.; под общ. ред. В. М. Круглова; Рос. Акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. 441 с. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1945209#1 (дата обращения: 26.02.2017).*
- [15] *Crystal D.* Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 2000.
- [16] *Dardano M.* Nuovo manuale di linguistica italiana / zanichelli, 2005.
- [17] *New Trends in Lexicography: Ways of Registering and Describing Lexis / Ed. By O. Karpova, F. Kartashkova.* Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- [18] *Lexicography in the 21st Century / eds. S. Nielsen, S. Tarp.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
- [19] *Карпова О. М.* Лексикография или reference science? Справочники нового поколения // *Вестник Ивановского государственного университета.* Вып. 1. Иваново, 2006. С. 82—92.
- [20] *Загоровская О. В.* Типологические разновидности национального русского языка и формы его существования в начале XXI века // *Известия ВГПУ.* 2015. № 3 (268). С. 96—101.
- [21] *Минакова Н. А., Талыбина Е. Б.* Жаргонная лексика в обучении РКИ // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания».* 2013. № 4. С. 61—72.
- [22] *Шкапенко Т. М., Хюбнер Ф.* Русский «тусовочный» как иностранный: учеб. пособие. Калининград: Янтар. сказ., 2005. 200 с.
- [23] *Svan M.* Practical English Usage. International students edition. New York: Oxford University Press, 2005.

- [24] Аникина М.Н. Русский словарь. Учебный словарь русского языка для иностранцев. М.: Дрофа, 2014. 977 с.
- [25] Григоренко О.В., Руденя Ж.И. Современные направления в практике создания учебных словарей // Известия ВГПУ. 2016. № 1 (270). С. 169–172.
- [26] Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.
- [27] Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 2. Нормы современного русского литературного языка как государственного: Комплексный нормативный словарь современного русского языка / под ред. Г.Н. Скляревской, Е.Ю. Ваулиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 1038 с.
- [28] Litvinova T., Litvinova O., Zagorovskaya O., Seredin P., Romanchenko O. “Ruspersonality”: a Russian corpus for authorship profiling and deception detection // Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT), 2016. URL: International FRUCT Conference Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT), 28 Aug.—4 Sept. 2016. P. 1–7.
- [29] Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Электронный корпус студенческих эссе на русском языке и его возможности для современных гуманитарных исследований // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 3 (34). С. 387–389.
- [30] Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. 232 с.
- [31] Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Бирюкова Е.Д. Стилистические характеристики слова в многоаспектном компьютерном словаре наименований лиц в воронежских говорах // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 60–69.
- [32] Загоровская О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 383 с.

© Загоровская О.В., Бирюкова Е.Д., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.11.2016

Дата принятия к печати: 28.12.2017

Для цитирования:

Загоровская О.В., Бирюкова Е.Д. Учебный нормативно-стилистический словарь русского языка как иностранного: концепция и структура // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 2. С. 215–230.

Сведения об авторах:

Загоровская Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: семасиология, социолингвистика, русская лексикология, общая и учебная лексикография, лингвокультурология, культура русской речи. Автор более 300 научных публикаций. *Контактная информация*: olzagor@yandex.ru

Бирюкова Елизавета Дмитриевна, аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: семасиология, социолингвистика, культура русской речи, русский язык как иностранный. Автор 18 научных публикаций. *Контактная информация*: isabel_isabo@yahoo.com

LERNING STANDART STYLISTIC DICTIONARY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: CONCEPT AND STRUCTURE

O.V. Zagorovskaya, E.D. Biryukova

Voronezh State Pedagogical University
Lenina, 86, Voronezh, Russia, 394043

The article is devoted to actual problems of creation of new types of learning dictionaries of Russian as a foreign language. On the basis of the modern theory and practice of Russian learning lexicography oriented to non-native speakers and on the basis of the problems of teaching of Russian in the contemporary sociocultural conditions it concludes, that among the most important areas of domestic academic lexicography now should be considered the creation of special standart stylistic dictionaries containing comprehensive reflection of the stylistic system of the Russian language, stylistic characteristics of Russian words and standarts of the literary language and focused on the expansion of language, communication, cultural and linguistic competence of students in the field of Russian speech culture. These dictionaries are not currently available, and it comes into conflict with both the needs of society and the requirements of modern linguistics in teaching Russian as a foreign language. The aim of the article is a summary of the author's conception of the complex standart stylistic dictionary of the Russian language culturalurological orientation designed for studying Russian as a foreign language, and based on the representation of complex information about the stylistic characteristics of the Russian words and practicing their skills in the use of normative speech. The article presents the results of studies on the preparation of the title of the dictionary, ongoing at the Regional Centre of the Russian language, Voronezh State Pedagogical University. It describes the theoretical bases of this lexicographical work and its preliminary design: the typological features of dictionary, its structure and organization entries. The novelty of the proposed lexicographical development tipe is determined by the characteristics of its organization, the nature of the language material derived not only from the modern Russian language dictionaries of various types, but also of special author's corpuses as well as relying on modern methods of computer and corpus linguistics.

Key words: lexicography, learning dictionary, standart stylistic dictionary, language standard, the standarts of the literary language, lexicographical setting, the dictionary entry, the dictionary database, illustratively a text-base corpus, Linguodidactics, Russian as a foreign language

REFERENCES

- [1] Morkovkin V.V., Bogacheva G.S., Luzckaya N.M. *Bolshoy universalnyj slovar russkogo yazyka*. M.: AST-Press-shkola; Slovare XXI veka, 2016. 1456 s. (In Russ.)
- [2] Pogova E.G., Zaletaeva F.F., Markevich E.V. i dr. *Multimediynyj lingvostranovedcheskij slovar «Rossia»*. Innovacionnyj cetevoj proyekt. M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2014—2017. Avaliable from: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=26.02.2017> (In Russ.)
- [3] Zagorovskaya O.V. *Vozmozhnosity semantizacii russkogo slova v sovremennom mnogoaspektnom uchebnom slovare dlya izuchaushih russkij yazyk kak nerodnoj* // *Izvestiya VGPU*. 2015. № 4 (269). S. 121—124. (In Russ.)
- [4] Rudenya Zh.I. *Semantizaciya jargonnyh leksicheskich yedinic v uchebnom slovare dlya dlya izuchaushih russkij yazyk kak nerodnoj* // *Vestnik RUDN*. 2015. № 4. S. 39—46. (In Russ.)
- [5] Zagorovskaya O.V. *Variantnost normy v russkom yazyke nachala XXI veka i zadachi sizdaniya sovremennogo uchebnogo normativno-stilisticheskogo slovarya* // *Izvestiya VGPU*. 2015. № 1 (266). S. 185—181. (In Russ.)
- [6] Biryukova E.D. *Semantiko-stilisticheskiye razlichiya agentivov s obshim znacheniyem «zshenchina» v sovremennom russkom yazyke* // *Izvestiya VGPU*. 2015. № 4 (269). S. 103—107. (In Russ.)

- [7] Strelchuk E.N. *Formirovaniye russkoj reshevoj kultury inostrannykh bakalavrov negumanitarnykh specialnostej v vuzach RF*: diss. ... d-ra ped. nauk. M., 2016. 356 s. (In Russ.)
- [8] Steponenko V.A., Nachabina M.M., Kurlova I.V. *Sovremennyy uchebnik russkogo yazyka dla inostrancev* // Vestnik RUDN. Seriya «Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ich prepodavaniya». 2014. № 1. S. 22–26. (In Russ.)
- [9] Zagorovskaya O.V. *Yazykovaya norma i norma literaturnogo yazyka kak lingvisticheskiye ponyatiya* // Izvestiya VGPU. 2016. № 2 (271). S. 161–165. (In Russ.)
- [10] Zagorovskaya O.V. *Normy russkogo literaturnogo yazyka*: Tipologiya i osnovaniya dlya klassifikacii // Izvestiya VGPU. 2016. № 3 (272). S. 129–134. (In Russ.)
- [11] Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar / Pod red. M.N. Kozshinoy. M.: Flinta: Nauka, 2006. 696 s. (In Russ.)
- [12] Kultura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar-spravochnik / Pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirayeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003. 840 s. (In Russ.)
- [13] Emelyanova O.N. *Stilisticheskaya informaciya v tolkovom slovare (analiticheskij obzor problematiki)*: monografiya. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2013. 315 s. (In Russ.)
- [14] Normativno-stilisticheskiye pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka / V.M. Kruglov i dr., pod obsch. Red. V.M. Kruglova; Ros. Akad. nauk, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2015. 441 s. Available from: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1945209#1 26.02.2017. (In Russ.)
- [15] Crystal D. *Cambridge Encyclopedia of the English language*. Cambridge University Press, 2000.
- [16] Dardano M. *Nuovo manuale di linguistica italiana* / zanichelli, 2005.
- [17] New Trends in Lexicography: Ways of Registering and Describing Lexis / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- [18] Lexicography in the 21st Century / eds. S. Nielsen, S. Tarp. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
- [19] Karpova O.M. *Lexilografiya ili reference science? Spravochniki novogo pokoleniya* // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1. Ivanovo, 2006. S. 82–92. (In Russ.)
- [20] Zagorovskaya O.V. *Tipologicheskiye raznovidnosti nacionalnogo russkogo yazyka i formy yego suschestvovaniya v nachale XXI veka* // Izvestiya VGPU. 2015. № 3 (268). S. 96–101. (In Russ.)
- [21] Minakova N.A., Talybina E.B. *Jargonnaya leksika v obuchenii RKI* // Vestnik RUDN. Ser. «Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ich prepodavaniya». 2013. № 4. S. 61–72. (In Russ.)
- [22] Zhkopenko T.M., Hubner F. *Russkij «tusovochnyj» kak inostrannyj*: ucheb. posobie. Kaliningrad: Yantar. skaz, 2005. 200 s. (In Russ.)
- [23] Svan M. *Practical English Usage. International students edition*. New York: Oxford University Press, 2005.
- [24] Anikina M.N. *Russkij slovar. Uchebnij slovar russkogo yazyka dlya inostrancev*. M.: Drofa. 2014. 977 s. (In Russ.)
- [25] Grigorenko O.V., Rudenya Zh.I. *Sovremennyye napravleniya v praktike sozdaniya uchebnykh slovarej* // Izvestiya VGPU. 2016. № 1 (270). S. 169–172. (In Russ.)
- [26] Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. *Bolschoy orfoepicheskij slovar russkogo yazyka. Literaturnoye proiznoscheniye i udarenije nachala XXI veka: normy i yeyo variant*. M.: AST-PRESS KNIGA, 2012, 1008 s. (In Russ.)
- [27] Kommentarij k federalnomu zakonu “O gosudarstvennom yazyke Possijskoj Federacii”. Chast 2. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka kak gosudarstvennogo: Kompksnyj normativnyj slovar sovremennogo russkogo yazyka / Pod red. G.N. Sklarevskoj, Vaulinoj. SPb.: Izd. SPbGU, 2009. 1038 s. (In Russ.)
- [28] Litvinova T., Litvinova O., Zagorovskaya O., Seredin P., Romanchenko O. “Ruspersonality”: a Russian corpus for authorship profiling and deception detection // Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT), 2016 International FRUCT Conference Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT), 28 Aug.—4 Sept. 2016. S. 1–7. (In Russ.)
- [29] Zagorovskaya O.V., Litvinova T.A., Litvinova O.A. *Elektronnyj korpus studencheskich esse na russkom yazyke I ego vozmozhnosti dlya sovremennykh gumanitarnykh issledovanij* // Mir nauki, kultury i obrazovaniya. 2012. № 3 (34). S. 387–389. (In Russ.)

- [30] Zagorovskaya O.V. *Russkij yazyk na rubezshe XX—XXI vekov: issledovaniya po sociolingvistike i lingvokulturologii: monografiya.* Voronezh: Nauchnaya kniga, 2013. 232 s. (In Russ.)
- [31] Zagorovskaya O.V., Litvinova T.A., Biryukova E.D. *Stilisticheskiye charakteristiki slova v mnogoaspektnom kompyuternom slovare naimenovanij lic v voronezhshkich govorach // Nauchnyj dialog.* 2015. № 12 (48). S. 60—69. (In Russ.)
- [32] Zagorovskaya O.V. *Problemy obschej i dialektnoj semasiologii i leksikografii.* Voronezh: IPC «Nauchnaya kniga», 2011. 383 s. (In Russ.)

Article history:

Received: 12.11.2016

Accepted: 28.12.2017

For citation:

Zagorovskaya O.V., Biryukova E.D. (2017) Learning standart stylistic dictionary of Russian as a foreign language: concept and structure. RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching, 15 (2), 215—230.

Bio Note:

Zagorovskaya Olga Vladimirovna, D.Sc. in Philology, professor, head of department in Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature in Voronezh State Pedagogical University. *Research interests:* semasiologiya, sociolinguistics, general and learning lexicography, cultural linguistics, culture of Russian speech. Author of over 300 scientific publications. *Contact information:* olzagor@yandex.ru

Biryukova Elizaveta Dmitrievna, Postgraduate student of department in Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature in Voronezh State Pedagogical University. *Research interests:* semasiologiya, sociolinguistics, culture of Russian speech, Russian as a foreign language. Author of 18 scientific publications. *Contact Information:* isabel_isabo@yahoo.com



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-231-245

УДК 81-13

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ

Л.В. Московкин

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье представлены результаты разработки пролегоменов (исходных положений) теории методов обучения неродному языку.

Актуальность данного исследования обусловлена потребностями развития методики обучения неродному языку.

Цель статьи состоит в уточнении содержания базовых понятий теории методов обучения неродному языку — понятий «методическая теория», «неродной язык», «метод обучения», в определении требований к методическим теориям, в установлении соотношения понятия «неродной язык» со смежными понятиями, в анализе существующих определений понятия «метод обучения».

Материалом исследования выступили научные труды, в которых используются базовые понятия исследования. Основной метод исследования — понятийно-терминологический анализ.

В ходе исследования были определены требования к методическим теориям, которым должна удовлетворять и теория методов обучения неродному языку. Среди них требования к теории вообще (системность, обобщенность, обоснованность и достоверность входящих в ее состав научных положений, глубина, полнота, целостность, объяснительная и прогностическая способность, соответствие научному стилю речи и логичность изложения), а также специфические требования, предъявляемые к педагогическим (обращенность к практике) и методическим теориям (опора на общие научные положения педагогики, включенность в контекст современной российской методики обучения неродному языку).

Анализ термина «неродной язык» применительно к теории методов обучения позволил прийти к выводу, что в контексте данной теории правомерно использовать его в его наиболее общем, родовом значении. Анализ определений понятия «метод обучения» показал, что под методом обучения целесообразно понимать совокупность принципов и приемов обучения.

Ключевые слова: теория методов обучения, неродной язык, второй язык, иностранный язык

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена потребностями развития методик обучения иностранным языкам, русскому языку как иностранному, русскому языку нерусских учащихся в школах России, национальным языкам. Во всех

этих науках современное состояние знаний о методах обучения является, главным образом, описательным [1—6], однако развитие любой науки неизбежно предполагает переход от описания внешних свойств изучаемых объектов действительности к познанию их сущности. Можно выделить ряд работ, в которых осуществляется теоретический анализ тех или иных сторон методов обучения неродному языку [7—12], но целостная теория методов обучения неродному языку еще не создана.

Создание любой теории начинается с установления ее пролегоменов (под пролегоменами в науке понимаются исходные положения, предварительные сведения о предмете данной теории). Теория методов обучения неродному языку также должна начинаться с рассмотрения базовых, ключевых понятий, отражающих наиболее существенные свойства и признаки предмета исследования. К ним относятся понятия «методическая теория», «неродной язык» и «метод обучения». Именно вокруг них в дальнейшем будет создаваться иерархическая, субординированная понятийная система данной теории.

Понятие «методическая теория» ранее никогда не привлекало внимания ученых. Не выделена и совокупность требований к методическим теориям. Существуют отдельные труды по вопросам построения педагогических теорий [13—15], но специфика методического знания в них не отражена. Необходимо установить требования к методическим теориям, которые позволят и строить эти теории, в частности теорию методов обучения, и оценивать их.

Понятие «неродной язык», напротив, часто встречается в научной литературе и обозначает разные понятия. Неродным языком называют и иностранный язык [16], и русский язык, изучаемый в национальных регионах России [17], и русский язык, изучаемый мигрантами [18; 19], и вообще любой язык, противопоставленный родному [20]. Для установления существенных признаков данного понятия должен быть проведен его анализ в сопоставлении со смежными понятиями «родной язык», «иностранное языки», «второй язык».

Понятие «метод обучения» в научной литературе также понимается по-разному — И.Л. Садовская в своей монографии приводит 49 его определений [21]. Не вызывает сомнения необходимость критического анализа наиболее распространенных из них и выделения существенных признаков данного понятия.

Отметим, что пролегомены к теории методов обучения неродному языку в научной литературе специально не рассматривались, так как пока никто не ставил задачи разработать на основе описания методов и отдельных теоретических трудов целостную теорию методов обучения неродному языку. Такая теория, несомненно, будет вносить вклад в методическую науку, но кроме этого будет иметь и практический выход: созданные на ее основе рекомендации по выбору или конструированию метода обучения будут способствовать повышению эффективности обучения. Значение пролегоменов к теории методов обучения неродному языку также велико — они послужат основой для создания этой теории. Требования к методическим теориям будут использоваться при разработке и оценке этих теорий. Уточнение понятий «неродной язык» и «метод обучения» будет способствовать более корректному употреблению соответствующих терминов в научной литературе.

Цель

Цель данной статьи состоит в уточнении содержания базовых понятий теории методов обучения неродному языку — понятий «методическая теория», «неродной язык», «метод обучения», в определении требований к методическим теориям, в установлении соотношения понятия «неродной язык» со смежными понятиями, в анализе существующих определений понятия «метод обучения».

Методы и материалы исследования

Материалом исследования выступили научные труды, в которых рассматриваются базовые понятия исследования. Рассмотрение понятия «методическая теория» и выявление требований к методическим теориям потребовали обращения к литературе из области науковедения, методологии педагогического исследования, педагогики и методики обучения неродному языку. Анализ понятия «неродной язык» осуществлялся в ходе работы с литературой по методике обучения русскому языку нерусских учащихся в школах России, русскому языку как иностранному, иностранным языкам, по педагогической лингвистике и педагогической психологии. При рассмотрении понятия «метод обучения» использовались исключительно дидактические и методические труды, посвященные анализу методов обучения.

Данное исследование по своему характеру — фундаментально, так как преследует цель раскрыть сущность указанных явлений, дать им научное объяснение. При его проведении применялся понятийно-терминологический анализ указанных базовых понятий, опиравшийся на приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования и конкретизации, систематизации, экстраполяции и сравнения.

Результаты исследования

Поскольку известно, что любая теория является структурным компонентом какой-либо науки, для определения требований к теории методов обучения неродному языку необходимо было установить общие требования к методическим теориям. В методической литературе автором не были обнаружены ни определение понятия «методическая теория», ни требования к методическим теориям. При этом очевидно, что методические теории существуют, и они должны соответствовать единым требованиям, выступающим в роли ориентиров при их создании, в роли критериев оценки их качества и опосредованно в роли показателей квалификации их создателей. Эти требования могут быть сведены в иерархическую систему, состоящую из трех уровней: 1) требования, предъявляемые к теориям вообще; 2) дополнительные требования, предъявляемые к теориям в области педагогических наук; 3) дополнительные требования, предъявляемые к именно методическим теориям.

Анализ трудов по методологии научного исследования [15; 22; 23] позволил вычлениить общие признаки научной теории и сформулировать требования к теориям вообще.

Исходным пунктом для автора послужило положение о том, что теория представляет собой систему научных знаний о том или ином фрагменте действительности. Соответственно, было выдвинуто первое общее требование к теории — *системность*, предполагающее, что, во-первых, любая теория должна представлять собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных научных положений (систему), а во-вторых, сама она должна логично вписываться в контекст той или иной науки (системы), выступая в качестве одного из ее компонентов.

Второе требование к теории — это ее *научность*, предполагающая, что входящие в ее состав знания о том или ином фрагменте действительности должны быть:

— обобщенными, т.е. выраженными в форме понятий и научных положений (обобщенные выводы делаются на основе анализа не единичных, а повторяющихся случаев, когда получаемые знания обладают свойством воспроизводимости);

— обоснованными, т.е. опирающимися на установленные ранее научные положения и факты (под обоснованностью научных положений понимают их подкрепленность аргументами);

— достоверными, т.е. подтвержденными практикой (полученные знания должны быть проверены в ходе эмпирических исследований).

Отдельные требования предъявляются к содержанию теории:

— *глубина* (теория должна давать представление о сущности изучаемых объектов действительности);

— *целостность* (представление о сущности изучаемых объектов должно быть целостным);

— *полнота* (теория должна охватывать все явления из ее предметной области);

— *объяснительная способность* (теория должна объяснять не только сущность изучаемых объектов, но и все связи ними, а также между данной теорией и другими теориями);

— *прогностическая способность* (теория должна давать возможность делать на ее основе достоверные предположения и сбывающиеся прогнозы).

Требования к форме представления теории:

— *соответствие изложения теории научному стилю речи* (теория должна быть изложена не обиходным языком, для которого характерны многозначность слов, экспрессия, недоговоренность, имплицитные смыслы и др., а строгим научным стилем, которому присуще отсутствие экспрессии, использование общенаучной и специальной терминологии, ясность и точность изложения);

— *логичность изложения* (научные положения, составляющие теорию, должны быть связаны отношениями выводимости, т.е. одно должно логично вытекать из другого; они не должны противоречить одно другому).

На основании всего сказанного был сделан следующий общий вывод: любая теория, и в том числе и теория методов обучения неродному языку, должна представлять собой совокупность взаимосвязанных научных положений, характеризующихся обобщенностью, обоснованностью и достоверностью. Теория должна целостно отражать сущность изучаемого фрагмента действительности, обладать способностью объяснить внутренние и внешние связи ее компонентов (закономерности), а также прогнозировать развитие изучаемого фрагмента действитель-

ности, она должна быть изложена научным языком и построена в соответствии с законами логики.

Анализ научных трудов по методологии педагогического исследования [13; 14] позволил сформулировать дополнительное требование, предъявляемое к педагогическим и, соответственно, методическим теориям — *обращенность к практике*. Выдвижение этого требования обусловлено тем, что педагогические науки, как и технические, медицинские, военные, сельскохозяйственные и некоторые другие, — это науки, исследующие деятельность людей. Их особенность в отличие от наук, изучающих предметы и явления окружающего мира, заключается в наличии не одной, а двух целевых установок, стоящих перед исследователем:

- 1) познавательной — направленной на изучение фактов и закономерностей педагогической действительности,
- 2) преобразующей, направленной на улучшение (оптимизацию) этой действительности.

Результаты познавательной и преобразующей деятельности специалистов в области педагогических наук составляют два вида научного знания. В.В. Краевский называл их дескриптивным (описательным) и прескриптивным (предписывающим, нормативным) и объяснял их специфику исходя из соотношения между философскими категориями сущего и должного [13].

Двунаправленность педагогических теорий означает, что они обязательно должны иметь выход в практику обучения, воспитания и развития учащихся, в практику создания учебных программ, методических рекомендаций, учебников и учебных пособий. Так, например, теория учебника помимо собственно исследовательской части должна содержать рекомендации, как составить учебник или учебное пособие, как применять их, как оценить их качество. Теория урока помимо теоретических утверждений должна учить преподавателей тому, как качественно подготовить и успешно провести учебное занятие. Теория методов обучения должна включать в себя не только описание и систематизацию существующих методов (хотя и это очень важно), но и рекомендации для преподавателей: как выбрать из числа известных методов метод, оптимальный для данных целей и условий обучения, для данной категории учащихся, или как сконструировать новый метод, если из известных методов ничего выбрать нельзя.

Важное требование, предъявляемое к собственно методическим теориям, *опора на общие научные положения педагогики*. Оно вытекает из положения о том, что педагогика как общая наука об обучении, воспитании и развитии учащихся является методологической основой для методик — наук об обучении, воспитании и развитии учащихся в рамках определенного учебного предмета, в нашем случае в рамках учебных предметов «русский язык», «иностранный язык» и др. Данное положение означает, что теория обучения неродному языку должна опираться на положения общей, педагогической теории методов обучения.

Включенность методической теории в контекст методики обучения неродному языку предполагает использование выработанной годами методической терминологии, опору на имеющиеся методические знания, на предшествующие методические теории. Если же создатель теории привлекает данные других наук, то он должен давать им методическую интерпретацию. Понятия из области других

наук, которые методист считает необходимым использовать, должны логично вписываться в систему методических понятий. В общеметодологическом смысле это требование выступает как предметность, означающая, что вся совокупность понятий и утверждений теории должна относиться к одной и той же предметной области.

Включенность методической теории в контекст современной методики, а не методики прошедших периодов предполагает опору на результаты исследований последних двадцати — тридцати лет. Это, конечно же, не означает, что не могут или не должны учитываться результаты исследований, описанные в более ранних научных публикациях.

Включенность методической теории в контекст отечественной методики, а не зарубежной означает следование сложившимся именно в нашей стране методическим традициям. Она предполагает опору на труды, прежде всего, российских ученых, использование терминов, принятых именно в российской методической науке. Это ни в коем случае не означает отказа от учета работ зарубежных авторов, относящихся к данной теории.

История методики обучения неродному языку лет дает немало примеров нарушения этого требования. В период 1960-х годов, а также последних 30 лет отмечается влияние англо-американской научной терминологии на российскую. Например, авторы некоторых российских научных трудов вместо термина «прием обучения» используют термин «техника обучения», вместо термина «учебное действие» — термин «учебная стратегия». Термин «технология обучения» используют не в значении «отобранные на определенных основаниях и расположенные в определенном порядке приемы обучения», а в значении «технические средства обучения». Признавая, что современная наука носит интернациональный характер, следует все же учитывать, что российская методика обучения неродному языку обладает своими научными традициями, устоявшимися терминами, она опирается на специфически российские методические, лингвистические, психологические и педагогические концепции.

Таким образом, теория методов обучения второму языку, как и любая методическая теория, должна быть включена в контекст современной отечественной методики — а) именно методики, а не педагогики, лингвистики, психологии или какой-либо другой науки; б) именно современной, а не методики прошедших периодов; в) именно отечественной, а не зарубежной.

Все выделенные ранее требования отражают те или иные существенные признаки методической теории и должны учитываться при разработке теории методов обучения неродному языку.

Вторым важным результатом исследования пролегоменов к теории методов обучения неродному языку стало уточнение понятия «неродной язык».

В целях определения понятия «неродной язык» было изучено функционирование термина «неродной язык» в методической, лингвистической и психологической литературе. Было установлено, что в российских трудах по преподаванию иностранных языков этот термин почти не используются, в них встречается в основном термин «иностранный язык», противопоставленный термину «родной язык». Термин «неродной язык» встречается главным образом в трудах по мето-

дике обучения русскому языку нерусских учащихся в словосочетании «русский язык как неродной», причем в работах разных авторов он обозначает разные понятия.

Чаще всего термин «русский язык как неродной» применяется по отношению к обучению русскому языку в тех школах России, где часть учебных предметов преподается на родном языке учащихся (в билингвальных школах), т.е. он заменил существовавший в советское время термин «русский язык в национальной школе» [17]. Кроме того, русским языком как неродным иногда называют русский язык, который преподают в школах ближнего зарубежья — в странах СНГ [16]. Равным образом, преподавание русского языка в российских вузах студентам из Средней Азии и Закавказья часто называют преподаванием русского языка как неродного, так как оно обычно осуществляется не с нулевого уровня, и поэтому существенно отличается от преподавания русского языка студентам из Китая, Кореи, Индии, других стран дальнего зарубежья. Наконец, некоторые исследователи называют русским языком как неродным тот язык, которым овладевают приезжающие из зарубежных стран трудовые мигранты [18; 19].

В научной литературе встречается употребление термина «неродной язык» и в широком значении, как родового понятия, включающего понятия иностранного языка и неиностранный неродного языка, на котором говорят в родной стране учащихся [20; 24]. Все это говорит о том, что термин «неродной язык» не устоялся и должен быть подвергнут анализу.

Сам по себе термин «неродной язык» не содержит в составе своего значения никаких компонентов, которые позволяли бы его отнести исключительно к языку, которым овладевают или иностранцы, или нерусские граждане России. Системное его рассмотрение предполагает, что он противопоставлен термину «родной язык», и соответственно, его употребление уместно во всех тех случаях, когда речь идет о преподавании не родного языка, а языка, изучаемого после родного. Эта последовательность (неродной язык как второй после родного) отражается в англо-американской научной литературе, где используются термины «первый язык» и «второй язык». При этом понятие «второй язык» (*second language*) отличается от понятия «иностраный язык» (*foreign language*). Вторым языком обычно называют неродной язык, усваиваемый в языковой среде (например, английский язык, усваиваемый носителями других языков в Великобритании, США, Австралии и др.), иностранным языком — неродной язык, усваиваемый вне языковой среды (например, английский язык в Германии) [25]. Российская методическая традиция не предусматривает такого деления. Термины «иностраный язык», «русский язык как иностранный», «неродной язык» употребляются безотносительно к тому, в каких условиях язык усваивается.

С методической точки зрения наиболее значимо различие родного и неродного языков, так как эти разновидности языка по-разному усваиваются, и по-разному преподаются в учебных заведениях. При этом понятие «неродной язык» целесообразно использовать в широком значении как родовое понятие по отношению к более частным понятиям «иностраный язык» и «неиностранный неродной язык».

Различия между указанными разновидностями неродного языка, конечно же, существуют, но в целом они не очень значимы. Так, русский язык, преподававшийся армянам до вхождения Армении в состав Российской империи, следует считать иностранным, так как Россия была для армян иностранным государством. В дальнейшем в армянских школах Российской империи и Советского Союза он уже был неиностранным языком. После 1991 года Армения стала самостоятельным государством, и русский язык должен снова рассматриваться как иностранный для армян. При этом во все три периода армянские учащиеся испытывали одни и те же трудности при изучении русского языка, и армянские учителя решали одни и те же методические задачи. Именно поэтому вполне правомерно называть его просто неродным языком, что и было сделано в работе армянских методистов [16].

Методы обучения этим разновидностям неродного языка одни и те же (ср. описания методов обучения русскому языку как иностранному [6] и методов обучения русскому языку в национальной школе [26]), но при этом они отличаются от методов обучения родному русскому языку [27]. Это положение никак не означает тождества систем обучения русскому языку иностранцев и нерусских граждан России, которые различаются, прежде всего, целями и содержанием обучения.

Таким образом, если говорится о методах обучения, то вполне правомерно использовать термин «неродной язык» как более общий, родовой, так как методы обучения не зависят от того, является ли этот язык для учащегося иностранным или это один из языков его родной страны. Они также не зависят от того, преподается данный неродной язык в языковой среде или вне ее, и от того, какой это язык с типологической и генетической точек зрения (аналитический, флективный, агглютинативный, изолирующий; русский, английский, немецкий, французский и др.). При этом, конечно же, следует иметь в виду, что одни методы чаще используются в языковой среде, а другие вне ее, одни методы чаще используются при обучении аналитическому языку, а другие при обучении флективному.

Третьим результатом исследования стало уточнение содержания понятия «метод обучения».

Анализ теоретических трудов в области педагогики и методики [10; 21; 28—31] показал, что единого определения понятия «метод обучения» не существует. Наиболее распространенное определение метода обучения, получившее отражение во многих научных трудах и известных учебниках педагогики, следующее: метод обучения — это способ взаимосвязанной деятельности преподавателя и учащихся, направленный на решение комплекса задач учебного процесса (см., например, работу [30]). Это определение встречается в различных вариантах: метод — это не способ, а совокупность способов, не взаимосвязанной, а совместной деятельности преподавателя и учащихся, не задач учебного процесса, а задач обучения и др. Во всех этих вариантах основное определение метода обучения существенно не меняется.

Рассматривая именно это наиболее типичное определение, отметим, что определение метода как способа деятельности тавтологично — содержание понятий «метод» и «способ» по сути одно и то же, что позволяет в ряде случаев использовать

слова «метод» и «способ» как взаимозаменяемые. Понятие «способ» не выступает в качестве родового по отношению к понятию «метод». Объем понятия «способ» никак не больше объема понятия «метод», наоборот, в ряде научных трудов способ обучения рассматривается как компонент метода обучения (см., например, работу [17]). Нет сомнения в том, что обсуждаемое определение метода обучения есть производное от определения: обучение — это взаимосвязанная деятельность преподавателя и учащихся, направленная на решение комплекса задач учебного процесса. Оно не вскрывает сущности понятия «метод обучения», являясь абсолютно неинформативным, пустым, как были бы пустыми аналогичные определения: содержание обучения — это содержание взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, средство обучения — это средство взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, результаты обучения — это результаты взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся и т.д.

Известно, что основная цель определения понятия — раскрыть его содержание с тем, чтобы отличить предмет, отражаемый этим понятием, от сходных с ним предметов. Для этого в определении перечисляются существенные признаки данного понятия. Определение метода обучения как способа взаимосвязанной деятельности преподавателя и учащихся никаких существенных признаков понятия «метод обучения» не содержит.

Определения понятия «метод обучения» как видового через некое родовое понятие в научной литературе автору обнаружить не удалось. Среди попыток найти для метода более общее, родовое понятие можно выделить его определение как пути достижения целей обучения [28] или как направления в обучении [2]. Первое из этих двух было подвергнуто критике в монографии И.Л. Садовской [21], где справедливо указывается, что путем достижения целей обучения служит не только метод, но и весь процесс обучения в целом. Второе критиковала И.Л. Бим, предложившая называть методы-направления в обучении иностранному языку не методами, а методическими системами [32].

Не исключено, что определение метода обучения через родовое понятие вообще невозможно, так как само понятие метода относится к наиболее общим, философским категориям. В этом случае единственно возможными будут определения «метода обучения» через состав входящих в него компонентов. В педагогической и методической литературе существуют два таких определения.

1. Метод обучения — это совокупность приемов обучения [7; 32; 33]. Например, прямой метод может быть определен как совокупность беспереводных приемов обучения: приемов овладения неродным языком (приемов учения) и приемов организации овладения неродным языком (приемов преподавания).

2. Метод обучения — это совокупность принципов обучения [8; 34]. Например, тот же самый прямой метод может быть определен как совокупность принципов имитативности в обучении произношению, наглядной семантизации лексики, интуитивности в обучении грамматике и др. Можно выделить и ведущий для данного метода принцип обучения — принцип беспереводности.

Данные определения не противоречат друг другу, а отражают разные стороны понятия «метод». Несомненно, в составе метода следует выделять две его части: инструментальную (приемы обучения) и концептуальную (принципы обучения).

Эти части обладают внутренним единством, так как приемы, включаемые в состав того или иного метода обучения, реализуют те или иные принципы обучения, присущие данному методу. Если выбирается какой-либо метод обучения, то тем самым признается и концептуальные установки, лежащие в его основе.

Таким образом, под методом обучения целесообразно понимать совокупность принципов и приемов обучения. Это общее дидактическое определение будет иметь значение и для теории методов обучения неродному языку.

Обсуждение

Понятийно-терминологический анализ ключевых понятий теории методов обучения неродному языку «методическая теория», «неродной язык», «метод обучения» позволил уточнить их содержание и установить связи между ними.

Выступая в качестве пролегоменов теории методов обучения неродному языку, данные понятия станут необходимой основой для ее построения. Ранее ни в России, ни за рубежом вопрос о создании теории методов обучения неродному языку никто не ставил, и, естественно, не возникало и потребности в разработке и описании ее пролегоменов. То, что это было сделано в ходе данного исследования, свидетельствует о его безусловной научной новизне.

В ходе исследования также был решен ряд научных задач: определены требования к методическим теориям, установлены соотношения понятия «неродной язык» со смежными понятиями, уточнено понятие «метод обучения».

Разработка пролегоменов к теории методов обучения неродному языку предопределила дальнейшую работу в следующих направлениях:

- системный анализ понятия «метод обучения неродному языку»;
- теоретико-методологический анализ методов обучения неродному языку, включая их классификации по различным основаниям;
- изучение истории методов обучения неродному языку и выявление тенденций их развития;
- анализ современного состояния методов обучения неродному языку и прогнозирование их дальнейшего развития;
- изучение и обобщение опыта использования методов в процессе обучения;
- разработка процедур выбора и конструирования методов обучения в соответствии с требованиями теории оптимизации обучения.

Заключение

В ходе исследования пролегоменов теории методов обучения неродному языку был проведен понятийно-терминологический анализ базовых понятий этой теории — понятий «методическая теория», «неродной язык», «метод обучения».

Были определены требования к методическим теориям, которым должна удовлетворять и теория методов обучения неродному языку. Среди них как требования к теории вообще (системность, обобщенность, обоснованность и достоверность входящих в ее состав научных положений, глубина, полнота, целостность, объяснительная и прогностическая способность, соответствие научному стилю речи и логичность изложения), так и специфические требования, предъявляемые к педагогическим (обращенность к практике) и методическим теориям (опора на

общие научные положения педагогики, включенность в контекст современной российской методики обучения неродному языку). Все эти требования, с одной стороны, выявляют существенные характеристики понятия «методическая теория», с другой стороны, выступают в роли ориентиров при создании таких теорий, в роли критериев оценки их качества и опосредованно в роли показателей квалификации их создателей.

Анализ термина «неродной язык» в методической, лингвистической и психологической литературе позволил установить, что этот термин употребляется в разных значениях, и прийти к выводу, что в контексте теории методов обучения правомерно использовать этот термин в его наиболее общем, родовом значении (неродной язык как язык, противопоставленный родному), так как методы обучения не зависят от того, является ли этот язык для учащегося иностранным или это один из языков его родной страны, от того, преподается данный неродной язык в языковой среде или вне ее, и от того, какой это язык с типологической и генетической точек зрения.

Анализ понятия «метод обучения» и соответствующего научного термина показал несостоятельность определения этого понятия как совокупности взаимосвязанной деятельности преподавателей и учащихся, пути достижения целей обучения и направления в обучении. Был сделан вывод о том, что из всех существующих его определений наиболее корректными с методологической точки зрения служат его определения через совокупность входящих в него компонентов. Было предложено понимать под методом обучения совокупность принципов и приемов обучения и показано, что это определение в равной степени значимо и для дидактики и для методики обучения неродному языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Рахманов И.В., Гез Н.И., Зимняя И.А., Фоломкина С.К., Шайкевич А.А.* Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX—XX вв. / под ред. И.В. Рахманова. М.: Педагогика, 1972. 318 с.
- [2] *Капитонова Т.И., Шукин А.Н.* Современные методы обучения русскому языку иностранцев. М.: Русский язык, 1979. 222 с.
- [3] *Larsen-Freeman D.* Techniques and Principles in Language Teaching. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000. 252 p.
- [4] *Richards J., Rodgers Y.* Approaches and Methods in Second Language Classrooms. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
- [5] *Гез Н.И., Фролова Г.М.* История зарубежной методики преподавания иностранных языков. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 256 с.
- [6] *Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Шукин А.Н.* Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 312 с.
- [7] *Рахманов И.В.* Очерк по истории методики преподавания новых западноевропейских иностранных языков. М.: Учпедгиз, 1947. 196 с.
- [8] *Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. 227 с.
- [9] *Московкин Л.В.* Теоретические основы выбора оптимального метода обучения: русский язык как иностранный, начальный этап. СПб.: СМИО-Пресс, 1999. 188 с.
- [10] *Витлин Ж.Л.* Эволюция методов обучения иностранным языкам в 20 веке // Иностранный язык в школе. 2001. № 2. С. 23—29, 61.

- [11] *Bonvino E., Di Prete L., Giardini F., Iori A., Longo I., Pontesilli A., et al.* C'era una volta il metodo: Tendenze attuali nella didattica delle lingue straniere. A cura di Carlo Serra Borneto. 7 ristampa. Roma: Carocci editore, 2005. 329 p.
- [12] *Рахманина М.Б.* Метод как основа обучения иностранному языку (Системно-структурный анализ). М.: МПГУ, 2006. 408 с.
- [13] *Краевский В.В.* Педагогическая теория: что это такое? Зачем она нужна? Как она делается? Волгоград: Перемена, 1996. 85 с.
- [14] *Яковлев Е.В., Яковлева Н.О.* Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2006. 239 с.
- [15] *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.
- [16] *Есаджанян Б.М., Баласанян Л.Г., Баятян Э.А., Шахкмян Г.Г.* Методика преподавания русского языка как неродного / под ред. Б.М. Есаджанян. Ереван: Филин, 2008. 496 с.
- [17] *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
- [18] *Балыхина Т.М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового). М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
- [19] *Лысакова И.П., Уша Т.Ю., Васильева Г.М., Железнякова Е.А., Розова О.Г., Матвеева Т.Н. и др.* Основы методики обучения русскому языку как неродному / под ред. И.П. Лысаковой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 163 с.
- [20] *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 219 с.
- [21] *Садовская И.Л.* Методы обучения: мифы, заблуждения и реалии. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2008. 228 с.
- [22] *Рузавин Г.И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978. 244 с
- [23] *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
- [24] *Володина Г.И.* Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Изд-во МГУ, 1989. 128 с.
- [25] *Ellis R.* The Study of Second Language Acquisition. 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2001. 824 p.
- [26] *Шакирова Л.З., Сабаткоев Р.Б.* Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ). СПб.: Просвещение; Казань: Магариф, 2003. 376 с.
- [27] *Воителева Т.М., Фомичева Г.А.* Методы обучения русскому языку // Теория и практика обучения русскому языку / под ред. Р.Б. Сабаткоева. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 51–59.
- [28] *Данилов М.А.* К вопросу о методах обучения в советской школе // Советская педагогика. 1956. № 10. С. 87–101.
- [29] *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.
- [30] *Бабанский Ю.К.* Методы обучения в современной общеобразовательной школе. М.: Просвещение, 1985. 208 с.
- [31] *Рудакова И.А.* Теория и практика методов обучения в современной дидактической интерпретации. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2004. 264 с.
- [32] *Бим И.Л.* Методика обучения иностранным языкам как наука и проблема школьного учебника. М.: Русский язык, 1977. 288 с.
- [33] *Трайнев И.В.* Конструктивная педагогика / под общ. ред. В.Л. Матросова. М.: ТЦ Сфера, 2004. 320 с.
- [34] *Махмутов М.И.* Вопросы теории методов проблемно-развивающего обучения // Вопросы совершенствования форм и методов общеобразовательной подготовки в средних профтехучилищах. М.: НИИ ОП, 1980. С. 5–61.

© Московкин Л.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.01.2017

Дата принятия к печати: 28.01.2017

Для цитирования:

Московкин Л.В. Прологомены к теории методов обучения неродному языку // *Вестник Российской государственной дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 231–245.

Сведения об авторе:

Московкин Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». *Сфера научных интересов*: История и современное состояние педагогики, методики преподавания русского и иностранных языков, методология педагогического исследования. Автор более 250 научных публикаций. *Контактная информация*: moskovkin.leonid@yandex.ru

PROLEGOMENA TO THE THEORY OF METHODS OF TEACHING NON-NATIVE LANGUAGE

Leonid Moskovkin

Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab. 7-9, St. Peterburg, Russia, 199034

The article presents the results of studying prolegomena of the theory of non-native language teaching methods.

The relevance of this study is conditioned by the needs of development of the theory of non-native language teaching.

The purpose of this article is to clarify the content of basic concepts of the theory of non-native language teaching methods — the concepts “methodological theory”, “non-native language”, “teaching method”, to define requirements for the methodological theories, to establish relations between the concept “non-native language” and related concepts, to analyze existing definitions of the term “method of teaching”.

The materials of the study were scientific works, in which the basic concepts of this theory are used. The main method of the research was terminological-conceptual analysis.

This study defined the requirements for methodological theories and for the theory of non-native language teaching methods in particular. Among them are general requirements for the theories (systemic character; generalized character, validity and reliability of its statements; depth, completeness, integrity, explanatory and predictive capacity; corresponding to the scientific style norms and logic of its presentation), specific pedagogical requirements (possibility of use its statements in the practice of teaching) and methodological requirements (reliance on general pedagogical statements; standing in the area of modern Russian theory of non-native language teaching).

Analysis of the term “non-native language” in relation to the theory of teaching methods allowed to conclude that in the area of this theory is better to use it in most general, generic sense. Analysis of definitions of the concept “teaching method” showed that its better definition is a definition as the set of principles and techniques of teaching.

Key words: Theory of methods of teaching, non-native language, second language, foreign language

REFERENCES

- [1] Rakhmanov I.V., Gez N.I., Zimnyaya I.A., Folomkina S.K., Shaikevich A.Ya. *Osnovnye napravleniya v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov v XIX–XX vv.* Rakhmanov I.V., editor. M.: Pedagogika; 1972. 318 s. (In Russ.)
- [2] Kapitonova T.I., Shchukin A.N. *Sovremennye metody obucheniya russkomu yazyku inostrantsev.* M.: Russkii yazyk, 1979. 222 s. (In Russ.)
- [3] Larsen-Freeman D. *Techniques and Principles in Language Teaching.* 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2000. 252 p.
- [4] Richards J., Rodgers Y. *Approaches and Methods in Second Language Classrooms.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
- [5] Gez N.I., Frolova G.M. *Istoriya zarubezhnoi metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov.* M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2008. 256 s. (In Russ.)
- [6] Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shchukin A.N. *Metody i tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu.* M.: Russkii yazyk. Kursy, 2008. 312 s. (In Russ.)
- [7] Rakhmanov I.V. *Ocherk po istorii metodiki prepodavaniya novykh zapadnoevropeiskikh inostrannykh yazykov.* M.: Uchpedgiz, 1947. 196 s. (In Russ.)
- [8] Belyaev B.V. *Ocherki po psikhologii obucheniya inostrannym yazykam.* M.: Prosveshchenie, 1965. 227 s. (In Russ.)
- [9] Moskovkin L.V. *Teoreticheskie osnovy vybora optimal'nogo metoda obucheniya: Russkii yazyk kak inostrannyi, nachal'nyi etap.* Saint Petersburg: SMIO-Press, 1999. 188 s. (In Russ.)
- [10] Vitlin Zh.L. *Evolutsiya metodov obucheniya inostrannym yazykam v 20 veke. Inostrannyi yazyk v shkole.* 2001. (In Russ.)
- [11] Bonvino E., Di Prete L., Giardini F., Iori A., Longo I., Pontesilli A., et al. *C'era una volta il metodo: Tendenze attuali nella didattica delle lingue straniere.* Serra Borneto C., editor. 7 ed. Roma: Carocci editore, 2005. 329 p. (In Ital.)
- [12] Rakhmanina M.B. *Metod kak osnova obucheniya inostrannomu yazyku (Sistemno-strukturnyi analiz).* M.: MPGU, 2006. 408 s. (In Russ.)
- [13] Kraevskii V.V. *Pedagogicheskaya teoriya: chto eto takoe? Zachem ona nuzhna? Kak ona delaetsya?* Volgograd: Peremena, 1996. 85 s. (In Russ.)
- [14] Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. *Pedagogicheskaya kontsepsiya: metodologicheskie aspekty postroeniya.* M.: Gumanitarnyi tsentr VLADOS, 2006. 239 s. (In Russ.)
- [15] Novikov A.M., Novikov D.A. *Metodologiya.* M.: SINTEG, 2007. 668 s. (In Russ.)
- [16] Esadzhanyan B.M., Balasanyan L.G., Bayatyan E.A., Shakhkamyan G.G. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo.* Esadzhanyan B.M., editor. Yerevan: Filin, 2008. 496 s. (In Russ.)
- [17] Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam).* M.: Izd-vo IKAR, 2009. 448 s. (In Russ.)
- [18] Balykhina T.M. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo).* M.: Izd-vo RUDN, 2007. 185 s. (In Russ.)
- [19] Lysakova I.P., Usha T.Yu., Vasil'eva G.M., Zheleznyakova E.A., Rozova O.G., Matveeva T.N., et al. *Osnovy metodiki obucheniya russkomu yazyku kak nerodnomu.* Lysakova I.P., editor. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2015. 163 s. (In Russ.)
- [20] Zimnyaya I.A. *Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku.* M.: Russkii yazyk, 1989. 219 s.
- [21] Sadovskaya I.L. *Metody obucheniya: mify, zabluzhdeniya i realii.* Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2008. 228 s. (In Russ.)
- [22] Ruzavin G.I. *Nauchnaya teoriya: logiko-metodologicheskii analiz.* M.: Mysl', 1978. 244 s. (In Russ.)
- [23] Stepin B.C. *Teoreticheskoe znanie.* M.: Progress-Traditsiya, 2003. 744 s. (In Russ.)
- [24] Volodina G.I. *Opisanie semanticheskikh klassov predlozhenii v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo.* Beloshapkova V.A., editor. M.: Izd-vo MGU, 1989. 128 s. (In Russ.)
- [25] Ellis R. *The Study of Second Language Acquisition.* 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2001. 824 p.

- [26] Shakirova L.Z., Sabatkoev R.B. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka (na materiale natsional'nykh shkol)*. Saint Petersburg: Prosveshchenie; Kazan': Magarif, 2003. 376 s. (In Russ.)
- [27] Voiteleva T.M., Fomicheva G.A. *Metody obucheniya russkomu yazyku*. In: Sabatkoev R.B., editor. *Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku*. M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2005. S. 51–59. (In Russ.)
- [28] Danilov M.A. K voprosu o metodakh obucheniya v sovetskoj shkole. *Sovetskaya pedagogika*. 1956. (In Russ.)
- [29] Lerner I.Ya. *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya*. M.: Pedagogika, 1981. 186 s.
- [30] Babanskii Yu.K. *Metody obucheniya v sovremennoj obshcheobrazovatel'noj shkole*. M.: Prosveshchenie, 1985. 208 s. (In Russ.)
- [31] Rudakova I.A. *Teoriya i praktika metodov obucheniya v sovremennoj didakticheskoj interpretatsii*. Rostov na Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2004. 264 s. (In Russ.)
- [32] Bim I.L. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam kak nauka i problema shkol'nogo uchebnika*. M.: Russkii yazyk, 1977. 288 s. (In Russ.)
- [33] Trainev I.V. *Konstruktivnaya pedagogika*. Matrosov V.L., editor. M.: TTs Sfera, 2004. 320 s. (In Russ.)
- [34] Makhmutov M.I. *Voprosy teorii metodov problemno-razvivayushchego obucheniya*. In: *Voprosy sovershenstvovaniya form i metodov obshcheobrazovatel'noi podgotovki v srednikh proftekhuchilishchakh*. M.: NII OP, 1980. S. 5–61. (In Russ.)

Article history:

Received: 08.01.2017

Accepted: 28.01.2017

For citation:

Moskovkin L. (2017) Prolegomena to the theory of methods of teaching non-native language. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 231–245.

Bio Note:

Moskovkin Leonid Viktorovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of the Russian as a foreign language FGBOU VO “St. Petersburg State University”. *Research interests*: history of Pedagogy, modern Pedagogy, methods of teaching Russian and foreign languages, methods of pedagogic research. The author of 250 scientific articles. *Contact information*: moskovkin.leonid@yandex.ru



DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-246-248

РЕЦЕНЗИЯ

Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2017. 512 с.

Издательство Флинта в 2017 году выпустило новое издание учебного пособия А.Н. Щукина «Методика преподавания русского языка как иностранного». В книге представлен современный этап развития методики как науки и практики обучения. Современная методика преподавания русского языка как иностранного находится в постоянном изменении и развитии. Появляются новые методические теории и концепции, изменяется и расширяется контингент людей, изучающих русский язык, появляются новые средства обучения (учебники, словари), расширяются возможности обучения языку с помощью информационно-коммуникационных технологий, развиваются и уточняются представления об особенностях речевого общения и взаимодействия людей посредством языка и др. В работе отражен многолетний личный опыт преподавания русского языка и курса методики, обобщена теория и практика преподавания русского языка как иностранного в России и за рубежом. В пособии рассматриваются основные проблемы теории и практики обучения русскому языку как иностранному в условиях высшей школы. В книге обобщен современный опыт преподавания курса методики обучения иностранным языкам с позиции базисных для методики дисциплин: педагогики, психологии, лингвистики, социологии, культурологии с учетом профессиональных потребностей студентов-филологов, преподавателей русского языка как иностранного. В пособии раскрыт современный опыт преподавания курса «Методика преподавания русского языка как иностранного» студентам филологам, специализирующимся в области преподавания русского языка, с позиции закона «Об образовании в Российской Федерации» (2012), новых стандартов высшего образования 3-го поколения (ФГОС-3, 2013) и компетентного подхода к образованию, реализующего концепцию нового стандарта. Настоящее пособие посвящено прежде всего характеристике лингводидактических основ преподавания русского языка как иностранного. В нем сделан акцент на овладение методикой преподавания языка в тесном взаимодействии с иноязычной культурой, формированием в процессе обучения языку коммуникативной компетенции и компетентности учащихся в различных областях знания в контексте диалога культур.

В предисловии к книге отмечается, что настоящее пособие есть первая часть учебного курса по методике преподавания русского языка как иностранного, подготовленного в соответствии с программой учебной дисциплины «Методика преподавания русского языка как иностранного» и адресованного студентам-филологам, специализирующимся в области теории и практики преподавания

русского языка. Переход российской высшей школы на новые образовательные стандарты 3-го поколения, в основе которых лежит компетентностный подход, пока еще нашел слабое отражение в существующих учебниках и пособиях по методике преподавания РКИ. Рецензируемая книга в полной мере учитывает изменения образовательных стандартах, подходах к обучению, системе контроля, в этом ее актуальность и новизна. Именно поэтому в работе уделяется внимание не только формированию навыков, умений, приобретению знаний, но формированию способности обучающихся самостоятельно пользоваться компетенциями в различных сферах деятельности, уделяя особое внимание речевой деятельности. Ориентация процесса обучения РКИ и методики его преподавания на компетентностный подход, как отмечается в книге, способствует более успешному формированию профессиональной и коммуникативной компетенции и компетентности будущих преподавателей русского языка. В пособии ставится и решается важная задача уточнения содержания основных положений теории методики с позиций нового образовательного стандарта и компетентностного подходов, усиления и обоснования практической составляющей дисциплины «Методика преподавания РКИ».

Важные достоинства книги заключаются в следующем: 1) в ней отражены методические новации в области преподавания русского языка и базисных наук для методики дисциплин; характеризуются такие важные проблемы обучения, как понятийный аппарат методики, ее связь с базисными науками, особое внимание уделяется системе и технологии обучения; 2) она не только учитывает традиции и преимущества традиционной модели обучения, но и информирует читателя в достаточно полной мере о новых направлениях исследований: стратегии обучения языку, коммуникативно-деятельностный и социокультурный подходы к языку, развитие систем тестового контроля, взаимодействие языка и культуры, использование современных технологий обучения. В книге не навязываются отдельные весьма интересные и плодотворные решения, предлагаемые современной наукой, а учитываются плюрализм при выборе методов и средств обучения, индивидуально-психологические и профессиональные интересы учащихся; рекомендуется учитывать национальные традиции и менталитет учащихся.

Как отмечается в предисловии, цели пособия следующие: дать представление об основных этапах развития методики; познакомить студентов с лингводидактическими основами преподавания РКИ; представить практические рекомендации по обучению средствам общения (фонетическим, лексическим, грамматическим и др.) и деятельности общения (аудированию, говорению, чтению, письму), охарактеризовать современные педагогические технологии и др.

Пособие состоит из предисловия, 16 глав, заключения, списка использованной и рекомендованной литературы. Каждая глава содержит заключение по теме (резюме), контрольные вопросы и задания, список дополнительной литературы по теме.

В издательстве «Флинта» готовится вторая часть пособия, которое будет характеризовать собственно методическую или практическую сторону обучения русскому языку. В нем будут рассмотрены проблемы обучения аспектам и видам речевой деятельности, организации урока и др. Таким образом, курс «Методики

преподавания русского языка как иностранного» будет полностью обеспечен учебным пособием, соответствующим современному уровню развития методики.

Хотя в книге затронуты весьма сложные вопросы и проблемы современной методике, она написана доступным и понятным даже для неспециалистов языком. Книга хорошо оформлена, в ней много схем, таблиц, которые обобщают описанный в главе материал. Резюме к каждой главе, контрольные вопросы и задания, которые носят проблемный характер, помогают понять самые главные идеи и положения данной главы. Дополнительная литература к каждой главе позволяет при необходимости глубже познакомиться с той или иной проблемой.

Пособие будет полезно для студентов-филологов, будущих преподавателей русского языка, аспирантов, стажеров, преподавателей и всех интересующихся проблемами преподавания русского языка как иностранного.

Эльхан Гейдарович Азимов

Для цитирования:

Азимов Э.Г. Рецензия на книгу: *Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. А.Н. Шукин. М.: Флинта; Наука, 2017. 512 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 2. С. 246—248.*

Сведения об авторе:

Азимов Эльхан Гейдарович, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва. *Сфера научных интересов:* методика преподавания русского языка как иностранного, лексикология, использование информационно-коммуникационных технологий в обучении русскому языку. *Контактная информация:* azimov@yandex.ru

For citation:

Azimov E.G. (2017) Book review: *Methods of teaching Russian as a foreign language: tutorial 3rd edition, revised and supplemented.* A.N. Shchukin. M.: Flinta; Science, 2017. 512 p. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15(2), 246—248.

Bio Note:

Azimov Elkhan Geidarovich, Doctor of Pedagogy, professor of the Chair of methods of teaching Russian as a foreign language, philological faculty FGBOU VO "Pushkin Russian Language Institute". *Scientific interests:* methods of teaching Russian as a foreign language, lexicology, information and communication technologies in teaching Russian. *Contact information:* azimov@yandex.ru